

Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ И ЕЕ РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья С. Дурьлина

I. Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ В ВЕНЕ В 1808 г.

Говоря однажды об Австрии, продолжавшей в XVIII в. возглавлять средневековую Священную Римскую империю (Saint Empire Romain), Вольтер язвительно спросил: «Pourquoi Saint? Pourquoi Empire? Pourquoi Romain?».

Словно в ответ Вольтеру, Наполеон вычеркнул после аустерлицкого погрома это тысячелетнее название из списка государств Европы, оставив разгромленную им Австрию почти в полном бессилии от нанесенного ей позора и разорения.

1807 г. был апогеем могущества Наполеона. Германия и Италия были ему покорны; неудачи в Испании еще не успели набросить первой тени на военную славу знаменитого полководца. Вдохновитель третьей коалиции против Наполеона, Вильям Питт, умер, потрясенный аустерлицким поражением. Другой противник Наполеона, Александр I, проигравший войны 1806 и 1807 гг., превратился в его союзника. Никто не сомневался в подневольности этого союза, заключенного Наполеоном,—

... когда с победным договором

И с миром и с позором

Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

(Пушкин)

Союз Наполеона с Александром I означал политическое одиночество Австрии на континенте Европы. Поставленная Наполеоном I на колени, она не хотела примириться с этим неудобным положением, но принуждена была не менять его до поры до времени. Это время должно было наступить тогда, когда феодально-крепостническая Австрия, признавая денег у Англии, накопив военного снаряжения, набрав новых галицийских и венгерских крестьян в солдаты, могла бы вновь пойти против Наполеона.

«Австрия собирала все свои силы. Австрийский двор, аристократия, среднее дворянство—инициаторы этой войны—были единодушны; даже венгерское дворянство было на сей раз вполне верно «короне»: нужно было защищать и укреплять общее священное для них благо—крепостное право, которое было так страшно урезано географически и расшатано политически Наполеоном в трех войнах, 1796—1797, 1800 и 1805 гг., когда он разгромил австрийскую армию и отнял лучшие земли у монархии Габсбургов»¹.

Но собирать свои силы против Наполеона австрийское правительство могло лишь под почтительнейшей маской полнейшей преданности и покорнейшего восхищения «трудами и днями» нового властителя Европы.

В придворной и аристократической Вене чем глуже не навидели Наполеона, тем больше ему льстили. В инсценировке всеобщего восхищения перед Наполеоном участвовали все, но за спиной французского посла Андреосси все отдавались подлинным враждебным чувствам к Наполеону.

В австрийской инсценировке принял участие и русский император. Александр I сменил своего посла в Вене, блистательного графа Андрея Кирилловича Разумовского, ненавидевшего Наполеона, и на его место назначил отнюдь не блистательного князя А. Б. Куракина, которому вменено было в обязанность при всяком удобном случае свидетельствовать дружбу двух монархов.

Граф Андрей Разумовский был старым любимцем аристократической Вены. Внук украинского реестрового казака Разума, сын гетмана Украины, Андрей Разумовский был послом в Вене с 1791 г., но впервые попал туда еще в 1777 г. и так глубоко пустил в Вене жизненные корни, что одинаково мог считаться русским послом и австрийским *grand seigneur*ом,—и вторым мог считаться с большим правом, чем первым. Женатый на графине Елизавете Тун, Разумовский породнился с венской знатью и вошел в ее тесный и замкнутый круг.

Разумовский писал на превосходном французском языке свои депеши, ловко вел переговоры, умел окружить себя даровитыми личностями. Одного только недоставало ему,—это ясного сознания нужд и выгод России. Разумовский был отличный дипломат в общем, нарицательном, смысле этого слова, но он всегда был и до конца жизни оставался плохим русским послом». Такой приговор выносит Разумовскому его внимательный биограф, посвятивший ему два тома в тысячу слишком страниц².

Зато тот же Разумовский превосходно умел ладить со всеми петербургскими властителями. Страстный любитель классической музыки, покровитель Гайдна и Бетховена, Андрей Разумовский писал Потемкину, когда тот скучал под Очаковым: «Ваша светлость, моя обязанность—быть здесь вашим комиссионером. Душою и телом я готов исполнить всё, что вы рассудите мне приказать. Я напрягаю все усилия, чтобы отправить к вам первого клавесиниста и одного из способнейших композиторов Германии, по имени Моцарта, который несколько затрудняется предпринять это путешествие». Моцарт, уже написавший «Дон-Жуана» (1787), в должности военного капельмейстера при штабе «великолепного князя Тавриды»—это не казалось нелепым Разумовскому. Он умел прислужиться и к заместителю Потемкина, Платону Зубову, политическими сплетнями, тонкими винами, менюэтами Гайдна и титулом сперва графа, а затем и князя Священной Римской империи³.

В своем быту, в своих вкусах, во всей своей повадке Разумовский напоминал гордых и надменных французских маркизов прошлого века. Князь де Линь, беседуя с Разумовским, забывал, что он живет в Вене, в которой уже побывал Наполеон, а воображал, что находится в Версале, над которым еще не прогремел гром революции. Посол в Лондоне, чинный и строгий граф Семен Воронцов, с желчью пенял на Разумовского, что «к несчастью, этот посол, при всех его больших способностях, человек совершенно порочный... одним словом, он воспринял все нравы французских вельмож, известных под прозвищем милых беспутников (*aimables goués*)»⁴.

После Тильзита Александру было неудобно оставлять своим послом в Вене Разумовского, ненависть которого к Наполеону была известна,

и он заменил его покладистым и серым Куракиным, но не решился заставить Разумовского уехать из Вены, когда он отказался принять пост посла в Лондоне. С другой стороны, хотя в столице Австрии всячески льстили Наполеону, однако, лезть эта не доходила до того, чтобы воспретить Разумовскому пребывание в Вене.

«Беспечно окружась Корреджием, Кановой», Разумовский радушно принимал в своем великолепном венском доме гостей, угощая их изысканными ужинами и музыкой Бетховена, который в это самое время посвятил Разумовскому одну из частей своей 6-й симфонии.

В Вене оказались два русских посла: один, официальный, князь Куракин, представлял особу Александра I, другой, неофициальный, граф Разумовский, «представлял,—по выражению одного французского историка-дипломата,—ту часть русского дворянства, которая не разделяла образа мыслей своего монарха,—а почти вся русская знать не разделяла этих мыслей»⁵,—как не разделяла их не только австрийская, но и вообще почти вся европейская знать. Влияние второго посла России бесконечно превосходило влияние первого. В прекрасном доме Разумовского велись разговоры и строились планы, к которым внимательно прислушивался сам Наполеон ушами своих агентов. Когда через год Наполеон вошел победителем в Вену, он приказал войскам занять дворец Разумовского, освободив от военного постоя дворцы всех других венских вельмож. Позднее, в 1810 г., когда Куракин уже был послом в Париже, Наполеон приказал своему министру иностранных дел, Шампаньи, написать русскому послу: «Во главе этого общества [зачинщиков континентальной войны] находится бывший посол в Вене, граф Разумовский. Император русский может оказать весьма приятную услугу французскому правительству, вызвав из Вены подобных лиц и предписав им жить каждому у себя на родине в своем имени»⁶.

Бывший русский посол, действительно, был открытым выразителем тех антинаполеоновских чувств, консервативно-феодальных чаяний и реакционных надежд, которыми исподтишка жила аристократическая Вена. Вена была в 1807—1808 гг. столицей европейской реакции против Наполеона, а дворец русского ех-посла был там единственным местом, где эта реакция могла выступить без маски.

Вена в те времена, вспоминает русский дипломат граф А. И. Рибоьер, — «город роскоши и веселья, столица вкуса и утонченности. Жизнь протекала, как упоительный сон... Ко двору почти не езжали. Там приемов не бывало. Никто об этом, впрочем, не беспокоился, несмотря на искреннюю преданность престолу. Венская аристократия была самая независимая из всех аристократий...». «Послы и представители первых имперских семейств давали беспрестанно пышные обеды, за которыми следовали вечерние приемы. За обедами этими было много непринужденности, но, тем не менее, старые обычаи и этикет строго соблюдались»⁷.

Другой молодой русский дипломат, приехавший в Вену 18/30 марта 1807 г., незадолго до Тильзита, когда Разумовский принужден был уступить свое место Куракину, Сергей Семенович Уваров, тогда еще всего только камер-юнкер, умевший читать по-латыни и по-гречески, вынес из встречи с Веной несколько иные впечатления и отразил их в своих неизданных французских заметках: «Из записной книжки русского путешественника»⁸. Вот в каком свете представляется Уварову венская аристократия.

«Закон о майорате, в силу которого почти все состояние целиком переходит к старшему в роде, сохраняет неприкосновенность крупных богатств. Обычно приходится видеть, что старший брат в семье пользуется исключительными по своим размерам средствами, в то время как младшие не знают, на что жить. Однако, способ, как эти богачи пользуются своими богатствами, совершенно невероятный. Редко, когда они держат открытый дом,—обыкновенно они ведут замкнутый образ жизни, прозябая в своих огромных дворцах, курия и напиваясь в своей среде... Главная причина—в плохом воспитании: им чуждо всё, что возвышает и питает духовные интересы; они презирают литературу и образованность, необузданно увлекаются лошадьми и продажными женщинами. Государственное устройство таково, что вовсе не содействует духовному развитию общества. Аристократия презирает правительство за его явную слабость, а народ презирает аристократию, которая вместо того, чтобы стремиться отличаться благородством и талантами, находит удовольствие только в темных пороках, в которых погрязла».

Уваров, слушавшего лекции в Гёттингене, много читавшего на пяти языках, поразило тупое равнодушие австрийской аристократии к литературе и искусству: «У австрийской знати нет склонности к изящной литературе, ни к искусству, во всяком случае, эти склонности крайне редки и малозначительны среди представителей высшего общества. В настоящий момент в Вене очень мало артистов и нет ни одного известного литератора или ученого. Аристократия горделиво их отталкивает и предпочитает замыкаться в своем невежестве, правительство их не поддерживает. Герцог Альберт Саксен-Тешенский и банкир граф де Фрис, повидимому, одни только и покупают картины и гравюры⁹. В Вене не выходит в свет ни одного литературного произведения сколько-нибудь выдающегося. Книгопродавец Деген¹⁰ выпустил несколько прекрасных, изящных изданий с произведениями некоторых немецких поэтов, но никто не обратил на них внимания».

Большой императорский двор не отличался также особой культурностью. Уваров отмечает: «Рассказывают, что покойная императрица, влияние которой не распространялось дальше узкой дворцовой сферы, устраивала в Лаксенбурге всяческие увеселения с участием своих горничных и лакеев и т. п. Все эти празднества имели целью удержать императора в сфере ее влияния и обособить его от всякого другого общества».

Уваров заносит далее в свой дневник: «Императрица при смерти. Обстоятельство это несколько не изменяет ни у кого выражения лица, не заметно никакого волнения, в обществе известие это не помешало никому вчера, как обычно, прогуливаться в Пратере. Большинство ворчит по поводу запрещения театральных представлений, высшие круги ведут себя еще скандальнее». Когда императрица умерла, Уваров «не заметил ни одного расстроенного лица ни у тех, кто приходил прощаться с останками императрицы, ни у возвращавшихся оттуда. Много любопытных, но никакой общественной скорби».

Молодой русский либеральствующий монархист делает печальный, с его точки зрения, вывод: «Простонародье всех наций имеет своим девизом: *panem et circenses!* (хлеба и зрелищ!). Это общий крик так называемых цивилизованных народов».

Однако, в 1807—1808 гг. в Вене «народ безмолвствовал», аристократия танцевала и веселилась, витийствовала против Наполеона в салоне Разу-

Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ
 Гравюра П.-Л. Бувье, 1817 г., с его же портрета 1816 г.
 Музей изобразительных искусств, Москва

мовского, и могло казаться со стороны, что Вена—это немецкий Париж, еще не подчиненный Наполеону, и что свободный голос независимой политической мысли мог вольно раздаваться в ее салонах.

Так думала г-жа де Сталь; изгнанная из Франции, она надеялась найти прекрасный роздых от своих скитаний, когда в декабре 1807 г. въехала в императорскую, но не наполеоновскую Вену.

В это время г-жа де Сталь числила за собой пятый год невольного скитальчества и около двадцати лет писательской деятельности, но трудно решить, чему была она больше обязана своей громкой известностью—долголетнему ли писательству или недолгому, сравнительно, но шумному изгнанию.

Ее романы «Дельфина» и «Жоринна» были прочитаны всей Европой; ее книга «О литературе» (1800) читалась не меньше, чем эти два романа, но путь к известности от Парижа до Москвы и от Неаполя до Стокгольма прокладывала этим книгам летучая молва о гневе Наполеона, возбужденном г-жой де Сталь, ее книгами и ее политическим салоном.

Шатобриан, издавший (в 1802 г.) своего «Гения христианства», в котором нельзя было не учуять духа надвигающейся католической и монархической реакции, со злобной усмешкой писал Фонтаню про г-жу де Сталь: «Она, повидимому, не благоволит к современному правительству и оплакивает дни большей свободы», а Фонтань вторил Шатобриану: «Эта книга [«О литературе»] представляет собою искание той химеры совершенства, которую силятся теперь противопоставить настоящему порядку вещей»¹¹.

Достаточно было вникнуть в заглавие книги г-жи де Сталь: «*De la littérature, considérée dans ses rapports avec les institutions sociales*» («О литературе в ее отношениях с социальными установлениями»), чтобы понять ее основную мысль: литература находится в живой и прямой связи с общественно-политическими условиями жизни народа, и если эти условия далеки от политической свободы, то невозможно ожидать расцвета литературы. Книга «О литературе» была в глазах Наполеона книгой о нем самом и об его эпохе.

«Дельфину», написанную в 1798 г., но изданную лишь в 1802 г., Наполеон прочел со вниманием. Этот роман—одновременно исповедь и портрет: на это указывала еще Альбертина Неккер де Соссюр, первый биограф г-жи де Сталь; она писала «Дельфину», позируя для автопортрета в юности. Автопортрет вышел столь схож, а роман столь явно превратился в автобиографию, что все удары, направленные на то или на другое в романе, непременно затрагивали самоё г-жу де Сталь. С каждой страницы этого романа в письмах доносится непрерывный страстный протест против того житейского порядка, который допускает подчиненность женщины. Восставливая поправленные права чувства, г-жа де Сталь *de facto* выступила против нерушимости церковного брака и против всех гражданских установлений, которые его поддерживали. Это выступление приобретало политический характер. Оно происходило как раз в то время, когда Наполеон заключал конкордат с Римом.

Наполеон, по его собственным словам, нашел в «Дельфине» «беспорядок в мыслях и воображении», он смеялся над «чувствительностью» романа. Этого было достаточно, чтобы критики во сто голосов принялись составлять шумливый обвинительный акт против автора романа. Г-жа де Сталь была обвинена в безнравственности и безбожии. Официозно организованная кампания против романа умножила известность г-жи де Сталь, в особен-

ности, когда борьба вступила в новую фазу, с применением нового оружия, уже не литературно-критического.

Весною 1802 г. Наполеоном был запрещен салон г-жи де Сталь. Парижский салон был ее лучшим созданием, в которое она вложила все яркое, что было в ее уме и таланте. Ее разговоры, ее увлекательное устное творчество—это наиболее блестящее, что было в г-же де Сталь. Этому она научилась еще в юности, в салоне своей матери, где (одиннадцати лет) она уже внимала политическим рассуждениям своего отца, Неккера, блестящим речам Рэнэля, Бюффона, Гримма и декламациям Мармонтеля и Лагарпа. То, что происходило в салоне г-жи Неккер, было репетицией того, что впоследствии происходило в собственном салоне Жермены Неккер, вышедшей в 1786 г. за шведского посланника, барона Сталь-Гольштейна.

У нее был талант, может быть, гений мыслительного почина, энергичный талант возбудителя чужих раздумий и новых чувств, ищущих запечатления в смелой мысли и прекрасной форме.

Идеи учредительного собрания 1789 г.—вот политический лозунг салона г-жи де Сталь. С вхождением в революцию новых демократических сил, с приходом в нее четвертого сословия, с осложнением и углублением задач революции до социального переустройства общества и государства из политического салона де Сталь постепенно исчезал воздух революции, и ее салон смыкался в кружок людей, которые, с восторгом приветствовав начало революции, устрашились ее бурной середины и потому нетерпеливо ожидали ее конца. После сентябрьских дней г-жа де Сталь удалилась в Англию, откуда вернулась в Париж в мае 1795 г. Под кровом ее мужа, посланника той страны, которая первая признала Французскую республику, мог свободно возобновиться салон г-жи де Сталь.

В 1795 г. г-жа де Сталь издала свои «Размышления о внутреннем мире». Франция может остановиться на республике—вот главная мысль этого размышления,—но на республике, не расширяющей своих функций до социального переворота. Франция не последовала по этому пути, и г-же де Сталь пришлось вновь удалиться в Швейцарию, в Коппе, в имение своего отца.

При Директории г-жа де Сталь вернулась во Францию и вновь открыла свой салон на улице Гренель. Политические обстоятельства сложились так, что этот салон стал опять прогрессивным и радикальным, если не революционным. Это случилось в первые же годы консульства Наполеона. В эту пору идеи учредительного собрания 1789 г. вызывали уже ненависть в предателях революции, закладывавших фундамент военной абсолютной монархии. На слова, столько раз и столькими повторенные, что Наполеон—дитя революции, г-жа де Сталь отвечала согласием: «Да, дитя, но отцеубийца»¹².

Все тонкое и острое искусство г-жи де Сталь, обогащенное долгим опытом, было отдано на организацию идейного отпора Наполеону.

Наполеон раздавил уже несколько республиканских заговоров, и в этом салоне известной писательницы он видел нечто вроде политического клуба, существующего вопреки запрещению всех и всяких клубов и политических обществ. Закрытие салона г-жи де Сталь в апреле 1802 г. было именно закрытием политического клуба, опасность которого была признана правительством. Продукты устного творчества г-жи де Сталь Наполеон имел основание любить не больше, чем ее печатные сочинения.

В 1803 г. Наполеон закончил начатую в 1802 г. борьбу с г-жой де Сталь новым, наиболее сильным аргументом: ей было предписано выехать из Парижа и не приближаться к нему ближе, чем на сто льё.

Лишиться Парижа—значило для г-жи де Сталь лишиться аудитории, где каждое ее слово ловилось налету. Ее салон был закрыт, но это не значило, что были закрыты все парижские гостиные, где она могла говорить. После нескольких попыток добиться отмены этого распоряжения, не увенчавшихся успехом, изгнанию из Парижа г-жа де Сталь предпочла отъезд из Франции. Осенью 1803 г. она отправилась в путешествие по Германии. Маленький Веймар должен был заменить ей огромный Париж. Беседая с Шиллером и Гёте она хотела заменить запретные для нее беседы с парижскими друзьями.

В Германии г-жа де Сталь знакомилась с немецкой литературой и искусством. Германия дала г-же де Сталь большой запас новых впечатлений и мыслей, и она же дала ей Августа Шлегеля, который сообщил ей еще больше сведений о той же Германии. Но г-же де Сталь пришлось с сожалением заметить: «То, что мы разумеем во Франции под обществом, не имеет и тени сходства со здешним обществом. Теперь я не удивляюсь, почему в Германии более, чем где-либо, находят времени для научных занятий: здесь ведь не существует прелести общества». Это значит: литературно-политический салон был невозможен под немецким небом.

Германию сменила Италия. Страна красоты оказалась для г-жи де Сталь ближе, чем страна мысли. Если из Германии г-жа де Сталь вывезла замысел большой книги по философии культуры, то из Италии она привезла к себе в Коппе замысел «Коринны», лучшего своего романа. Она писала в этой книге свой второй автопортрет, писала красками еще более увлекательными и свободными, чем первый. Чтобы закончить свой роман, она в апреле 1806 г. поселилась в Оксерре, в сорока льё от Парижа. Наполеон был занят войной с Австрией, и г-жа де Сталь рассчитывала, что между нею и им возможно перемирие. Наполеон, однако, продолжал войну с г-жой де Сталь. 26 марта 1807 г. он писал канцлеру Камбасересу: «Я предписал министру полиции выслать г-жу де Сталь в Женеву, предоставляя ей свободу отправиться за границу. Эта женщина продолжает свое ремесло интриганки. Она приблизилась к Парижу вопреки моим приказаниям. Это—настоящая чума (*c'est une véritable peste*). Желаю, чтобы вы серьезно поговорили о ней с министром, иначе я принужден буду отправить ее с жандармами»¹³.

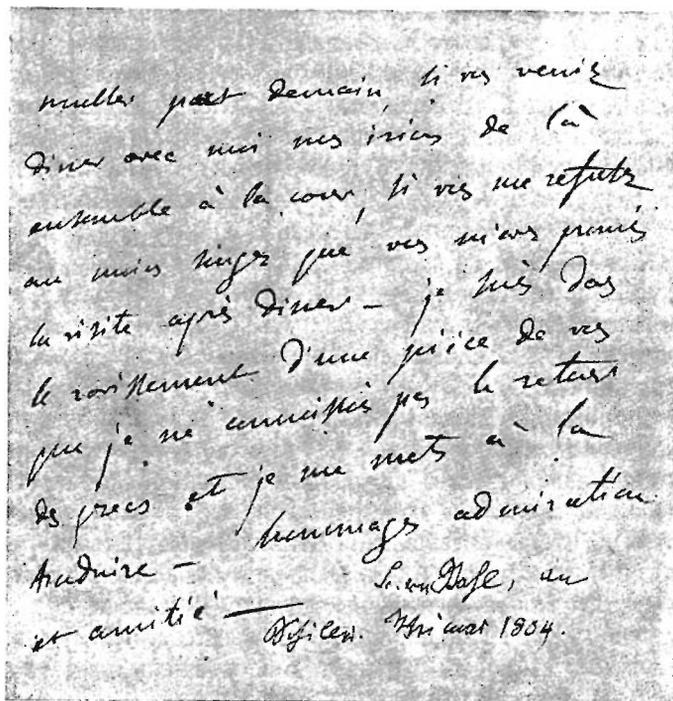
Поняв серьезность положения, г-жа де Сталь поспешила покинуть Францию. В Коппе, на берегу Лемана, в обществе книг и друзей, под бдительным надзором наполеоновских шпионов, ей было тесно, и она опять поспешила превратить изгнание в путешествие. Г-жа де Сталь вторично направилась в Германию, надеясь найти там то же, что нашла в свое первое путешествие: маленькие дворы герцогов, большие кабинеты поэтов и обширные библиотеки философов, где можно свободно беседовать о принципах 1789 г. и возмущаться тиранией того, кто их растоптал своим военным сапогом.

Г-жа де Сталь упустила из виду, что в том самом Веймаре, где еще так недавно она могла вести подобные разговоры, несколько месяцев назад уже побывал Наполеон, а под соседней Иеной пала независимость Пруссии. Г-жа де Сталь скоро могла убедиться в том, что Наполеон не только победил Пруссию, Саксонию, Баварию, Тюрингию,—он их покорил сво-

ему гению полководца и государственного человека. Сам Гёте признавал его теперь великим человеком. Те, кто почему-либо не хотели этого признать, предпочитали молчать. Вольтер, Руссо, 1789 год, английская конституция, свобода чувства, право на независимость женщины,— всё это были теперь противонаполеоновские темы. На эти темы никто теперь не хотел говорить.

Г-жа де Сталь направилась из Германии в Австрию. Она полагала, что для нее Вена может быть Парижем. В этом ей пришлось скоро и жестоко разочароваться.

В январе 1808 г. г-жа де Сталь писала из Вены веймарской герцогине Луизе: «Я приехала сюда во время празднеств и была прекрасно принята

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ К ШИЛЛЕРУ. ВЕЙМАР, 1804 г.

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

при дворе. Я, признаться, не ожидала такого приема в стране, где то, что меня в особенности выделяет в обществе, не возбуждает большого интереса. Общество здесь очень многочисленно, но трудно встретить там людей, особенно мужчин, достойных внимания... Французский генерал [Андреосси] очень любезен со мной. Здесь считают, что его намерения самые хорошие и поведение его благородно постольку, поскольку оно может быть таковым. После стольких потрясений здесь царит исключительное спокойствие»¹⁴.

Но за внешним спокойствием первых же писем, писанных г-жой де Сталь из Вены, уже проступают скука и тревога. Наступающий новый год таит возможность великих испытаний для всех—и новых скитаний для г-жи де Сталь. В январском же письме к г-же Рекамье ее тоска про-

рывается наружу. Она прожила в Вене едва только один месяц и уже вынуждена признаться:

«Я с нетерпением жду лета, чтобы вознаградить себя за эту зиму, так как приходится признаться, что я скучаю. В первое время меня еще поддерживала прелесть новизны, но потом, хотя страна эта и основательная, она быстро надоедает, как и всё пустое, так как в ней нельзя найти ничего нового... О, как тоскливо на чужбине! Счастлив тот, кто не видел чужих краев во время празднеств. Изгнание очень тяжело переносится мною»¹⁵.

Наполеона ненавидели в большом венском свете. Этого было достаточно, чтобы двери гостиных распахнулись перед г-жой де Сталь, которую он прославил своим гонением. Г-жа де Сталь скоро убедилась, что между этими гостинными и той, в которой она предавалась мышлению вслух вместе со своими друзьями, нет ничего общего.

Изображая венское общество, г-жа де Сталь писала: «Никакого искусства, за исключением музыки. Многолюдные собрания, более похожие на церемонии, чем на увеселения. Раболепство перед аристократией, лишенной всякого изящества; резкие сословные грани, еще более жесткие, чем в других частях Германии. У императора нет никакого вкуса, скорее какое-то недоверие к литературе, в результате—полное отсутствие соревнования в области умственных интересов»¹⁶.

Г-жа де Сталь бежала из страны, где, как ей казалось, слишком много шума вокруг одного человека,—здесь, в Вене, ее охватил сон унылого и самодовольного бездействия.

В своей книге «О Германии» г-жа де Сталь посвящает Австрии убийственные страницы:

«В Австрии общество не служит развитию и оживлению ума, как во Франции; от него только и остается, что шум и пустота в голове. Поэтому-то самые умные люди страны стараются, большею частью, удалиться от него; одни только женщины в нем появляются, и можно удивляться их уму, несмотря на их образ жизни... Большая часть австрийцев, не умеющих приспособиться к языку и нравам французов, совсем не жила в свете; в результате они не были смягчены общением с женщинами и оставались застенчивыми и грубоватыми, пренебрегая всем тем, что может называться и з я щ е с т в о м и, тем не менее, тайно страшась этим изяществом не обладать; под предлогом занятий военных, они не развивали своего ума, да даже и этими занятиями они часто пренебрегали, потому что они никогда не слышали ничего, могущего заставить их почувствовать ценность и прелесть славы. Они думали, что ведут себя, как добрые немцы, удаляясь от общества, где все преимущества принадлежали иностранцам, и никогда они не думали о том, чтобы самим создать себе общество, способное развить их ум и душу»¹⁷.

Это в устах г-жи де Сталь—обвинительный приговор: в Вене нет общества, где можно мыслить вслух, и в Вене нет людей, которые имели бы привычку мыслить. Тем, кто не умеет мыслить, остается еще удел—красиво жить и культивировать изящество. Но венцы не знают, что значит изящество в его житейских и умственных применениях.

В ответ на полнейшее разочарование венским обществом, испытанное г-жой де Сталь, это общество ответило ей столь же полным разочарованием в ней самой. Вот как рассказывает об этом князь де Линь, бывший свидетелем венских успехов и неудач г-жи де Сталь (рассказ относится к 1814 г.):

«Ничто не может сравниться по радушию с приемом, который встретила г-жа де Сталь в Вене шесть лет тому назад. Ее прибытие и пребывание здесь составили как бы целую эпоху, и до сих пор еще в некоторых случаях говорят: «Это было, когда г-жа де Сталь была здесь». И что же, вскоре после этого увлечения началась критика, и при этом совершенно неблагоприятная. Первоначально г-жа де Сталь увлекла все сердца, покорила все умы... Однако, все эти поводы для восхищения были в скорости забыты. Людям свойственно от восхищения переходить к поношению. Начали отмечать лишь недостатки г-жи де Сталь, забывая о ее неоспоримых качествах. Говорили, что в своих разговорах она стремится больше ослепить, чем понравиться, что ее монологи ставят ее собеседников только в положение слушателей, что она никогда не разговаривает, а лишь импровизирует. Если она обращалась с вопросом, то редко когда выслушивала ответ. Она любила светское общество, где она так блистала, но общество женщин было не по ней, так как оно обычно давало мало пищи ее уму. Женщины ей этого не прощали, несмотря на весь тот успех, которым женщины обязаны ей»¹⁸.

Пребывание г-жи де Сталь в Вене принадлежит к мало разработанным страницам ее сложной биографии, и показание каждого нового свидетеля этого периода в ее жизни представляет немалую цену. Таким доселе не опрошенным свидетелем венской жизни г-жи де Сталь является молодой русский дипломат С. С. Уваров. Переходим к его показаниям, почти сплошь неизданным.

Уварову в 1807 г. исполнился двадцать один год. В заметке, составленной самим Уваровым для какого-то французского биографического словаря, он пишет про себя: «Его отец был подполковником конной гвардии и адъютантом императрицы Екатерины II. Эта государыня была восприемницею Уварова, которого крестили в дворцовой церкви»¹⁹.

Счастливая карьера Уварова, таким образом, началась с крестильной купели и продолжалась не менее удачно: пятнадцатилетним юношей, в 1801 г., по свидетельству той же автобиографической заметки, «Уваров поступил на службу в министерство иностранных дел, в 1804 г. он произведен в камер-юнкеры, а в 1806 г. причислен к посольству в Вене». В Вене, куда Уваров прибыл 18/30 марта 1807 г., он приобрел себе расположение графа Разумовского. В Уварове было всё, чему, по мнению Разумовского, полагалось быть у молодого дипломата: Уваров отлично говорил и писал по-французски; его почтительная искательность, соединяясь с безукоризненной выдержанностью манер и уклончивостью речи, раскрывала перед ним двери дома ех-посла. «Часто допуская вольность в разговорах с женщинами,—отмечает Уваров поведение французского посла Андреосси,—он не обладает талантом смягчать их легким и пикантным остроумием, характерным для человека хорошего общества». Сам Уваров обладал талантом быть человеком хорошего общества во всех гостиных Европы. Его счастливая наружность—наружность молодого камер-юнкера, слегка драпирующегося в плащ меланхолического Вертера,—доставляла ему успех в дамском обществе.

Но этот красивый юноша мог быть интересен не для одних дипломатов и дам. Воспитанник аббата Mangin, он перечел целую библиотеку французских поэтов, писателей и мыслителей. Он писал французские стихи, и так удачно, что А. И. Тургенев находил, что «французские стихи его часто не уступают Делилевым, иногда превосходнее», а его брат, Н. И. Тур-

генов, будущий декабрист, сожалел, что русская поэзия лишается в Уварове замечательного поэта: «Как это нехорошо, что у нас люди с великим дарованием, как Уваров, пишут сочинения по-французски»²⁰.

Кто ни писал в начале XIX столетия французских стихов и кто ни перечитывал тогда целых библиотек французских стихов и прозы! Но тот же А. И. Тургенев, воспитанник Гёттингенского университета, должен был признать: «Он, Уваров, сверх того, так знает немецкую литературу, что и меня пристыдил даже в истории». Прочтя прозаические отрывки Уварова на немецком языке, Тургенев, большой пурист по части языка, порешил: «Слог Уварова несравненно лучше Вилларсова, да и голова не хуже»²¹.

Но Уваров читал не только Вольтера и Руссо, Гёте и Шиллера,—он отведать кое-что и от французской и немецкой исторической науки. Уваров знал по-латыни и по-гречески. Он не только, как Онегин, мог «потолковать об Ювенале»,—он мог читать Ювенала в подлиннике. У него было любопытство туриста, путешествующего по античному миру, и настойчивость дилетанта, отваживающегося писать о нем для ученых.

Уваров покинул Вену 10 мая 1809 г., и карьера его пошла еще более блестящей дорогой. Это было следствием венских успехов не только во французском языке, немецкой литературе и античных древностях. Это было следствием успеха у графа Андрея Разумовского, через которого Уваров нашел дорогу к его брату, министру народного просвещения, графу Алексею Кирилловичу Разумовскому. В 1811 г. дочь министра, немолодая графиня Екатерина Алексеевна, вышла замуж за Уварова, и, как повествует историк семьи Разумовских, «вскоре после свадьбы Уваров назначен был попечителем Петербургского учебного округа»²², а затем, в 1818 г., 32-летний Уваров был поставлен президентом Академии наук.

Пребывание в Вене было счастливым временем для Уварова. Его венские записки показывают, что, делая свою карьеру, он делал ее умно: он понимал, что большая карьера, в европейском масштабе, делается теперь не одним искательством, что авторитет политических или дипломатических вельмож покоится теперь не только на придворном, но и на культурном весе вельможи. Равнодушие венской знати к искусству и литературе возмущает Уварова. Венские записки Уварова пестрят заметками о посещении картинных галлерей, театров и музыкальных собраний. Он внимательно следит за представлениями знаменитого актера Ифланда, приятеля Гёте. Он тщательно отмечает среди венской знати немногочисленных любителей наук и читателей муз.

По своим политическим воззрениям Уваров—сторонник просвещенного абсолютизма. Невежество, чрезмерное высокомерие австрийских магнатов, их полное равнодушие к печальной участи народа вызывают в Уварове осуждение. Он понимает, что теперь, после 1789 г., еще точнее—после 1793 г., эти свойства опасны, прежде всего, для судьбы тех, кто ими обладает. Уваров записывает в неизданных записках не без явного возмущения:

«Князь Эстергази имеет доходов от двух до трех миллионов флоринов... В руках просвещенного человека такое огромное состояние могло бы принести не малую пользу государству, но достаточно один только раз взглянуть на князя Эстергази, чтобы убедиться в том, что от него никакой пользы получить нельзя». И обратно, с величайшей охотой зарисовывает

Уваров портрет другого аристократа, описывая свое знакомство с графом Карлом Гаррахом: «Презрев все преимущества своего высокого происхождения, он отдался всецело общественному служению: сделавшись врачом, он бесплатно лечил бедняков... Кроме того, он изучает восточные языки и занимается литературой. Такой человек является чудом в стране и в обществе, среди которого он живет»²³.

В этих и подобных зарисовках Уварова сквозит скрытый страх перед революцией. Она ужасна, республика страшна, демократия опасна; нужна абсолютная монархия, но с просвещенным монархом и с просвещенной же аристократией: первый даст разумные реформы, вторая дополнит их филантропией. Уезжая из Вены, Уваров сделал вывод: «Австрийская монархия—неиссякаемый источник богатства и производительности. Народ таков, что им легко управлять». Иными словами, легко сохранить абсолютную монархию с правящей аристократией, если не повторять страшных ошибок старого режима во Франции.

Во время поездки Уварова в Пресбург князь де Линь представил его престарелой княгине Лотарингской (г-же де Брионн)²⁴, бежавшей в Австрию от революции. В своем дневнике Уваров делает запись:

«У нее парализованы руки и ноги, но голова ее еще совершенно свежая. Невозможно себе представить большего изящества, более приятного разговора, лучших манер. Фигура ее еще прекрасна и величественна. Это последний памятник французской монархии и архив века, в котором она жила. Когда я увидал ее, мне показалось, что я перенесся в ту старую, несуществующую более Францию, которую я так люблю изучать и которая всё еще служит источником нашей душевной улады».

«Обломок старых поколений», ветхая французская придворная дама вызывает в Уварове чувства любви к Франции старого режима, и пером истого легитимиста он осуждает К्लери²⁵, камердинера казненного Людовика XVI, за то, что тот выступает на театральных подмостках. Положение «последнего слуги Бурбонов, самоотверженно не покидавшего Людовика XVI до самого эшафота, выслушавшего его последнюю волю, являвшегося его утешителем, презревшего все опасности, только чтобы служить этому несчастному государю», не вяжется, в глазах Уварова, с его появлением перед публикой в качестве комедийного актера. «Хотелось бы видеть на его лице печать вечной грусти..., а когда, кроме того, узнаешь, что он совершает поездки во Францию, часто посещает наполеоновского посла,— все симпатии к личности К्लери исчезают, и в нем видишь лишь человека, вышедшего из присущего ему положения и совершенно не сознающего все великое достоинство роли, которую ему пришлось сыграть».

Уваров не закрывает глаз на новую наполеоновскую Францию: в Вене ли дипломату не знать, как велики ее силы, как громки ее победы? Ни Аустерлиц, ни Тильзит незабываемы в русском посольстве и в австрийских салонах. Но, всё помня и ни на что не закрывая глаз, Уваров в дневнике своем не может удержаться от искреннего признания:

«Прекрасная французская храбрость, невыразимая смесь веселости и отваги, легкости и силы, что с вами случилось? Я вижу народ воинственный, неутомимый, неустрашимый, его называют французами, но своеобразные черты его национального характера, современная аттическая тонкость исчезли,—Франция, может быть, выиграла в отношении могущества, но Европа и история много потеряли».

Один этот вывод, сделанный Уваровым, должен был растворить перед ним двери всех венских аристократических кабинетов и гостиных: в этом выводе сквозило то ощущение политического «сегодня», которое было свойственно французским эмигрантам и магнатам Вены. Гостеприимнее всех растворилась перед Уваровым дверь дома графа Людвиг Кобенцля, последнего вице-канцлера похороненной Наполеоном Священной Римской империи.

Граф Людвиг Кобенцль (1753—1809) был таким же долголетним послом в России (1779—1797), как Андрей Разумовский в Вене. Екатерина II любила Кобенцля, что не мешало ей не доверять австрийскому послу: дневник секретаря Екатерины, Храповицкого, пестрит записями о перлюстрации писем Кобенцля к принцу де Линю, к французскому послу Сегюру, к венскому кабинету²⁶. Екатерина внимательно читала эти перехваченные донесения и письма Кобенцля, но их автора тем охотнее включила в свой интимный кружок, собиравшийся в Эрмитаже, что Кобенцль был автором французских легких комедий, разыгрываемых, с его же участием, на Эрмитажном театре. Императрица даже приказала напечатать пьесы Кобенцля вместе со своими собственными в собрании эрмитажных пьес. Кобенцль умел угождать императрице. Екатерина взяла Кобенцля с собой в путешествие в Крым и благоволила к нему вплоть до своей смерти, но Павел I попросил убрать его из Петербурга.

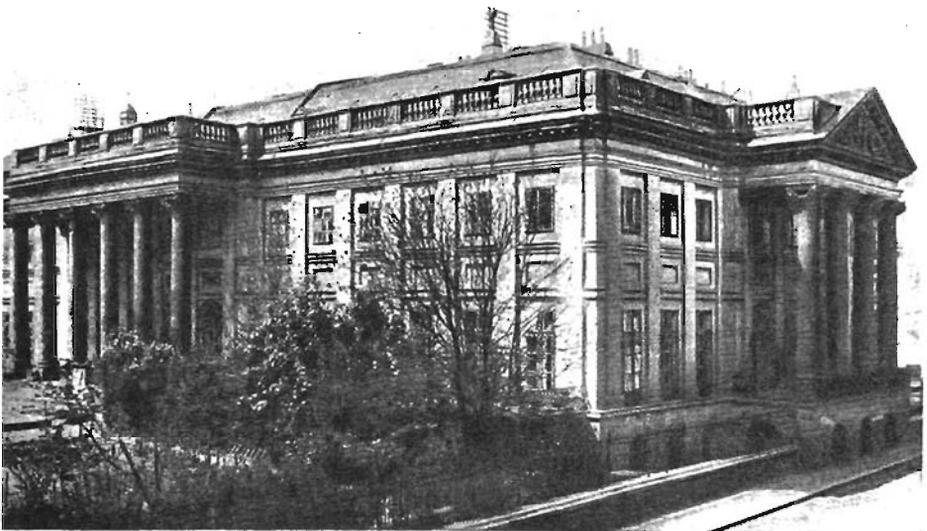
Собеседнику Екатерины II пришлось теперь беседовать с Наполеоном,— это было потруднее, и тут начались трагедии Кобенцля. Первая беседа состоялась в Кампо-Формио, где 17 октября 1797 г. был подписан Кобенцлем мир, весьма худой для Австрии. «Ваша империя—это старая распутница, которая привыкла, чтобы ее насиловали»,—швырнул в лицо Кобенцлю Бонапарт. Второй разговор Кобенцля хотя происходил не с Наполеоном, а с его братом Жозефом и Талейраном, был еще неприятнее. Их устами Наполеон продиктовал Кобенцлю такой мирный договор в Люневиле, что сам Кобенцль должен был признать его ужасным. В утешение Кобенцль был назначен вице-канцлером и министром иностранных дел. Третий мирный договор с Наполеоном, подписанный Кобенцлем в Пресбурге, был концом Священной Римской империи и концом политической карьеры Кобенцля. Вице-канцлер превратился в частного человека. Ненависть к Наполеону, рожденному революцией, старые воспоминания об екатерининском Эрмитаже заставили Кобенцля с двойным гостеприимством встретить Уварова в своем доме.

Хозяйкой этого дома являлась сестра Кобенцля, графиня де Ромбек (de Rombecq). Она долго жила в Петербурге при брате. Подобно брату, она была дурна лицом. Екатерина II любила ее за веселый ум, острый, даже вольный язык и грубую, но умную простоватость в речи и манерах. Ее муж, французский эмигрант, играл вполне подчиненную роль, был у нее на посылках и засыпал на вечерах, где раздавался ее грубоватый смех и сыпались рискованные остроты. Она питала привязанность к русским, по преимуществу, к молодым. В Вене, еще до приезда Уварова, она примечала атташе русского посольства, графа А. И. Рибопьера. Вот что рассказывает А. А. Васильчиков, с его слов, про графиню Ромбек:

«В России графиня выучилась многим крупным и непечатным выражениям. Она в Вене дружески приняла молодого Рибопьера, который часто у нее бывал. Александр Иванович [Рибопьер] жил в то время в доме графа Разумовского, вместе с родным племянником посла, А. В. Василь-

чиковым. Им обоим прислуживал огромный крепостной гайдук Васильчикова. Как-то раз за одним из обедов случилось Рибопьеру и Васильчикову сидеть против графини Ромбек. Во время обеда графиня стала пересказывать все знакомые ей крайне нецензурные русские выражения. Тем временем, начали менять куверты, а у молодых дипломатов остались прежние тарелки; они оборачиваются—гайдук скрылся. За ним посылают. «Куда ты ушел?»—спрашивают его. «Помилуйте, старая халда ругается, совестно стало»,—отвечает гайдук. Рибопьер поспешил передать слова эти графине; она была от них в восторге, подозвала к себе гайдука и наградила деньгами²⁷.

Графиня Ромбек встретила Уварова с большой приветливостью и непринужденностью. Первые впечатления от дома Кобенцля, занесенные

ДОМ А. К. РАЗУМОВСКОГО В ВЕНЕ

С фотографии 1900-х гг.

Уваровым в его дневник, явным образом отдают предпочтение графине Ромбек перед ее братом. О Кобенцле Уваров пишет:

«Граф Луи Кобенцль, недавно только покинувший бразды правления, заслуживает тем большего внимания, что за ним твердо установилась репутация умного и любезного человека. Почти никогда не следует судить министра по результатам его деяний, если только их неуспех не происходит исключительно от него самого. События, совершившиеся за время министерской деятельности графа Кобенцля, получили настолько широкое разветвление, что затруднительно все их результаты записать на его счет. Однако, как министр, он был слаб, нерешителен и легкомыслен. Известно, что, в бытность его послом в России, прибывший из Вены курьер застал его в кабинете разучивающим роль в костюме Криспена. Курьер упорно отказывался передать ему привезенные им дипломатические депеши, не допуская мысли, что видит перед собой представителя Священной Римской империи. С тех пор он был причастен ко всем крупным европей-

ским политическим событиям. Утверждают, что, ставши министром, он согласился на войну с Францией только для того, чтобы снять с себя упрек в пристрастии к этой стране. Его слабости приписывается выбор генерала Макка после решительного, как говорят, отказа эрцгерцога Карла. Всем известны последствия его министерской деятельности. (NB. Некоторые хорошо его знающие люди уверяют, что бессодержательность его бесед объясняется усвоенной им крайней сдержанностью в связи с теми событиями, свидетелем которых ему довелось быть; эта осторожность могла бы ему помочь вернуться вновь на пост министра.) Его надо знать, как частного, неофициального человека. В нем, прежде всего, поражают добродушие и обходительность его характера; его любезность искренна и ободряюща. Он любит удовольствия и хороший стол; его главная страсть—театр, ему ставятся в упрек его театральные успехи. Его разговор касается обычно этих излюбленных им тем, но особенно он любит вспоминать о времени своего пребывания в Петербурге, о Екатерине II, о его путешествии в Крым, о Потемкине и его обществе. Однако, беседы его не отличаются ни блеском, ни интересом; они занимают, но не поражают; в них не найти ни того блеска, который обнаруживает выдающегося человека, ни тех тонких, изысканных оттенков, которые характерны для любезного человека. Общение со всеми знаменитостями Европы не дало ему той разносторонности и остроумия, которые обычно можно встретить у людей, много видавших. Он, повидимому, не жалеет о своем прежнем положении, и ему чуждо всепожирающее честолюбие, являющееся часто предвестником заслуг. Он добр, приветлив у себя дома, любим своими слугами, обожаем всей родней и счастлив их любовью. Он чувствителен и легко приходит в умиление; его считают искренним и верным другом».

Коротенькая характеристика графини Ромбек явным образом перевешивает пространную характеристику ее брата: «Его сестра, графиня де Ромбек, тесно связанная с ним узами дружбы, во многом отлична от него: она—живой, умный и чрезвычайно оригинальный человек,—такая ее репутация уже давно установилась в Европе. Я, действительно, считаю, что ее оригинальность вполне естественна и отнюдь не притворна, как это часто наблюдается в обществе. Но что особенно облегчает поддержание разговора с ней,—это та свобода, с которой она высказывает всё, что ей придет в голову. Впрочем, ее считают доброй, великодушной, мягко-сердечной и даже рассудительной».

После смерти Л. Кобенця (22 февраля 1809 г.) Уваров внес в свою записную книжку несколько дополнительных штрихов к его портрету:

«Жизнь графа Кобенця была так полна во всех отношениях, что даже, при ее краткости, он пережил самого себя, во всяком случае, свое счастье. Будучи в близких отношениях с ним, я видел, что он покорно и безропотно переносит свое отстранение от государственной деятельности. От природы одаренный гораздо бóльшим умом, чем большинство его соотечественников, он никогда не развивал его серьезными и углубленными занятиями, но, с ранних лет вступив на служебное поприще, он приобрел легкость восприятия, быстроту и точность в работе, поражавшие всех, кому приходилось иметь с ним дело. В сущности, он был мало образован, и я в продолжение двух лет никогда не видел его читающим серьезную книгу или занятым какою-либо отвлеченною мыслью. Он читал только театральные пьесы и французские журналы и проводил целые дни, с нетерпением ожидая посещения всех праздных и скучных людей города. Тогда особенно

сказывались ровность и удивительная общительность его характера, так как он проявлял в разговоре со скучным собеседником старание и изысканность, какое-то кокетство или желание нравиться. Еще в 1808 г. он несколько раз участвовал в спектаклях с огромным удовольствием и воодушевлением. Это были его последние усилия. Вскоре после этого он стал все более и более опускаться и, наконец, умер».

Через сорок слишком лет, в 1851 г., Уваров вернулся к венским воспоминаниям в неизданном очерке «Госпожа де Сталь»²⁸. Кобенцлю здесь уделены четыре холодные строки, но для графини Ромбек перо старого Уварова оказалось теплым (горячим оно никогда не бывало):

«Это была одна из самых оригинальных женщин, и для тех, кто ее не знал лично, очень трудно дать похожий на нее портрет: неисчерпаемой доброты сердце, искренняя чувствительность, возвышенный ум, живое воображение,— всё это соединялось в ней с веселым и шутливым нравом, близким к некоторому шутовству, никогда, однако, не переходящему за грани женственности. Преданность брату заполняла всю ее жизнь; не имея детей, она никогда с ним не расставалась. В то время, о котором я говорю, графиня Ромбек выполняла обязанности хозяйки дома графа Кобенцля и несла их со свойственными ей исключительной прелестью и тактом. Русские всегда находили у них радушный прием, и я был ими как бы усыновлен: при г-же де Ромбек я чувствовал себя покойно, как бы под родительской кровлей».

Уваров погрешает в одном: «усыновлен» он был по-настоящему одною графиней Ромбек. Это легко вычитать из сохранившегося в архиве Уварова неизданного письма графини Ромбек к матери Уварова, Дарье Ивановне, урожденной Головиной, писанного из Вены 9 апреля 1808 г.

«Милая, милая мамаша моего сына,—начинает свое письмо графиня Ромбек,—простите, что я до сих пор не ответила вам, но я была занята исключительно нашим ребенком: нужно было отнимать его от груди и радоваться всем его успехам. Я бы никогда не кончила говорить вам о нем: сердце мое болтает, как сорока, всякий раз, как я начинаю говорить о нем. В четырех словах я вам скажу, что он именно такой, каким нужно быть: в нем нет ни фатовства, ни самоуверенности, он всегда добр, надежен, очень тактичен, одним словом, не избалован, хотя, признаюсь вам, я сама способствовала тому, чтобы избаловать его, вовсе этого не желая. Скажу вам, я чрезмерно горжусь им и не выношу никакой похвалы, если она относится не к нему. Я неуступчива во всем, что его касается. Не подумайте, что я увлекаюсь: я справедлива, как сама справедливость. Наш ребенок очарователен, более того: он восхитителен. Как вы добры, что пожелали взять на себя роды и избавить меня от криков и кормления, которое причиняет столько неудобств! Но вот уже почти девять месяцев, как он без всякого сомнения мой сын, и, как видите, это обстоятельство делает нас сестрами по сердцу (*sœurs de cœur*)...»²⁹.

Это письмо своим слогом, остроумным и смелым, отлично рисует ту графиню Ромбек, которая занимала своей простоватой веселостью и полной непринужденностью Екатерину II в Эрмитаже.

Уваров бережно сберег в своем архиве все записки и письма, писанные к нему графиней Ромбек. Вот одно из них: дело идет в нем об одном из вечерних приемов, на котором графиня Ромбек желала бы видеть у себя русского посла—князя А. Б. Куракина и атташе посольства—В. Ф. Боголюбова (1786—1842).

«Летняя моя любовь! Приказываю вам во имя отца (это вы), сына (это наш сын), святого духа (это мы оба) притти во вторник, в 8 часов, праздновать именины моего брата. Вы позаботитесь о поддержании порядка, о том, чтобы не крали варенья, свечей; вы приедете на 5 минут раньше толпы, чтобы смести паутину. Вы пригласите г. Боголюбова и князя Куракина, не забудьте об этом. Кроме того, мой тринадцатый возлюбленный, вы скажете князю Куракину раз и навсегда, что в замке Людвиг не может быть празднеств, ни воскресений без того, чтобы он не был приглашен. Сама я этого не смею, потому что, будучи пока только вашей любовницей, я не могу ему писать, тем более, что у меня только один стиль—вот этот. Прощайте, африканская драгоценность. Я поручаю Анетте пригласить Пелажи, я также хотела бы заполучить г. Пелажи,— это доставило бы удовольствие аббату, да и я начала бы свое знакомство с ним кокетничанием, чтобы вы поревновали».

Дальнейшие записки графини Ромбек, написанные на особом французском великосветском жаргоне, почти непередаваемы—до такой степени причудлива в них смесь вульгарности и утонченности, ума и цинизма, обожания и насмешки. Вот еще одна из таких записок:

· «Сегодня воскресенье, сын мой, вы приедете со мной пообедать, приказываю вам. Христина и Титина³⁰ будут тоже, оденьтесь чистенько; мы будем без брильянтов, но [одеты] с той изящной простотой, которая нам свойственна. Спокойной ночи, единственное дитя мое, хотя сейчас еще суббота, но ее столь мало осталось, что не стоит об этом и говорить. Я в плохом настроении: у меня заботы (*des soucis*), и я ужасно охрипла, немислимо, чтобы я пела завтра заутреню».

«Дорогое дитя любви и случая», «обожаемое дитя», «милый Фифи»— вот те клички, которыми осыпает графиня Ромбек двадцатидвухлетнего Уварова. Когда «обожаемый Фифи» покинул Вену, в Петербург полетели длинные письма, а из Петербурга—поклоны, приветы, подарки.

Однажды графиня Ромбек написала Уварову: «Вы перл моего потомства! Дверь заперта; я больше не рожу».

В гостиной графа Кобенцля, управляемой этой единственной в своем роде женщиной, и произошла встреча Уварова с г-жой де Сталь.

II. Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ С. С. УВАРОВА

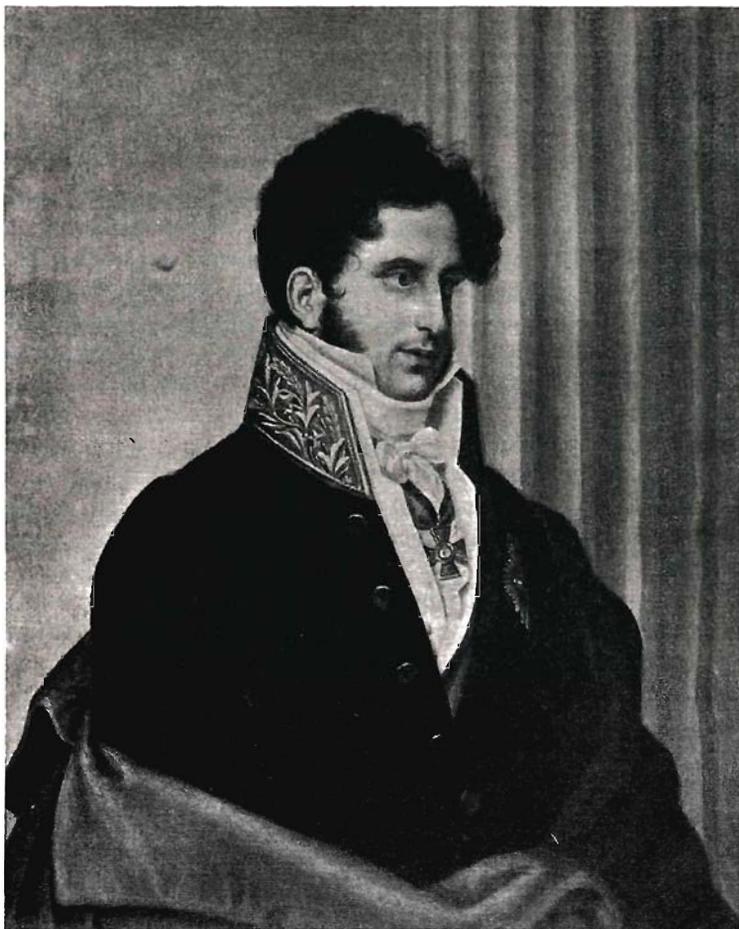
23 декабря 1807 г. г-жа де Сталь въехала в Вену, а уже на следующий вечер она была в доме графа Кобенцля.

Непосредственно после первой встречи с г-жой де Сталь Уваров записал в дневнике: «Вчера, 24 декабря 1807 г., я видел г-жу де Сталь. Я представлял ее себе настолько некрасивой, что действительность оказалась лучше, чем я ожидал. Знакомство состоялось у г-жи де Ромбек. Ее появление было совершенно непринужденно. Она повела разговор с превосходной манерой, замечательной даже в обыденных подробностях, удачно выбирая выражения, и с необыкновенной легкостью речи. Она беседовала обо всем просто, не прибегая к фразам».

Через сорок слишком лет Уваров описал свою первую встречу с г-жой де Сталь следующим образом:

«Меня предупредили, что ожидается визит г-жи де Сталь, только накануне прибывшей в Вену. И действительно, около восьми часов вечера доложили о ее приезде, и она появилась в гостиной, где в это время были

граф Л. Кобенцль, г-жа де Ромбек и я. Чтобы доказать, насколько точно сохранились мои воспоминания, я, прежде всего, опишу внешний облик г-жи де Сталь и ее костюм. Среднего роста, довольно полная, она была одета в этот день в зеленого цвета платье с большими по нему золотыми звездами. На голове у нее был малиновый тюрбан, придерживавший черные, как вороново крыло, локоны. На груди большая миниатюра—

С. С. УВАРОВ

Портрет маслом неизвестного художника

Исторический музей, Москва

портрет г. Неккера; на плечи была небрежно накинута шаль; в руках веер, любимая игрушка г-жи де Сталь, который она, в случае надобности, заменяла небольшим куском бумаги, довершал весь этот несколько пестрый наряд. Платье ампир очень укорачивало талию и придавало всей ее фигуре какой-то сутуловатый и тяжеловесный вид, мало напоминающий собой образ Коринны на Мизенском мысе»... «После обмена первыми обычными в таких случаях любезностями, разговор принял легкий и приятный характер, благодаря такту г-жи де Ромбек, исключительной любезности графа Кобенцля и, в особенности, изысканной уверенности

в себе г-жи де Сталь, повышающей ее привлекательность. Наконец, чтобы закончить описание ее внешности, упомяну о неоспоримо прекрасных, очень живых черных глазах и очень белых, приятной округлости руках, в то время как всё остальное было вульгарно и почти безобразно. В ней, прежде всего, поражали естественная непринужденность ее разговора и простота ее выражений; ничего придуманного, ничего искусственного не выдавало женщину-писательницу. Она с одинаковой свободой касалась самых разнообразных тем, и в оборотах ее речи, свойственных хорошему обществу, отсутствовала сомнительная примесь неологизмов. Она стремилась даже придать разговору иное направление, если случайно какой-нибудь плохо осведомленный собеседник проявлял намерение вести с ней разговор на тему об ее литературной известности. Она придавала большое значение малейшим деталям светской жизни и всем бесчисленным мелочам, столь свойственным салонным разговорам. Она охотно отдавалась этой привлекательной непринужденности, которая не оставляет места для личных забот, и редко когда позировала. Такой я видел г-жу де Сталь при нашей первой встрече, такой же я видел ее всегда и впоследствии. Увлекаемая, так сказать, в другой круг идей, она тогда только проявляла все разнообразие запаса своего великолепного красноречия, когда разговор касался самых отвлеченных тем или обсуждались живо-трепещущие вопросы современности».

Первое впечатление Уварова от г-жи де Сталь, как оно отражено в первой записи и в позднейшем отображении, было всё в пользу знаменитой писательницы. Она покорила его своим тонким искусством разговора, своим обаятельным талантом общения, своим авторитетом европейской знаменитости.

В течение двух недель в дневнике Уварова нет записей о г-же де Сталь, но он непрерывно встречается с нею и бывает у нее самой. Тайный полицейский рапорт (немедленно по приезде г-жи де Сталь в Вену за нею был установлен секретный полицейский надзор) от 13 января 1808 г. доносит о том, что в первые же дни у г-жи де Сталь, в гостинице «Белый лебедь», бывали, главным образом, граф Мориц О'Доннель, «которого она давно знает и который тут ее комиссионер», молодой Уваров, атташе русского посольства, «поклонник ее ума», и князь де Линь³¹.

Уваров копит впечатления от г-жи де Сталь и, пропустив их через фильтр своих политических убеждений и салонных толков, записывает в дневнике (после 6 января 1808 г.):

«Если в первый момент красноречие г-жи де Сталь как бы ослепляет, то потом скоро становится заметным ее страстное желание быть оригинальной. Поверхностная дерзость нагромождаемых ею парадоксов ослабляет впечатление от нее в глазах всякого рассудительного человека. Слабость ее логики в споре казалась бы невероятной, если не быть заранее подготовленным открыто ею высказываемым отвращением к тому, что она называет литературной ортодоксальностью. Я слышал, как она на одном и том же вечере доказывала, что вкус—это качество, достойное презрения; что Расин гораздо менее умен, чем немецкие писатели, которых она готова была цитировать (не без основания подозревают, что она их не знает); что анархия гибельна только по своим результатам; что Франция стремится установить у себя конституцию в английском духе; что во Франции не было совсем анархии и т. д. В этих ее высказываниях узнаются дочь г. Неккера и дух того политического клуба, пифией которого она была.

На груди, с левой стороны, она почти постоянно носит большую миниатюру своего отца. Нужно иметь большую смелость, чтобы так вызывающе относиться к общественному мнению. Можно, закрыв глаза, жалеть и чтить преступного отца, но не следует всем и каждому напоминать о человеке, так бесповоротно осужденном, как г. Неккер. Эта недостаточная тактичность часто заставляет г-жу де Сталь делать то, что она сама, как умная женщина, осудила бы. При своем представлении ко двору она в разговоре с эрцгерцогом Иоганном, который не слышит за человека, отличающегося особо хорошим тоном, спросила его о Тироле, который он вынужден был очистить».

Всё, что здесь написано,—это точно отрывок из обвинительного акта, который составлялся против г-жи де Сталь в венских легитимистских гостиных.

Если бы приведенную запись Уварова могла прочесть сама г-жа де Сталь, она увидела бы, до чего неглубока была в Вене почва сочувствия, на которую она могла стать: «Г-жа де Сталь, по своему происхождению и роли, которую она играла в начале революции, должна была быть подозрительной всем в городе, где Мария-Антуанетта провела детство и где не забывали ее трагической судьбы. Отсюда и общее предубеждение против дочери Неккера, который, в глазах венцев, не очень разнился от Дантона и Робеспьера»³².

В передаче Уваровым того, что он слышал от г-жи де Сталь, сквозит явное неудовольствие легитимиста в сочетании со староверством классика: Уварову одинаково неприятно услышать от г-жи де Сталь и речь в защиту либеральной английской конституции, и утверждение, что немецкие писатели умнее Расина. В передаче Уварова глухо доносится до нас спор из аристократической гостиной: кто-то утверждал, что Великая французская революция—это сплошная анархия; г-жа де Сталь оспаривала это, утверждая, что во Франции была революция, но не было анархии. Свидетель этих споров, Уваров с резкостью подводит итог разговорам г-жи де Сталь: во всем этом живет «дух политического клуба» первых лет революции.

Следующая, недатированная запись Уварова начинается анекдотом о г-же де Сталь, вероятно, слышанным от князя де Линя. Этот анекдот, в глазах Уварова,—чуть ли не ключ к пониманию г-жи де Сталь: «Г-жа де Сталь спросила однажды Талейрана, умен ли Бонапарт.—Вы ведь знаете,—сказала она,—как я понимаю, что такое ум; так вот, как, по вашему, так же ли он умен, как я?—Он не такой храбрый, как вы, Madame,—отвечал Талейран. Если этот анекдот достоверен, то ответ Талейрана по тонкости и злостности превосходит всё, что можно было ей ответить. Я начинаю приходить к убеждению, в результате своего знакомства с г-жой де Сталь, что нужно тщательно проверить себя, прежде чем высказать о ней окончательное мнение: при первом свидании ее речи меня увлекли и поразили; при втором я был задет всеми выдвинутыми ею парадоксами. С тех пор, как я начинаю думать, что она прибегает к этим парадоксам, как к средству ослепить своего собеседника, и что, выдвигая странную, причудливую идею, она вовсе не склонна ее защищать и готова ею пожертвовать при первом же требовании,—с тех пор я прихожу к убеждению, что нужно лишь наслаждаться изумительной широтой ее ума, блестящим порывом ее фантазии и не прерывать ее рассуждениями, не заставляя ее руководствоваться логикой».

Уваров продолжал неутомимо наблюдать замечательную женщину и изредка заносил свои впечатления в дневник.

«Больше всего поражает в г-же де Сталь контраст между ее глубоко-мыслием и убежденностью, с одной стороны, и мелочными претензиями, свойственными ее полу. Красноречие ее достигает высокого совершенства. Следует отметить, что ее французская сущность преобладает над всей ее чужеземной культурой. Когда г-жа де Сталь бросается в круг новых идей, она незаметно кончает тем, что возвращается как бы в свой парижский салон. Что, сверх всего, особенно замечательно для восполнения впечатления от ее ума и ее сочинений,—это то, что г-жа де Сталь о ч е н ь с л а в н а я ж е н щ и н а (*très bonne femme*) в общепринятом значении этого слова».

В другой заметке, под наплывом множества впечатлений от г-жи де Сталь, Уваров делает такую *nota bene*: «Я хочу как-нибудь записать впечатление, произведенное на меня г-жой де Сталь. Я не опущу сказать ни об энтузиазме своего рода, который возбудила во мне расточительность ее ума, ни об открытых мною потом новых чертах ее характера и привычек. Она полна противоречий».

Это свое намерение Уваров исполнил через сорок три года, в Петербурге, в январе 1851 г. Принимаясь за очерк о г-же де Сталь, он писал:

«Перерывая свои старые воспоминания, я нахожу среди них живой образ г-жи де Сталь, хотя встреча с ней относится к очень далекой эпохе. На исходе жизни усердно стараешься сохранить следы быстротекущей молодости, и среди монотонно тянущегося существования старости они выступают с особенной отчетливостью и яркостью».

Сорокалетняя давность сгладила в этих воспоминаниях старости прежнюю молодую взволнованность; острые углы затупились; резкие грани превратились в мирные межи, но основное впечатление осталось то же самое. В одних случаях бывший министр народного просвещения, создавший политическую философию самодержавия, только повторяет мысли и чувствования молодого атташе, в других случаях он заметно поворачивает их вправо.

Уваров-министр признавал романтизм опасным литературным течением, «проповедывающим вольность», и поэзия Пушкина и Лермонтова, по его мнению, была лучшим доказательством этой опасности. Уваров-атташе с явной неприязнью отнесся к спутнику г-жи де Сталь, Августу-Вильгельму Шлегелю, и его брату Фридриху, видя в них зачинателей романтизма, колеблющего классицизм, в котором Уваров видел литературную форму, приличествующую просвещенному абсолютизму.

Вот две записи о Шлегелях, извлеченные из венского неизданного дневника Уварова:

«Г-н Август-Вильгельм Шлегель, нахлебник (*commensal*) г-жи де Сталь, которого она выдает за известного поэта, в настоящий момент с ней вместе в Вене. Его литературные заслуги—переводы Шекспира и Кальдерона, и тот и другой пользуются хорошей оценкой. Собрание его напечатанных стихов ниже посредственности, однако, его самомнение и резкий тон составляют контраст со скромностью и мягкостью Коллина, так же как и вообще противоположны их таланты».

Сам Уваров зарисовал в дневнике и этого Коллина³³, забытого драматурга, которого он предпочитал Августу Шлегелю.

mes yeux formé le projet étud. brevis
 et me d'aller vos voir demain à 4 h
 si vous ne tenez pas mais je t'en prie
 fort que vous veniez ici ce soir je vous
 établis par un nouveau camp que
 j'ai en vos vers la même chose vous —
 mes rejets à la samedi chez mad.
 de rembeck. les jeunes parents —
 ainsi une friction lors vos —
 j'espère que vos faits de vers le vent
 chère Louise — mille amitiés —

D. Schlegel
 Madame de Staël
 Vienne

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ К С. С. УВАРОВУ. ВЕНА, 1808 г.

Исторический музей, Москва

«Коллин, трагический поэт,—единственный известный литератор, во-
дворившийся в Вене. Он служит в финансовом департаменте и на плохом
счете за то, что занимается еще чем-то, кроме арифметического сложения.
Его внешность ужасна, фигура самая обыденная, но заставьте его прочесть
вам стихи,—глаза его тотчас оживляются, физиономия тоже, и весь он
преображается. Я слышал его чтение превосходной сцены Неоптолема
с Калхасом из его трагедии „Поликсена“».

Этого же смиренного Коллина Уваров ставил в пример и другому Шле-
гелю, Фридриху.

«Фридрих Шлегель, брат нахлебника г-жи де Сталь, живет здесь уже
6 месяцев и работает над трагедией, посвященной Карлу V (фигуре, без
сомнения, менее всего трагичной в истории). Фр. Шлегель известен в Гер-
мании, как автор нескольких литературных и критических произведений,
а главным образом—своей склонностью к парадоксам. Он является одним
из возглавляющих новую секту, которая грозит захватить в свои руки
всю немецкую литературу, причем их первым девизом является презрение
ко всему, что было до них. Я слышал, как г-жа де Сталь усиленно пре-
возносила ум г. Ф. Шлегеля, но я недостаточно знаю его, чтобы убедиться
в справедливости этих похвал. Оболочка всякого немецкого писателя
настолько трудно проницаема, что нужно быть очень убежденным в боль-
ших выгодах подобного проникновения, чтобы браться за него. Коллин,
с которым я здесь познакомился,—единственный в этом отношении хоро-
ший и податливый человеку».

Предпочтение податливого Коллина гордому Ф. Шлегелю не помешало
Уварову позаимствовать из разговоров с Ф. Шлегелем и из его сочинения
«Über Sprache und Weisheit der Indier» ряд основных мыслей для своих
«Проекта Азиатской академии» (1810) и «Опыта об Элевсинских мисте-

риях» (1812). Как увидим сейчас, неприязнь к Шлегелям Уварова-атташе приняла у Уварова-министра характер враждебности.

Но обратимся к позднему рассказу Уварова о г-же де Сталь.

«Г-жа де Сталь встретила в Вене самый радушный прием. Наиболее замкнутые салоны высшей аристократии открыли ей свои двери. Возможно, что ненависть, питаемая к Наполеону, способствовала популярности его жертвы. Венское общество было очень предупредительно по отношению к г-же де Сталь. Княгиня Лихтенштейн, жена князя Иоганна³⁴, княгиня Паулина Шварценберг, так верно названная г-жой де Сталь «святейшей из матерей»³⁵, графиня Флора Врбна³⁶, графиня Молли Зичи, все польские дамы, составлявшие тогда основное ядро венского общества, начиная с престарелой и больной графини Потоцкой³⁷, сохранившей, однако, всю любезность и свежесть ума, и кончая графиней Софьей Замойской³⁸,—все дружно старались оказать Коринне лучший прием в Вене, не говоря уже о том, что в доме князя де Линя с первого же дня своего приезда г-жа де Сталь встретила самое дружеское к себе отношение. Для нее устраивалось много вечеров и любительских спектаклей, причем ей предоставлялись лучшие роли. Общество, со своей стороны, охотно бывало и в скромном салоне самой г-жи де Сталь. Она привезла с собой часть своего хозяйства и два-три раза в неделю устраивала у себя обеды, на которые по очереди приглашала шесть-семь человек наиболее подходящих друг к другу, которые единодушно признавали эти обеды очень приятными и более парижскими, чем венскими, по своему характеру.

Г-жу де Сталь сопровождали в Вене, кроме ее второго сына Альберта³⁹, умершего потом в Швеции, и ее дочери Альбертины⁴⁰, вышедшей впоследствии замуж за герцога Брольи, в то время бывшей прелестным 10—12-летним ребенком, г. Сисмонди⁴¹, историк итальянских республик, и г. Август-Вильгельм Шлегель. Последний был наставником молодого Сталя и, вместе с тем, секретарем и сотрудником его матери. Влияние г. Шлегеля на развитие идей г-жи де Сталь было настолько велико, что невозможно обойти молчанием эту личность, тем более, что со временем он приобрел твердо установившуюся репутацию. Г-н Шлегель, выдвинувшийся, как немецкий писатель, стремился стать писателем французским и, действительно, хорошо овладел французским языком, обычно не дающимся немцам. Он поднял знамя восстания против французского классицизма и яростно напал на Расина в брошюре, наделавшей много шума⁴². В результате, возник оживленный литературный спор, в котором приняли участие многие французские писатели и журналисты. Г-жа де Сталь склонялась к точке зрения Шлегеля, литературные суждения которого оказывали на нее сильное влияние. Он в то время помогал ей в ее большом труде о Германии: материалы для этой работы были в большей своей части подготовлены Шлегелем, а третий том, трактующий о философии, был почти целиком написан им, причем г-жа де Сталь лишь придавала этим материалам литературную форму, приемлемую для вкуса французской публики, и вносила туда черты своей индивидуальности. Она говорила: «Руда Шлегеля богаче моей, но чеканю монеты я лучше, чем он». И действительно, г-жа де Сталь знала немецкий язык лишь по какой-то исключительной интуиции, инстинктивно; она едва могла связать два слова по-немецки или прочесть полстраницы какой-нибудь газеты, а между тем, я сам видел, как она, прямо раскрыв книгу, переводила сцену из Шиллера с поразительным пониманием и воодушевлением, вскры-

вавшим, казалось ей, без затруднения внутреннее содержание этой высокой поэзии.

Может показаться удивительным, что такой человек, как Шлегель, стоявший в первом ряду немецких литераторов, стал добиваться причисления себя к французским писателям, решив как бы покинуть уже завоеванное с трудом место. Чтобы понять эту кажущуюся аномалию, надо перенестись в условия эпохи, о которой я говорю. Новое поколение, современная молодежь,—я нарочно избегаю сказать «молодые люди», потому что в данном случае это было бы двойным варваризмом,—не может себе представить настроение умов в начале века и в эпоху Империи. Никогда преобладание французского языка и французского гения не было более сильным, весь мир их любил и культивировал, даже те, кто наиболее ненавидел французское правительство и его политику. Стихотворение, куплет, песенки, прозаический отрывок распространялись по всей Европе,—это был лучший способ проникнуть в общество равно в Париже, Вене, Петербурге и Неаполе. Двери всех салонов открывались перед теми, кто служил литературе, и, главным образом, французской, бесспорно царившей над всеми остальными. Никогда влияние французской литературы не достигало такой силы, как в то время, когда в глубине сознания людей и в тайниках их душ уже зрела и создавалась реакция, которая вскоре должна была выдвинуть разные новые мало ценимые до тех пор национальности и разрушить тот могущественный синтез, при помощи которого в течение всего XVIII столетия Франция безраздельно властвовала над Европой...

Не было, мне кажется, уделено достаточно внимания тому, с какой заботой Наполеон, будь то по собственной склонности или в качестве ловкого маневра, старался пользоваться этим влиянием, значение которого он знал; его царствование, безусловно, было, по преимуществу, военным и воинствующим, и, тем не менее, наряду с этой громадной манифестацией завоевательского духа, Наполеон усердно покровительствовал литературной мысли, лишь бы только она оставалась в границах, им указанных, и воздерживалась от политики. Человек, который в начале своей карьеры подписывался: «член Национального института, главнокомандующий итальянской армией», сам находился под обаянием цивилизаторских идей; во время его царствования ум завоевывал отличия наравне с бранной славой. Выдающиеся люди науки и литературы—Лаплас, Лагранж, Монж, Бертоле, Фуркруа, Шаптал, Фонтан—занимали первые ряды в Сенате и в управлении. Дарю, переводчик Горация, был главным интендантом армии. После прочтения только-что появившейся книги молодого Моле, Наполеон вызвал его к себе и поручил ему вскоре после того портфель министра юстиции; первая литературная проба открыла Просперу де Баранту перспективу высоких должностей; еще многие другие обязаны своим возвышением литературному или научному успеху.

Сам Наполеон писал много; его брат Людовик, король Голландии, посвящал себя исключительно изучению литературы; Люсьен дулся и в то же время рифмовал свои громадные эпопеи, даже заглавия которых сейчас забыты; сам добродушный Иосиф, бродячий король Испании и Неаполя, застенчиво выпускал сентиментальные новеллы.

Одним словом, увлечение было повальным. Вне Франции Наполеон дал орден Почетного легиона Гёте и Виланду; в Италии он призвал Фос-

сомброни, известного физика, к самым высоким государственным должностям и щедро вознаграждал Монти, воспевавшего его деяния. Его артистический энтузиазм дошел до того, что он послал орден Железной короны певцу-кастрату Крешентини и заметил свою оплошность только тогда, когда Тальма отказался принять тот же орден. Наполеон согласился даже забыть, что живописец Давид был суровым членом Конвента, потому что императору понадобилась его кисть для изображения коронации и для писания портрета. Одним словом, в царствование Наполеона порывы интеллектуальные и артистические объединялись с воинственными; лишь бы только и те и другие склонялись под единой железной волей, в действительности более капризной и самоуправной, чем деспотической.

Неправильно чрезмерно преуменьшать значение литературы времен Империи; если гениальных людей не было, то не потому, что не было поощрения; зато писателей второстепенных было множество».

Весь этот «очерк состояния культуры» при Наполеоне I специально направлен Уваровым против г-жи де Сталь, пришедшей к диаметрально противоположному выводу в своей книге «О литературе»: бывший министр просвещения при Николае I, Уваров упорно возражает г-же де Сталь против ее утверждения, что без политической свободы невозможно процветание литературы и науки. Уваров продолжает далее:

«С этой точки зрения понятно, как должны были оскорблять самолюбие Наполеона так называемая им измена Шатобриана и упорное противодействие г-жи де Сталь: действительно, достойно внимания то, что оба эти французских писателя, творения которых имеют значение до наших дней и которые первые подняли знамя восстания в старом владении французского гения, вели свою работу вопреки видам Наполеона, под флагом явно ему враждебным, в то время как видный стихотворец той эпохи, Делиль, ограничился тем, что, из оппозиции, посвятил сделанный им перевод «Энеиды» императору Александру I.

Однако, вернемся к г-же де Сталь. Когда убедились, что под двойным покровом выдающейся женщины и крупного писателя нет ни жеманства, ни педантизма, когда все признали, что г-жа де Сталь—женщина умная и приятная в обществе, с превосходным характером и чрезвычайно добрая, все предубеждения рассеялись, и она была единодушно принята даже теми, кого отталкивали от нее политические убеждения и имя ее отца.

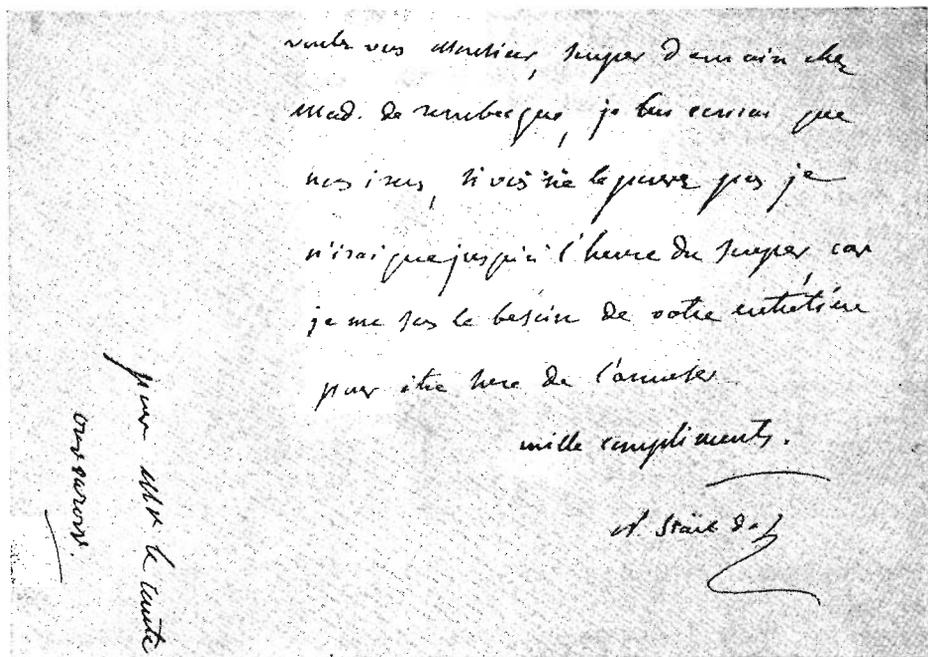
Описывая обычную манеру г-жи де Сталь, я не буду утверждать, что она всегда оставалась ей верна. Шла ли речь об обращении в своего единомышленника какого-либо политического деятеля, или о том, чтобы приковать к своей колеснице человека, по ее мнению, расположенного к более нежному восхищению, г-жа де Сталь становилась Коринной, предоставляя тогда полную свободу проявлениям своей увлекательной речи. Она то углублялась в дебри политических и социальных проблем, то увлекалась метафизикой чувств. В эти моменты вдохновения она блистала остроумием и талантом. Редкий мужчина мог бы оспаривать у нее пальму первенства в импровизации. Ее речь, несмотря на несоответствие некоторых ее предвзятых идей, всегда оставалась в пределах изящной убедительности. Но, взявшись за перо, она иногда допускала в своем стиле некоторые неологизмы (очень робкие, несомненно, по сравнению с теперешними крайностями), но устная речь ее казалась более чистой, более выдержанной, более простой. Она принимала характер как бы разговора, поднятого силой таланта до предела своей мощи, но без отрыва от

своего первоисточника. Когда г-жа де Сталь решалась касаться в своем разговоре вплотную тех вопросов чувства, которые занимают столько места в ее литературных произведениях и которыми так охотно пользовались, как темами для разговоров, умение ей иногда изменяло. Увлеченной своей словоохотливостью, г-же де Сталь трудно было сохранить равновесие; сама того не подозревая, она подходила к границе смешного, когда вдавалась в такие туманные тонкости, что язык ее часто утрачивал четкость и определенность. Вместе с тем, эта ее страстная дикция, совершенно не соответствующая ее внешнему виду, невольно вызывала улыбку; женщины особенно были строги к ней в этих случаях. Это была своего рода отместка: ведь еще и Лафонтен отмечал, что много мужчин обладает чертами женского характера (*bon nombre d'hommes qui sont femmes*)⁴³.

Однако, справедливость требует отметить, что, когда г-жа де Сталь встречала противника достойного ее, характер и талант которого она уважала, как, например, Поццо ди Борго⁴⁴ или Гентца⁴⁵, их беседа становилась исключительно интересной и значительной».

Последнее указание Уварова драгоценно. Оказывается, исключительно интересные и значительные беседы в Вене г-жа де Сталь вела с двумя злейшими врагами Наполеона. Уваров был слушателем, вряд ли соучастником этих «исключительно интересных и значительных» политических разговоров г-жи де Сталь с людьми, остро и деятельно переживавшими тревоги бурной политической погоды 1808 г. Уваров предпочитал этим разговорам иные разговоры, лишённые политической остроты и опасности.

«А все-таки разговоры г-жи де Сталь с князем де Линем—более простые, более изящные и, если угодно, более фривольные—казались мне выше бурных импровизаций, мало подходящих к салонному духу. Прелесть

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ К С. С. УВАРОВУ. ВЕНА, 1808 г.

Исторический музей, Москва

их бесед, легких и блестящих, в которых оба собеседника поочередно щеголяли особой тонкостью и изяществом ума, состояла, главным образом, в том убеждении, что беседы эти являются последним отголоском умирающего общества, последним взлетом французского гения, который, от Рабле и до Вольтера, дал могучий толчок развитию языка, изящной литературы и даже политических судеб Франции, толчок, отразившийся во всей Европе».

III. Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ И КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Князь Карл-Иосиф де Линь (1735—1814) был тою достопримечательностью Вены, которая произвела на Уварова наибольшее впечатление.

XVIII в.—в его придворной пышности, военной славе, дипломатическом лукавстве, салонном остроловии, литературном изяществе и жизненном эпикурействе, словом, весь XVIII в.— вот что было воплощено в одном князе де Лине, которому при знакомстве с Уваровым минуло 72 года. Уваров нашел в де Лине тот перекресток истории, с которого можно было озирать несколько ее дорог. Вена времени Марии-Терезии и Иосифа II, Париж и Версаль Людовиков XV и XVI, Петербург Екатерины II,— всё это соединилось в одном князе де Лине.

Потомок двух австрийских фельдмаршалов, князь де Линь сам был дважды фельдмаршал: австрийским фельдмаршалом он стал за то, что участвовал в семилетней войне, воюя против Фридриха II, с которым переписывался на французском языке, а в русские фельдмаршалы Екатерина II возвела де Линя за словесные поединки, которые он с блестящим искусством вел с нею в Эрмитаже. Читая в Петербурге перлюстрированные письма де Линя, Екатерина II давала наказ Храповицкому: «...примечать, и когда начнутся шалости, то велеть ему выехать из России», а пока решительно предпочитала де Линя его повелителю Иосифу II: «Двух бунтов сам был причиною; тяжел в разговоре,—жаловалась она Храповицкому на Иосифа II,—а князь де Линь, скрывающий под флигельностью очень глубокого философа и обладающий справедливым взглядом на вещи, его перевертывает»⁴⁶. Екатерина II взяла с собою князя де Линя в крымское путешествие, которое он описал, и подарила ему земли в Крыму. Не лишне отметить, что князя де Линя связывала примечательная дружба с Суворовым, с которым он состоял в переписке⁴⁷.

Вольтер высоко ценил острый ум и французский слог де Линя: он переписывался с ним, как равный с равным, писатель с писателем.

Завоевание Бельгии, где у де Линя были большие поместья, войсками революционной Франции разорило князя; с тех пор де Линь жил в Вене.

На одной из первых страниц своего дневника Уваров занес свое впечатление от встречи с де Линем.

«Князь де Линь—не из последних достопримечательностей Вены. Я представлял его себе небольшого роста, согбенным, разбитым, в действительности же я нашел очень красивого по внешности, высокого, совершенно свежего человека. Его 72-летний возраст ничуть не уменьшил его приветливости. Ничего не может быть остроумнее его манеры разговора: он говорит самые смешные вещи, сохраняя удивительно серьезный вид. Его разговор смел, оригинален, полон анекдотов и так же разнообразен, как и его биография. Он был очевидцем блестящих дней Людовика XV, триумфов Екатерины II, подвигов Фридриха II. Он переписывался с Вольтером, переписывался с ним, как равный с равным, писатель с писателем.

сывался с Вольтером. Он пользовался всеми возможными успехами и пережил их».

Дальнейшие страницы дневника Уварова испещрены заметками о де Лине; Уваров наслаждается каждым его острым словом. В де Лине восхищает Уварова величайший мастер старофранцузской веселости, острословия и вольтеровской едкости.

«В 1807 г. князь де Линь сказал Талейрану: «Только нас двое осталось французов» (Il n'y a plus que vous et moi de français)».

Для Уварова де Линь был последним французом из той Франции, которую одну он считал Францией,—из Франции старого режима.

Через тридцать четыре года после своих венских заметок о князе де Лине Уваров собрал все эти разрозненные черты в законченный портрет де Линя и поместил его в своих «Etudes de philologie et de critique» (St.-Petersbourg, 1843). Немногие прочли в свое время эту французскую книгу президента русской Академии наук. В настоящее время она по достоинству забыта всеми, и лишь небольшой очерк «Le prince de Ligne» заслуживает изъятия из этого забвения. Прекрасный литературный портрет де Линя работы Уварова—одно из лучших произведений русских писателей, писавших по-французски. Его краски не нуждаются в освежении. Нужно только помнить, что портрет писан рукой человека, который возобновлял в нем идеальный облик, созданный в ранней молодости.

«Мне пришлось видеть князя де Линя в Вене в 1807 г. Будучи в очень молодом возрасте, но по традиции и вкусам страстно привязанный к тому, что называли старым режимом, я не мог при представлении моем ветерану европейского изящества не испытать некоторого волнения. Я так часто слышал его имя, я повсюду встречал его на страницах XVIII в. среди имен Вольтера, Людовика XV, Екатерины II, Фридриха II и императора Иосифа II.

Человек, который в течение столь долгого времени заставлял говорить о себе, представлялся мне, юноше, древним памятником, каким-то дряхлым Нестором. Судите о моем удивлении, когда я увидел, что князь де Линь в семьдесят два года продолжал сохранять почти всю силу зрелых лет! Он был высокого роста, держался очень прямо, сохранил зрение, слух и, главное, великолеппный желудок, вел очень светский образ жизни, был чрезвычайно любезен с дамами и сверкал своим изящным легкомыслием. При этом, князь де Линь склонен был обращаться с молодыми людьми, как с товарищами. Легко себе представить, с какой восторженной готовностью я поспешил оказаться в их числе. Он сохранил густые волосы, и так как он их пудрил, его красивое лицо, хотя на нем и были заметны морщины, не носило никаких признаков старческой дряхлости. Военная форма хорошо шла к нему, и крест Марии-Терезии на его груди благородно сочетался с орденом Золотого руна. Он потерял часть своего состояния во время бельгийских революций и прожил остальное. От своего громадного состояния, частично переданного младшему сыну, князь де Линь сохранил в Вене только скромный дом на городском валу, который, тем не менее, называли дворцом де Линя. Там собиралась каждый вечер его милая семья, состоявшая из двух замужних дочерей и третьей, которая тогда была начальницей общины; здесь периодически собиралось всё, что было в Вене самого изысканного, будь то старые женщины самого очаровательного тона, с величавыми манерами, будь то молодые, исполненные прелести; иногда появлялась группа англичан, которые,

как говаривал князь де Линь, путешествовали для своего собственного удовольствия, а не для удовольствия других; иногда это были русские, к которым он питал особое расположение; туда приходило мало немцев, если не считать кое-каких обломков времени императора Иосифа или нескольких аристократов из Нидерландов, изгнанных, подобно старцу у Вергилия или самому хозяину дома, вдаль от своих домашних пенатов. К этим всегда усердным посетителям присоединялось несколько эмигрантов высокого полета, граф Роже де Дамас, маркиз де Бонне; когда же в этой смешанной группе замечался человек с огненным взглядом, с смуглым лицом южанина,—это был Поццо ди Борго, увлекательные беседы которого, совершенно отличные от бесед князя де Линя, привлекали к нему; его оригинальный ум, страстный и совсем современный, заставлял особенно рельефно выделяться тот типичный ум XVIII в., который был у князя де Линя».

Появление г-жи де Сталь в доме князя де Линя было крупным событием венской зимы 1807—1808 г. Вот как Уваров описывает эту встречу в своем дневнике:

«Приезд г-жи де Сталь как бы разбудил князя де Линя и вернул ему всю его приветливость. Чрезвычайно любопытно наблюдать, когда они вместе. Они взаимно очень довольны друг другом, но разница в складе их ума вызывает резкий контраст в их разговоре. Оба они заслуженно пользуются репутацией красноречивых собеседников. Г-жа де Сталь привила на французской любезности множество новых, чуждых преждемудрым идеям. Князь де Линь тщательно оберегает во всей ее чистоте французскую элегантность речи. У г-жи де Сталь в разговоре больше воображения, у князя де Линя—непринужденности и изящества. Г-жа де Сталь смело фрондирует давно воспринятые идеи, а князь де Линь им благоговейно следует. Когда г-жа де Сталь, впадая в экзальтацию, предается своим глубокомысленным рассуждениям о любви, религии и морали, князь де Линь незаметным образом возвращает ее в ее парижский салон. Когда г-жа де Сталь заводит речь о Клопштоке, которого она, быть может, и не знает, князь де Линь над ней подсмеивается, заставляя ее самоё смеяться и говорит ей о Вольтере. Г-жа де Сталь не часто говорит о революции, потому что мало кто был бы с ней согласен. Быть может, князь де Линь и не препятствовал бы этому разговору, если бы революция не разрушила все дворянские идеи, которым он так предан. В таких случаях ссора между ними неизбежна. Она могла бы затянуться, но ее прекращает поданная индейка с трюфелями, и разговор тогда меняется. Г-жа де Сталь весело упрекает князя де Линя в обжорстве, он ей отвечает стихами из «Le Mondain» [«Светский человек»]—сатира Вольтера]. Г-жа де Сталь старается его убедить в том, что нет ничего менее интересного, чем обжорливый человек, и рисует ему образ любовника таким, каким он должен быть; князь де Линь протестует против умеренности и слабых легких, которыми г-жа де Сталь наделяет любовника. Все смеются, и обед кончается».

Эту блестяще зарисованную встречу Уваров представил с большей полнотой и с еще большим мастерством в очерке «Князь де Линь», написанном в 1842 г. Две-три черты из дневника он даже перенес целиком в свой позднейший рассказ, тем самым, подчеркивая его достоверность.

«В маленьком сероватом салоне, скромно меблированном и таком узком, что трудно было даже стоять, когда собирался народ, появилась однажды

он был богом Термом, следившим за тем, чтобы владения каждого из них были тщательно охранены. Трудно было бы выразить то бесконечное удовольствие, которое давало нам это очаровательное зрелище: никогда князь де Линь не бывал тоньше, кокетливее, изобретательнее; никогда г-жа де Сталь не была более блестяща; в нем был легкий, почти незаметный налет иронии, который, не оскорбляя г-жи де Сталь, оказывал ей некоторое пассивное сопротивление, бывшее для нее не без привлекательности. Когда Коринна взрывом бесподобного красноречия возносилась на седьмое небо, князь де Линь исподволь возвращал ее в ее парижский салон. Когда он, в свою очередь, бросался очертя голову в душистую болтовню Версаля или Трианона, г-жа де Сталь спешила несколькими краткими и энергичными словами, в стиле Тацита, указать на обреченность этого общества, приговоренного к гибели от собственной руки. Слушатели увлекались то одним, то другим и не были в состоянии решить, кому принадлежит приз; впрочем, никто не хотел бы примирить их, настолько эта борьба была благородна и хорошего вкуса. Поспешим добавить, что в этих очаровательных схватках ничего не было деланного, ничего фальшивого: это были две различные натуры, которые проявляли себя без усилия, два ловких борца, любезно перебрасывающие друг другу мяч; живость неожиданных выражений, всегда вежливых и естественных; легкая беседа, почти небрежная, свободно переходившая от одной темы к другой; чрезвычайное старание всячески избегать резкости в словах; взаимное добродушие, если только можно воспользоваться этим словом, — таковы были отличительные черты этого невероятного фейерверка, великолепные снопы которого до сих пор вспоминаются мне с наслаждением.

Сама г-жа де Сталь нашла в доме князя де Линя оазис, в котором освежалась от венской сухости и скуки, и не без отчаяния и благодарности писала она тогда из Вены герцогине Луизе: «Князь де Линь и его семья — настоящий клад в моем положении... Князь де Линь превосходен. Его любезность вам известна, но эта любезность является формой, которая скрывает лучше, чем то сделала бы неприветливость, чудесные и глубокие качества»⁴⁹.

Князь де Линь широко раскрыл двери своего дома перед г-жой де Сталь, но она очутилась в роялистском особняке старого режима, где самое имя ее отца было запрещено, а дата — 1789 г., заветная для г-жи де Сталь, была самой ненавистой из всех дат всемирной истории... Здесь высоко ценили искусство ее разговора, но единодушно желали, чтобы предметом этого искусства были идеи, мысли и чувства, не выходившие за пределы боскетов Трианона и парков Версаля.

Старая Франция, эмигрировавшая в Вену, умела быть любезной и внимательной к своей гостье, и она пожелала угостить ее тем, чем так охотно развлекались в XVIII в. в салонах, при дворах, — угостила театром.

Вена была музыкальной столицей Германии. В 1808 г. в ней жили Гайдн и Бетховен, была жива память о Глюке и Моцарте, творения которых беспрестанно исполнялись в опере и в концертах. Самым большим эстетическим угощением, которое Вена могла предложить г-же де Сталь, была музыка. Но г-жа де Сталь была равнодушна к ней. В своем рассказе о пребывании в Вене она не упоминает ни словом о Бетховене; прослушав «Requiem» Моцарта, она нашла, что он «недостаточно торжественен». После исполнения величайшей из ораторий Гайдна г-жа де Сталь пишет: «Я слышала в Вене гайдновское «Сотворение мира», его исполняли

одновременно 400 музыкантов; это был достойный праздник в честь творения, которое чествовалось. Но Гайдн иногда вредил умом своему таланту. На слова: «Бог сказал: Да будет свет!—и стал свет» сперва инструменты играли очень тихо и их было еле слышно, потом они вдруг все сразу загремели с ужасным шумом, долженствующим символизировать рождение света, так что один остроумный человек сказал, что при появлении света нужно затыкать себе уши. В нескольких других местах «Сотворения мира»—та же изошренность мысли, часто достойная порицания: музыка еле тянется, когда созданы змеи; она снова становится блестящей с пением птиц; а во «Временах года», тоже Гайдна, эти намеки еще чаще»⁵⁰.

Уваров в своем неизданном дневнике сохранил любопытную запись об этом исполнении «Сотворения мира», на котором присутствовал вместе с г-жою де Сталь:

«Я видел Гайдна⁵¹. Общество любителей исполняло в университетском зале его «Сотворение мира». Он прибыл туда, скорее его туда принесли. Он мне показался среднего роста, с довольно выразительным лицом, с орлиным носом. Он уже настолько слаб, что самостоятельно двигаться не может, однако, свежесть мысли сохранилась вполне. Он мог выслушать только первую часть оратории и казался очень растроганным. Из опасения, что ему сделается дурно, его на кресле донесли до носилок под несмолкаемые крики «виват!», «браво!». Однако, слушатели, казалось, не были особенно взволнованы музыкой. Эти добрые венцы мало склонны к энтузиазму и любят музыку, так же, как и свою родину, без порыва и страсти. Оратория была исполнена прекрасно. Я заметил г-же де Сталь, какое печальное, горестное зрелище—угасание гения; она согласилась со мной. Говоря о том, насколько трудно уметь хорошо рассказывать, г-жа де Сталь, между прочим, сказала, что есть люди, которые, раз принявшись за какую-нибудь историю, говорят, подобно апостолам на горе Фаворе: „Господи, нам хорошо здесь! Не поставит ли здесь три палатки?“».

Из всех композиторов Германии г-же де Сталь ближе всех был Глюк с его операми-трагедиями на сюжеты из античного мира. Автор «Ифигении в Тавриде» и «Орфея» в глазах г-жи де Сталь был оперным Расином. Глюк гениален потому, что «сумел чудесно приспособить музыку к словам, соперничая с поэтом по выразительности музыки»; его оперы «производят трагический эффект». Г-жа де Сталь прощала Глюку музыку за то, что он подчинил ее трагедии.

К трагическому театру г-жа де Сталь имела влечение с ранней юности. В гостиной своей матери она наслушалась рассуждений Мармонтеля и Лагарпа. Там же изредка появлялась знаменитая Клэрон и декламировала отрывки из трагедий. Начав в ранней юности с пьес для своего кукольного театра, г-жа де Сталь вернулась к драматургии в поздние годы, во время подневольного уединения в Коппе, для своего домашнего театра. Учась у Расина, г-жа де Сталь написала «Агарь» и «Суламифь», а вспоминая Клэрон, выступала в ее ролях. Ее друзья, гостившие в Коппе, превращались в актеров ее труппы—труппы, единственной в истории: ее премьером был Бенжамен Констан, а в ролях благородных отцов, злодеев, наперсников и вестников выступали историки Сисмонди и Проспер де Барант.

Круг зрителей этого театра был тесен, но молва о нем разнеслась по всей Европе. Август Шлегель был апологетом трагического таланта г-жи

де Сталь. В берлинском «Дамском Календаре на 1806 год» он поместил статью о некоторых трагических ролях г-жи де Сталь («Ueber einige tragische Rollen von Frau von Staël»).

Размышляя над игрой г-жи де Сталь, Шлегель дал ее апологию, как романтической актрисы. Верила ли ему сама г-жа де Сталь? Ей аплодировали в Коппе ее актеры-историки, она исторгала слезы из глаз г-жи Жанлис, о театре в Коппе писали в европейских журналах,—какие основания были бы у г-жи де Сталь не верить и этой новой главе в истории ее европейской известности?

Вена усиленно угощала г-жу де Сталь театральными зрелищами. Г-жа де Сталь так охотно их принимала, что в мае 1808 г., наметив уже свой отъезд из Вены, «задержалась в Вене на лишнюю неделю..., чтобы посмотреть, как танцует Дюпор, который перебрался сюда, переодетый в женское платье, и чтобы послушать М-Не Жорж, которая, по пути в Петербург, декламирует у княгини Багратион»⁵².

Князь де Линь и граф Кобенцль с сестрою были страстными театрами—французскими театрами. Драматурги и актеры Эрмитажного театра Екатерины II, они захотели увидеть на театре г-жу де Сталь.

3/15 февраля 1808 г. Уваров писал своей матери в неизданном письме: «Вчера состоялся любительский спектакль у графини Замойской. Я не участвовал, но играла знаменитая г-жа де Сталь, уже с месяц находящаяся здесь». Через шесть дней Уваров сообщает матери: «Наша Вена очень хороша. Карнавал был блестящий. Теперь у нас каждую неделю по любительскому спектаклю. Вчера г-жа де Сталь играла в «Le Legs» [комедия Marivaux]. Мнения разделились, что касается меня, то я местами находил ее игру превосходной. В будущее воскресенье будет повторена пьеса «Юность Генриха V», в которой я участвую»⁵³.

Выступая в чужих пьесах, г-жа де Сталь решила дебютировать в светской Вене и как драматург. Она выбрала ту из своих пьес, в которой имела наибольший успех в Коппе,—лирическую сцену «Agar dans le désert» («Агарь в пустыне»), сюжет которой заимствован из библии.

Избирая «Агарь» для выступления в Вене, г-жа де Сталь не могла не рассчитывать на то, что ее библейская сцена оживится самым современным содержанием: г-жа де Сталь сама была в положении Агари, осужденной на изгнание. Первое представление состоялось 14 февраля 1808 г. в доме графини Софьи Замойской. Спектакль был повторен 8 марта у княгини Фюрстенберг. Однако, «Агарь» не встретила в Вене и доли того успеха, который она имела в Коппе. Уваров записал в своем дневнике:

«Г-жа де Сталь только-что сыграла «Агарь в пустыне». Мнения разделились: соглашаясь с тем, что игра ее страдала преувеличением, отмечая недостатки ее голоса, надо, однако, принять во внимание, что сцена совершенно не соответствовала пьесе. Сильные и патетические душевные движения требуют большой сцены, содействующей иллюзии. Самая пьеса ее собственного сочинения показалась мне посредственным произведением». Отзыв Уварова об «Агари» был из числа благосклонных.

В очерке «Князь де Линь» Уваров вспоминает: «Князь де Линь, отведя меня в сторону после спектакля, сказал:—Мой друг, разве вы не в восторге и не находите пьесу прекрасной? Кстати, как она называется?—«Агарь в пустыне»,—ответил я наивно.—Ах нет, мой друг, вы ошибаетесь, это „Оправдание Авраама“».

В Вене была поставлена также и другая пьеса г-жи де Сталь: «Женевьева Брабантская». Граф Цинцендорф отмечает в своем дневнике под 14 марта 1808 г.: «Сегодня г-жа де Сталь читает у графини Северин Потоцкой трагедию своего сочинения «Geneviève de Brabant». Было пролито много слез, в особенности княгиней [Лихтенштейн], при чтении были неистовые крики». Самый спектакль состоялся 30 марта у княгини Лихтенштейн, — отзыв об игре г-жи де Сталь был столь же мало благоприятным. Впрочем, граф Цинцендорф, присутствовавший во дворце князя Лихтенштейна на упомянутом уже представлении комедии Мариво «Наследство», нашел, что г-жа де Сталь в комических ролях лучше, чем в трагических: «Она великолепно декламировала, без криков, правдиво изображая страсти. Желательно было бы не видеть ее лица, мужеподобного, тяжелого, массивного, бесконечно вредящего приятности ее игры»⁵⁴.

В очерке «Князь де Линь» Уваров, вспоминая о театральных выступлениях г-жи де Сталь в Вене в 1808 г., подробно рассказывает о спектакле, на котором давались мольеровские «Ученые женщины»:

«Венское общество поспешило чествовать г-жу де Сталь; были пущены в ход салонные спектакли, наследство XVIII в. По приезде г-жи де Сталь было поставлено несколько пьес, в частности, «Ученые женщины», в которых она получила большую роль Филаминты; граф Людвиг Кобенцль

ПИСЬМА, МЫСЛИ

И

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ

ПРИНЦА ДЕ ЛИНЯ,

изданныя

БАРОНЕССОЮ СТААЛЬ ГОЛШТЕИНЪ

И

Г-НЪ ПРОПІАКОМЪ.

Переводъ съ Французскаго

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ:

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селявановскаго

1809

РУССКИЙ ПЕРЕВОД СОЧИНЕНИЙ КН. ДЕ ЛИНЯ, ИЗДАНЫХ Г-ЖОЙ ДЕ СТАЛЬ

На фронтиспise портрет Г. А. Потемкина, гравюра А. Грачева. Часть тиража этого же издания вышла с портретом Екатерины II

играл Кризалья с живостью и талантом, которые вызвали бы зависть у опытного актера. Его сестра, г-жа де Ромбек,—бесподобное и изящное смешение ума и чувства, безумства и мудрости—играла роль Мартины. Артур Потоцкий и я, самые молодые из всей компании, были тщательно загримированы, на нас были надеты громадные парики, и мы появились, он—Вадиусом, я—Триссотеном. Пьеса была довольно дружно сыграна и понравилась; г-жа де Сталь не была избавлена от нескольких тонких намеков».

«Тонкие намеки» состояли в том, что устроители светского спектакля, выбирая для него «Ученых женщин» Мольера, предвкушали злорадное удовольствие, что г-жа де Сталь, исполняя роль Филаминты—«ученой женщины», сыграет сатирический памфлет на самой себя.

Можно себе представить, с каким наслаждением осуществленной и неуязвимой мести светские противники г-жи де Сталь аплодировали реплике служанки Мартины (графини Ромбек), которую она бросает в лицо Филаминты (г-жи де Сталь):

Ученость—дело лишнее в хозяйстве:
Где книги завелись, там в доме все вверх дном,
И если мне признаться можно в том,
Желала б для себя такого я супруга,
Чтоб книгу только он любил одну—
А именно: свою законную жену!⁵⁵

Спектакль «Ученые женщины» состоялся 11 мая 1808 г.⁵⁶, перед самым отъездом г-жи де Сталь из Вены. Г-жа де Сталь имела успех в Филаминте. Она и не подозревала, что в глазах не только венских придворных, но и в глазах ее друзей, игравших с нею, это был успех самобичевания, успех сатирического самоосмеяния.

Участие в спектаклях, особенно в подготовке трудной по исполнению комедии «Ученые женщины», сблизило Уварова с г-жой де Сталь.

Г-жа де Сталь приехала в Вену, имея рекомендацию к русскому послу, князю Куракину, от герцогини Луизы Веймарской, и в первом же письме из Вены писала ей: «Благодаря доброте вашего высочества, я всегда нахожу в чужих краях то, что скрашивает мое пребывание в них. Два письма, которые вам угодно было мне прислать, оказались очень полезными, потому что только в доме у герцога Альберта [Саксен-Тешенского] и у князя Куракина можно лучше всего познакомиться со здешним обществом»⁵⁷. Скучный и чванный Куракин менее всего был способен быть собеседником г-жи де Сталь. Недаром его атташе Уваров писал матери 18/20 января 1808 г.: «В Вене большое оживление—балы, празднества, ежедневные собрания, средоточие всяческих развлечений... Я был бы в восторге от здешнего образа жизни, если бы только у нашего посла был другой характер. Вы с трудом поверите, что редко можно найти человека, с которым было бы так трудно жить». Но посольская гостиная Куракина была для г-жи де Сталь удобной проходной комнатой для перехода в другие венские гостиные.

Из числа русских, живших в Вене, г-жа де Сталь встретила с князем Петром Ивановичем Тюфякиным⁵⁸ и княгиней Екатериной Павловной Багратион⁵⁹. О князе Тюфякине г-жа де Сталь писала в Париж г-же Рекамье: «Я вас уверяю, что, за исключением нескольких друзей, князь Тюфякин выше всех здесь, и его беседы имеют наибольший успех...».

Княгиню Багратион, оставившую своего мужа, знаменитого героя 1812 г., П. И. Багратиона и сделавшуюся хозяйкою дипломатического салона князя Меттерниха, знали также в Веймаре, и г-жа де Сталь писала великой герцогине: «Прошу вас передать его высочеству, что княгиня Багратион мне очень нравится. Она уверяет, что весною вместе со мной приедет в Веймар»⁶⁰.

Эти дружественные отношения г-жи де Сталь с русскими, жившими в Вене, нашли себе признание в ее обобщающем замечании в книге «О Германии»: «Поляки и русские составляли главную прелесть венского общества; они говорили только по-французски и способствовали отстранению немецкого языка»⁶¹.

Молодой дипломат Уваров был одним из тех русских, которые удостоились от г-жи де Сталь приведенного отзыва.

IV. УВАРОВ И РОМАН Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ С М. О'ДОННЕЛЕМ

В 1851 г. Уваров в своем очерке «Г-жа де Сталь» писал: «Перехожу к изложению отношений, установившихся между известной писательницей и мною, несмотря на разницу в наших летах. По истечении большого промежутка времени я не могу без волнения вспомнить тот интерес и то участие, которые проявила г-жа де Сталь к молодому человеку, не имевшему никакого основания рассчитывать на ее благосклонное внимание, но которого она горячо убеждала серьезно взяться за научные труды и литературные занятия. Среди большого числа сохранных мною писем и записок находится одно, которое я решаюсь привести текстуально, хотя оно и содержит несколько похвальных слов. Вот что мне однажды писала г-жа де Сталь: «Я вас не сужу. Вы—избалованный ребенок, но ребенок талантливый. Между вами и мною слишком большая разница в возрасте для какого-либо постоянства в дружбе, но мой интерес к вам постоянен. Вместе с тем, я не перестану вам повторять, что пора вам стать взрослым и смело отдаться своему естественному призванию».

Когда г. де Барант выпустил свое первое замечательное сочинение о французской литературе XVIII в., г-жа де Сталь подарила мне экземпляр, сказав: «Возьмите и прочитайте книгу одного молодого человека примерно вашего возраста и краснейте от стыда, что до сих пор не приняли ничего серьезного».

Много лет спустя, когда г. де Барант был французским посланником в Петербурге, а я был министром, мы часто с ним смеялись над этим совпадением и тем своего рода пугалом, которое г-жа де Сталь хотела для меня представить в лице моего уважаемого друга и собрата, память о котором *per varios casus et tot discrimina regum* [пройдя через все случайности и столько жестоких испытаний] никогда не перестала быть для меня дорогой».

Этот краткий, резюмирующий обзор отношений знаменитой писательницы к молодому русскому атташе, занимающемуся литературой, грешит двумя неточностями: «большого числа» писем и записок г-жи де Сталь у Уварова не существовало; заботливо хранивший каждую мелочь своего эпистолярного обихода, Уваров сберег их всего двадцать, а, самое главное, последняя фраза из приведенного здесь письма отсутствует в подлиннике (об этом ниже); сочтем ее парафразой сказанного Уварову при вручении книги де Баранта,—но словам Уварова о г-же де Сталь нельзя

отказать в мемориальной теплоте, а указание на де Баранта не лишено известной значительности.

Барону де Баранту⁶² в 1808 г. было двадцать шесть лет. Впоследствии известный историк и французский посол в Петербурге, он в 1808 г. занимал видное служебное положение в наполеоновской администрации и только-что издал «Tableau de la littérature française au XVIIIe siècle» (1808). Эта книга имела большой успех, выдержав несколько изданий (в 1837 г. вышел ее русский перевод). Литературный дебют де Баранта был блестящ и открывал перед ним прямую дорогу к широкой писательской известности и к креслу во Французской академии.

Сравнение с де Барантом, сделанное г-жой де Сталь, было очень лестно. Г-жа де Сталь считала, что для Уварова возможен такой же параллельный путь служебных и литературных успехов. Дипломатическая служба в Вене была началом одной параллели. Крупный литературный труд, которого требовала г-жа де Сталь от Уварова, должен был начать другую параллель. Доживи г-жа де Сталь до 1818 г., она могла бы, пожалуй, похвалиться своим предвидением: Уваров в этом году был сделан президентом Академии наук. Однако, г-жа де Сталь могла бы, как и прежде, попенять Уварову: де Барант был членом Академии с тринадцатью томами серьезного исторического труда, а Уваров был президентом с небольшим томиком легковесных компилятивных статей.

Восемнадцать венских записок г-жи де Сталь⁶³, тщательно сохранных Уваровым,—если употребить сравнение, взятое из наших дней,—это обрывки из «разговора по телефону». Обращения идут всегда со стороны г-жи де Сталь; Уваров только отвечает на вызов. По телефону не ведут долгих бесед и ответственных разговоров, но в телефонную трубку делятся мгновенной злобой дня и непосредственным сердечным движением. Этим исчерпывается содержание, а главное, объясняется тон и стиль записок г-жи де Сталь к Уварову. Если бы в Вене 1808 г. были телефоны, этих записок не было бы. Записки г-жи де Сталь все до одной не датированы.

В этих «телефонных разговорах», запечатленных на бумаге, не легко подслушать настоящие мысли и чувства собеседников, потому что не легко за их краткостью рассмотреть сложность жизненных отношений. Затруднительность увеличивается тем, что у нас нет ответных записок Уварова, а сам он, обещав в очерке «Г-жа де Сталь» перейти к изложению отношений между ним и известной писательницей, так и не перешел к этому изложению, ограничившись приведенным эпизодом с де Барантом. Из восемнадцати записок г-жи де Сталь Уваров прокомментировал только одну (см. выше), и ту не вполне точно.

Итак, остается всматриваться в эти записки без надежды разгадать всё и без уверенности не ошибиться во многом.

Встречи г-жи де Сталь с Уваровым в первые четыре месяца 1808 г. были часты, оживленны и желанны для г-жи де Сталь—она их искала. Это впечатление выносится из всех ее записок, и в том числе даже из таких совсем малозначащих, как следующая:

(1)

Я жалела, что вас не было вчера, приходите повидать меня сегодня после обеда. Я буду ждать вас до 7 часов. Тысяча дружеских пожеланий. Не достаточно ли вам будет и пятисот?

Ни обращения, ни даты, ни подписи. Но в записке слышится тот же мотив, что и во всех других: г-жа де Сталь едет куда-то вечером, чтобы встретить там Уварова, и жалеет, если не находит его там. Иногда г-жа де Сталь прямо назначает Уварову встречу в чужом доме, дружественном к ним обоим, и не скрывает, что едет туда только ради него.

(2)

Не хотите ли вы завтра ужинать у г-жи де Ромбек? Я бы ей написала, что мы будем. Если вы не можете, то я пробуду там только до ужина, так как я чувствую потребность в беседе с вами, чтобы быть уверенной в удовольствии. Тысяча приветствий. Н[еккер] Сталь де Г[ольштейн]⁶⁴.

Но гораздо чаще г-жа де Сталь предпочитает видаться и беседовать с Уваровым не в чужих гостиных, а у себя на дому.

(3)

Благодарю вас! Приходите пораньше сегодня вечером. Вы забыли приписать: «до вечера» в конце своей записки, это так хорошо бы ее заканчивало.

Уваров нередко уклоняется от этих приглашений и тогда получает записку вроде следующей:

(4)

Я была достаточно вами недовольна, что вы не зашли ко мне вчера вечером. Если вы хотите сегодня вечером поехать в ложу № 4 г-жи де Пальфи⁶⁵, то места для вас и для меня оставлены. Тысяча приветов. Н[еккер] Сталь де Г[ольштейн].

Уваров писал французские стихи, иногда немецкие и, повидимому, не писал русских. В дружеском кругу его французские стихи даже помнили наизусть. «Ты еще вряд ли и до Дерпта доехал, — писал в 1810 г. А. И. Тургенев брату Сергею, уезжавшему за границу, — быть может, с сильным биением сердца повторяешь стих Уварова:

*J'ai quitté pour longtemps le foyer de mes pères*⁶⁶.

В Вене Уваров смело посвятил в свои опыты с французскими стихами знаменитую французскую писательницу и получал от нее записки, которые мог бы с гордостью показать Н. И. Тургеневу, оспаривавшему его право писать французские стихи.

(5)

Ваши стихи не нуждаются даже в вашей любезности, чтобы быть приятными, они всем понравились. Я их сейчас отправляю. Обедаете ли вы у меня завтра?

Что это за стихи? Не те ли, что Уваров сложил в честь г-жи де Сталь и которые граф Цинцендорф слышал в исполнении Флоры Врбна? 14 марта 1808 г. он записал: «Я читал стихи, написанные Уваровым в честь г-жи де Сталь. Главным исполнителем была графиня Флора Врбна, обряженная в шесть крыльев и символизовавшая Воображение»⁶⁷.

Основная группа венских записок г-жи де Сталь к Уварову относится к маю 1808 г., ко времени, когда готовился спектакль «Ученые женщины», в котором была занята вся дружеская компания: г-жа де Сталь, князь де Линь, граф Кобенцль, графиня Ромбек и Уваров. Уваров в то время был болен и сидел дома. У него что-то было с ногой. Встречи с г-жой де Сталь в обществе прекратились, и потому увеличилось число записок г-жи де Сталь,—семь, несомненно, относятся к этой поре. Они пространнее других, некоторые из них стремятся быть письмами. Уваров болен и никого не принимает. Г-жа де Сталь оспаривает право больного на затворничество.

(6)

Князь де Линь, г-жа Северин [Потоцкая]⁶⁸ и я решили собраться у вас в 7 часов. Примите хотя бы князя де Линя. Я не вижу большой разницы между постелью и кушеткой, но что касается меня, то, как только вы пожелали бы нас видеть, я в вашем распоряжении—и моя беседа, и я сама. Я завтра за вас прочту «Триссотена», выучите роль.

Уварову предстояло играть в «Ученых женщинах» роль поэта Триссотена, которого Мольер так и называет «салонным поэтом». Эту роль Уваров, будучи в Вене, играл и в жизни. Неизвестно, принял ли избалованный Уваров хотя бы князя де Линя, но желание самой г-жи де Сталь видеться с ним, беседовать с ним неоспоримо.

(7)

Если вы еще не выходите, то мы с г-жой Северин [Потоцкой] собираемся навестить вас завтра, в 7 часов, но я очень надеюсь видеть вас сегодня вечером у себя. Я вас устрою на новом диване, и вам будет так же удобно, как у себя дома. В субботу, в 1 ч., у г-жи Ромбек мы репетируем «Les femmes savantes». Итак, г. Триссотен, вставайте! Я надеюсь, что вы пишете стихи на своей кушетке. Тысяча дружеских пожеланий.

Уваров упорен и держится попрежнему затворником. Ни он сам, ни г-жа де Сталь, очевидно, не замечали, что разыгрывают в жизни сцену из «Ученых женщин», где Филаминта, которую должна была играть г-жа де Сталь, так же ублажает поэта Триссотена, как г-жа де Сталь—Уварова, который, вдобавок, немножко играл роль из другой мольеровской комедии—«Мнимый больной».

(8)

Ну что же, придете вы сегодня вечером? Разве не в тысячу раз лучше хромать вместе с нами, чем упорно желать оставаться в одиночестве и отказываться от наших визитов? Вы просто сумасшедший. Как мне кажется, вы сочинили красивые стихи, и вы мне их покажете. Но я не могу больше безропотно покоряться вашему затворничеству, а мы все в плохом настроении.

На некоторое время переписка, видимо, прекратилась. Она возобновилась короткой и сдержанной запиской.

(9)

Сообщите мне, в каком положении ваша нога. Я снова начинаю интересоваться вами. Тысяча дружеских приветов.

Дружеская непринужденность в отношениях, однако, скоро восстанавливается.

(10)

Я скажу вам, как Лафонтэн: *J'y allais*. Сегодня утром мне так нужны были ваши стихи или ваша проза, я вам прочту стихи, которые я так люблю. Принимаете ли вы мое предложение на завтра? А как «Кассандра»?

«Кассандра»—известная баллада Ф. Шиллера, написанная в 1802 г. Уваров щеголял перед г-жой де Сталь переводом баллады с немецкого на французский. Г-жа де Сталь отнеслась к переводу Уварова с серьезностью, отличающей настоящего писателя.

(11)

Я перечла вашу «Кассандру», сличая с оригиналом,—и перевод мне по-настоящему понравился. Относительно французского языка у меня нет ни одного замечания, два-три по части перевода. Мне вы для этого нужны на час времени, и я становлюсь строгой, чтобы быть полезной. Репетировать мы будем во вторник, в 7 часов, у вас. Принимайте нас хорошенько. Все прекрасные дамы первые подали эту мысль. Тысяча дружеских пожеланий.

Г-жа де Сталь принимала самое деятельное участие в подготовке спектакля «Ученые женщины».

(12)

Я только-что послала «*L'amour et la raison*» г-же Флоре; поезжайте к ней решить, а после обеда приходите ко мне сообщить результаты. Как это вы хотите репетировать утром, разве в 7 часов вечера гуляют? Я настаиваю на маленькой пьесе, но закончить наш спектакль нотариусом будет очень скучно. Тысяча дружеских пожеланий.

Уваров должен был вместе с графиней Врбна решить, заканчивать ли предстоящий спектакль легкой пьеской «*L'amour et la raison*» или нет. Г-жа де Сталь опасалась, что «Ученые женщины» Мольера слишком утомят публику своим деловым концом—с нотариусом, заключающим брачный контракт, тем более, что роль нотариуса поручена была князю де Линю, отнюдь не славившемуся талантом актера.

Этой запиской замыкается группа записок г-жи де Сталь, вызванных болезнью Уварова и подготовкой мольеровского спектакля. В них много внимания к молодому русскому атташе. В них сквозит какая-то вера в его одаренность. Такое же впечатление оставляет и другая записка г-жи де Сталь, несколько отличная от прочих по своему содержанию.

(13)

Благодарю вас тысячу раз за ваш подарок. Мне хотелось бы, чтобы вы сами ценили его так, как ценю его я, потому что л е г к о м ы с л и е, которое я в вас осуждаю, состоит в том, что вы недостаточно сознаете то, что ваша одаренность стоит дороже ваших успехов и что предаваться изяществу можно только, когда нет данных для славы. Благодарю вас за ваше восхищение и за вашу признательность, но мне хотелось бы, в качестве сестры значительно вас старшей, быть вам полезной в вашей

литературной карьере,—полезной в единственно нужной для этого форме, т. е. внушая вам в течение некоторого времени сознание собственных сил, которые должны развиваться с годами и с увлечением. Приходите сегодня ужинать к князю де Линю или же будьте у меня завтра пораньше после обеда. Я прочту вам ваши стихи, которые вы читаете с излишней скромностью.

Что скрывалось под этой настойчивостью г-жи де Сталь? Ее действительная убежденность в творческой талантливости Уварова или что-то другое?

Попробуем вчитаться в последнюю группу венских записок г-жи де Сталь к Уварову. Ни одна из них также не имеет даты, но для понимания отношений г-жи де Сталь они так важны, что Уваров не удержался и одну из них сам привел в своих поздних воспоминаниях о г-же де Сталь. В этой записке, действительно, находится как бы краткое резюме отношений г-жи де Сталь к Уварову. Другие записки этой группы подводят нас вплотную к этому резюме.

Пять записок г-жи де Сталь к Уварову заставляют особенно внимательно в них вчитаться. Нет возможности их датировать, но все они таковы, что могут относиться только к последнему месяцу, может быть, последним неделям пребывания г-жи де Сталь в Вене. Их содержание уже предполагает несколько месяцев близкого знакомства г-жи де Сталь с Уваровым.

(14)

Приходите после обеда к г-же де Ромбек; мы все вместе отправимся в Касперль⁶⁹. Я хотела бы быть возле вас во время этих четырех часов музыки; мое смутное настроение прекрасно рассеялось бы вашей беседой. Не забудьте об ужине у князя де Линя назавтра. В понедельник приходите обедать ко мне. И побеседуйте со мной поскорее.

Этот разговор с Уваровым г-же де Сталь приходится иной раз почти вынуждать у него. Ей нужно его видеть, говорить с ним, а ему... не нужно.

(15)

Я рассказала вам программу своего дня, и вы захотели дважды заставить меня сожалеть [что вас там не было]. Князь де Линь обедает у меня, это ободряет меня в намерении предложить вам провести день в деревне, т. е. обедать, пить чай и ужинать у г-жи Потоцкой. Кажется, здесь будет обедать Ламбеккари.

Посвятив Уварова в распорядок своего дня, указав, где и когда он может встретиться с нею, чем тот не пожелал воспользоваться, г-жа де Сталь зовет теперь Уварова на целый день к графине Потоцкой за город, где уже ничто не может отвлечь его от разговора с нею.

Как определить то чувство, которое внушило знаменитой женщине эти записки к молодому Уварову? Определение мы можем взять у самой г-жи де Сталь. По поводу посвященных ей стихов Уварова она пишет ему:

(16)

Этот конец прелестен! Согласитесь, что я была права, когда протестовала против него; ведь вы понимаете, что я бранила последние стихи не

МИШЕЛЬ ДЕ МАРОЛЬ
Рисунок Клода Меллана, 1648 г.
Эрмитаж, Ленинград

только с литературной точки зрения. Я буду хвастаться ими в Париже, но знайте, что здесь я более счастлива вашей дружбой, чем горда вашими стихами. Не забудьте, завтра после обеда.

Итак, то чувство, которое питает к Уварову г-жа де Сталь,—это дружба.

Она еще раз употребила это слово в письме, которое было настолько важно для их отношений, что Уваров не мог не привести его в своей статье, посвященной г-же де Сталь.

(17)

Мой милый Уваров, я вас не сужу, вы—избалованный ребенок, но временами гениальный ребенок. Между вами и мной слишком большая разница в возрасте для какого бы то ни было постоянства в дружбе, но интерес мой к вам постоянен. Не забудьте о сегодняшнем ужине. Я прощалась с Поццо, когда получила вашу записку; каждое упущенное слово причиняло мне боль.

Сличая подлинный текст письма с тем, который приведен Уваровым в его воспоминаниях о г-же де Сталь, мы замечаем, что в подлинной записке г-жи де Сталь вовсе нет той значительной фразы, в которой она усиленно побуждает Уварова «смело отдаться своему естественному призванию (*de vous livrer courageusement à votre vocation naturelle*)»—призванию писателя. Откуда взялась эта фраза в воспоминаниях Уварова? Остается предположить, что она является отголоском того, что действительно говорила ему г-жа де Сталь и что другими словами выражено в приведенной выше ее записке (№ 13), где она призывала его на путь славы и литературной карьеры.

Но зато в подлинной записке г-жи де Сталь есть фраза, опущенная Уваровым. Фраза эта упоминает о какой-то записке Уварова, причинившей боль г-же де Сталь. Общий смысл записки—это укор в непостоянстве дружбы, в прерывности дружеских отношений, в изменчивости этих отношений со стороны Уварова. «Счастье дружбой» Уварова (подлинное выражение г-жи де Сталь) было очень неполным и несовершенным счастьем для г-жи де Сталь.

Последняя ее записка к Уварову попросту зовет его проститься перед ее отъездом из Вены.

(18)

Вы должны сегодня в 7 часов быть у меня, как бы вы ни возмущались моим парижским вкусом. Не забудьте, что вкус этот помог мне оценить ваши стихи и ваше прелестное остроумие (*vosre esprit charmant*), и заходите проститься со мной. Я надеюсь, что у меня будут сегодня вечером г-жа Врбна и княгиня Тереза [Яблоновская].

Среда.

Кем же, в конце концов, был Уваров для г-жи де Сталь?

Ее настоятельные желания встреч и бесед с ним, ее заботы о нем, ее восторги перед его дарованиями, ее сетования на его неверность в дружбе так постоянны и упорны, что вызывают невольное подозрение, не слишком ли всего этого много для простого любезного участия, оказываемого знаменитой писательницей способному дилетанту из далекой северной страны?

Готовясь рассказать о том благосклонном внимании, которое выказала к нему г-жа де Сталь, Уваров счел нужным предварить свой рассказ следующим замечанием:

«В молодые годы г-жи де Сталь было несколько эпизодов в ее жизни, наделавших не мало шума. Когда я с ней встретился, она уже достигла того возраста, когда серьезное отношение к жизни берет верх над иллюзиями молодости; к тому же, г-жа де Сталь, пользуясь выражением г-жи Севинье, добивалась серьезного ухаживания».

Замечание это останавливает внимание своим, так сказать, заградительным характером: Уваров словно хочет заранее устранить мысль, что благосклонное внимание, проявленное к нему г-жой де Сталь, могло вызываться не одними его опытами во французском стихосложении, хотя бы и посвященными г-же де Сталь. Уварову мало сказать этим замечанием: «Тот, кого любила г-жа де Сталь в Вене, был не я»,—он счел нужным полуназвать имя того человека, на кого было тогда устремлено внимание г-жи де Сталь.

«Измученная своим положением жертвы, боясь погибнуть в неравной борьбе, она вообразила, что, переименовав имя, укрывшись под щитом доброкачественного иностранного герба, она как-нибудь обезоружит своего неумолимого преследователя и получит возможность под новой формой начать, так сказать, новую жизнь. За время своего пребывания в Вене г-жа де Сталь обратила внимание на графа М. О., умершего несколько лет тому назад в чине фельдмаршала-лейтенанта австрийской службы,—с ним меня связывали общие научные интересы. Коринна считала, что союз с этим лицом мог бы помочь осуществлению ее планов. Однако, этот проект, тщательно сохранявшийся в полнейшей тайне, не осуществился. Напоминанием о нем осталась лишь переписка, в которой, как мне помнится, я тогда еще заметил тот же контраст между правдой и притворством. В тех случаях, когда г-жа де Сталь пыталась поднять свою речь на уровень страсти, ее стиль оставался холодным и замысловатым; когда же она, уступая своей естественной склонности, довольствовалась изложением чувств разумных, ее письма становились премилыми. Отъезд г-жи де Сталь, а также вспыхнувшая в 1809 г. война покончили с этими планами, более фантастическими, чем серьезными. Позднее, в результате романтической случайности, она встретила г. Рокка⁷⁰, за которого и вышла замуж, сохранив свою прежнюю фамилию».

Уваров наполовину засекретил имя того человека, на которого, по его недобрым словам, г-жа де Сталь обратила свое внимание в Вене в 1808 г. Граф М. О.—это граф Мориц О'Доннель (1780—1843). Уваров только ошибается, что г-жа де Сталь обратила на него внимание за время своего пребывания в Вене,—в действительности, г-жа де Сталь встретила с молодым австрийским офицером, графом О'Доннелем, еще в 1805 г. в Венеции, во время своего итальянского путешествия. Эта пятнадцатидневная встреча произвела сильное впечатление на г-жу де Сталь. Она тогда же вступила в переписку с О'Доннелем и в своих письмах мечтала о новой встрече. Встреча состоялась в Вене, и, по собственным ее словам, О'Доннель стал «благородным избранником ее сердца». Записки, писанные г-жою де Сталь в Вене к О'Доннелю, свидетельствуют, что четыре венских месяца были богаты для г-жи де Сталь приливами и отливами нежности, подозрений, жалоб, ревности, гнева, прощения и новых страданий—всем, чем богата поздняя любовь. При всем том, у нее оставалась надежда,

что О'Доннель останется избранником навсегда. Однако, надеждам этим не суждено было осуществиться, и разрыв между О'Доннелем и г-жой де Сталь произошел уже осенью 1808 г. В 1809 г. он женился на внучке князя де Линя.

Весь этот роман г-жи де Сталь стал известен только в 1926 г., когда Жан Мистле обнародовал полностью неизданную переписку г-жи де Сталь с Морицем О'Доннелем. Книга Мистле, однако, не дала бы Уварову ничего нового: те письма г-жи де Сталь к О'Доннелю, которые издал Мистле, Уваров читал еще в 1808 г. Он читал их тогда так внимательно, что через сорок слишком лет дал и общую психологическую оценку содержания писем и литературную их характеристику.

Характеристика Уварова дважды отрицательна: он не верит в искренность чувств, питаемых г-жой де Сталь к О'Доннелю, и то же колебание между правдой и притворством Уваров находит в стиле писем г-жи де Сталь.

Каким образом Уваров мог читать любовные письма г-жи де Сталь к О'Доннелю в то самое время, когда они были живым запечатлением чувств, волновавших этих людей? Ответ может быть только один: Уваров познакомился с этими письмами из рук О'Доннеля.

«С ним меня связывали общие научные интересы»,—скупно говорит Уваров. Одно из двух: или эта связь была гораздо более глубокой и тесной, чем связь по научным интересам, или письма любящей женщины были столь ничтожной вещью в глазах О'Доннеля, что он не считал предосудительным давать их читать светскому приятелю из русского посольства.

Венские письма и записки г-жи де Сталь к Уварову в свете ее переписки с О'Доннелем дают возможность соединить оба предположения в одну уверенность. В глазах г-жи де Сталь Уваров был близким другом любимого ею человека. То, что чувствовала г-жа де Сталь к Уварову—дружба,—было вызвано его дружбой к молодому человеку, которого она любила.

Любовь г-жи де Сталь к О'Доннелю не могла остаться неприметной для общества и не послужила к поднятию ее престижа. Наоборот, это новое увлечение знаменитой сорокадвухлетней женщины светским офицером, который был моложе ее на четырнадцать лет, напомнило ее прежние увлечения, список которых светская молва злобно удлиняла.

Не без основания можно предположить, что, видя в Уварове друга своего любовника, г-жа де Сталь искала в Уварове дружеского отклика, а может быть, иногда и дружеской помощи тому чувству, которое питала к его другу. Ее настоятельные искания встреч и разговоров с Уваровым, на которые так неподатлив был он, не были ли продиктованы желанием через друга любимого человека узнать о нем то, что волновало в данное время г-жу де Сталь? Желая оставаться в обществе, быть принятой во всех гостиных и иметь доступ ко двору, г-жа де Сталь должна была не выводить свои отношения с О'Доннелем из рамок, принятых в обществе. Она знала отлично закон светского общества, выраженный поэтом:

Свет не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

В соблюдении этой необходимой для г-жи де Сталь тайны человек, близкий к О'Доннелю, мог быть ее пособником.

В том, что Уваров был очень близок к О'Доннелю, в этом г-жа де Сталь не ошиблась: это ясно из того, что Уваров читал письма г-жи де Сталь

к О'Доннелю. Но как ошиблась г-жа де Сталь, думая найти в Уварове друга, пособляющего своей дружбой облегчить трудности ее любви!

Мы не знаем ни одного письма Уварова к г-же де Сталь, но одних ее записок к нему достаточно, чтобы заметить упорное уклонение Уварова от ее столь же упорного стремления к дружескому общению.

Вена ни в каких отношениях не оправдала надежд г-жи де Сталь: она не нашла в ней ни свободы для мысли, ни покоя для сердца, и Уваров был одной из неоправданных надежд ее на дружбу.

Много ли счастья и радости дала г-же де Сталь ее любовь к О'Доннелю? Из кипы ее венских писем к нему достаточно выбрать два самых типичных, чтобы получить отрицательный ответ.

«На коленях умоляю вас выслушать меня; завтра мне нужно играть Женеьеву, но вы причиняете мне такие страдания, что я этого не смогу. Я не лягу спать, не повидав вас, я объяснюсь с вами, но, из сострадания, придите поговорить; вы не знаете, какую боль причиняете мне,¹ нет, вы этого не знаете!»²¹.

Другое письмо полно мольбы и отчаяния:

«Вы дали мне честное слово, что я увижу вас сегодня,—у меня лихорадка, и я умоляю вас принять меня в пять часов, если вы не можете сделать мне добро, придя к обеду. Клянусь вам, что вы будете довольны мной, но вы дали мне слово увидеть меня сегодня, и я умоляю вас не отказывать мне. Я не причиню вам ни малейшей неприятности, но мое существование немислимо, если вы не примете меня или не придете обедать. Вчера вы сказали мне: клянусь в этом. Вы ли это, что для вас это слово ничего не значит? В последний раз сдержите его. Я получила письмо, о котором мне необходимо поговорить с вами, Морис; в пять часов или к обеду; слово ответа; нет ни малейших неудобств в том, что я приехала бы к вам: я сделаю это так, что никто об этом не узнает. О, будьте еще добры ко мне на этот раз!».

Стоит вчитаться в эти два горестных письма, чтобы понять, что для О'Доннеля любовь к г-же де Сталь была любовью поневоле, которую он старался заботливо таить от общества, не желая быть смешным в его глазах. Вся правда, сила и глубина чувства была на стороне г-жи де Сталь.

Уже во втором ее письме, написанном к О'Доннелю после ее отъезда из Вены (Прага, 26 мая), звучат ничем не скрываема тревога, ревность и горечь:

«Я беспокоюсь о сплетнях, пущенных, быть может, про меня после моего отъезда; те, кто не любят меня, вероятно, захотели вознаградить себя за приветливую встречу, устроенную мне Веной. Неужели в мое отсутствие вы поверите таким проявлениям злобы? Неужели вы позволите наносить удары там, где я живу,—в вашем сердце?».

В письме из Дрездена (от 30 мая) уже появляется имя Уварова, в связи с венскими сплетнями:

«Вы ничего не пишете мне о сплетнях Уварова на мой счет, это мешает мне интересоваться его лихорадкой».

Вернувшись в родной Коппе, г-жа де Сталь пишет О'Доннелю (6 августа) горькие строки, в которых признается в своей безнадежной мечте вновь начать жизнь в Вене, но жизнь иную, чем та, которую она вела там в начале года, в «призрачном мире тщеславия», окруженная «Уваровым, княгиней Флорой Врбна» и др.

Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ (?)
Портрет маслом В. Боровиковского
Третьяковская галерея, Москва

Большое письмо г-жи де Сталь из Берна от 14 августа 1808 г. обнаруживает ту предательскую роль, которую Уваров играл в последние месяцы пребывания г-жи де Сталь в Вене и с особым успехом после ее отъезда из Вены. С негодующим чувством оскорбленного достоинства г-жа де Сталь пишет О'Доннелю:

«Я извлекаю из вашего письма, которое не могу перечитывать без содрогания (я еще верю, что это должно вызвать у вас жалость), два факта, которые я могу опровергнуть: накануне вашего отъезда я говорила, не будучи на то вызванной, и т. д. Тут у меня может быть очная ставка с Уваровым, и я заставлю его сказать вам, что он недостойно искажил истину; я прошу у вас разрешения написать ему, или же я сделаю это без вашего разрешения и пошлю вам копию моего письма, вы увидите там об этом Уварове кое-что по отношению к вам, что вас удивит. Я могу объяснить себе его поведение относительно меня только раздраженным самолюбием, явившимся результатом разговора с г-жой Ромбек, когда я утверждала, что вы и г. де Ла Тур гораздо умнее его. Вы были больны, и я сказала, что это от ревности; князь де Линь—единственное лицо, знавшее о том, в каком состоянии была я по случаю вашей болезни,—он застал меня в слезах; он скажет вам, что я ему сказала. Если я не поеду в Вену, я напишу ему, если поеду, он поговорит с вами; он лучше вашего оценил, особенно в этот день, мою привязанность к вам. За исключением этих двух лиц, князя де Линя и г. Уварова, никто никогда не упоминал мне о браке, по крайней мере, я этого не помню, а если кто и упомянул бы, то, бог мне свидетель, я ответила бы с уважением к вам, равным скромности в отношении к самой себе. В последний раз повторяю вам: в жизни у вас не будет друга, который любил бы вас, ценил и был бы вам так предан, как я. А теперь позвольте мне, в свою очередь, судить о вас, поскольку, по крайней мере, это касается наших взаимоотношений: у меня нашлись для вас, говорите вы, только выражения нежности да несколько красноречивых писем. Не говоря уж об этом вашем пренебрежении к красноречивым письмам, которые всё же стоят дороже фальшивого коварства офранцузенного русского, я спрашиваю вас: неужели оставаться каждый вечер с таким любезным, как вы, человеком, бывать у него ежедневно, когда он был болен, существовать только для него в течение пяти месяцев, собираться вернуться в Вену при первом намеке на возможность войны,—разве всё это так ничтожно, как доказательства чувства?».

Тот, кого г-жа де Сталь считала своим другом и с кем была откровенна, как с другом любимого человека, несколько не верил подлинности ее чувства к О'Доннелю и ее внимание к этому человеку приписывал одному житейскому расчету. В отсутствие г-жи де Сталь Уваров постарался сделать всё, чтобы внушить О'Доннелю свою точку зрения и опорочить ее любовь. Г-жа де Сталь заканчивает свое письмо к О'Доннелю следующими словами:

«У меня явилось одно подозрение—ведь вы учите меня подозрительности. Вы пишете, что посылаете мне одну из моих записок; этой записки в вашем письме не оказалось, а адрес написан рукою уваровского переписчика. Я сильно опасаясь, что такой человек может жестоко вам навредить; вы его не знаете, и он, быть может, уже причиняет вам зло, отнимая у вас мою дружбу; она представляла некоторую ценность, и, что бы вы ни говорили, время покажет вам, что я за человек и подобало ли

вам судить меня на основании сплетен молодого татарского фата. Я увижу вас когда-нибудь для того, чтобы получить из ваших рук, и только из ваших рук, мои письма».

Великим достоинством своего ответа г-жа де Сталь смывает с себя комок грязи, брошенный рукою Уварова. В письме от 13 сентября из Коппе г-жа де Сталь величаво указывает О'Доннелю, что никто не смеет упрекнуть ее в измене друзьям.

«Я могла бы наугад указать вам любого из врагов моих во Франции, хорошо меня знающего,—он сказал бы вам, что я была всегда другом своих друзей, рискуя жизнью, а, повторяю вам, быть любимым так, как я вас любила, два раза в жизни не случается. Уварову я писать не буду, из этого могли бы получиться неприятности, которых я не могла бы устранить; мое молчание и его совесть покажут ему, что я о нем думаю».

В биографию Уварова рукою Пушкина, А. Тургенева, Герцена, Белинского занесено много тяжелых и справедливых обвинений. В приведенных отрывках г-жа де Сталь заносит туда тем более тяжкие обвинения, чем искреннее и полнее было,—как о том свидетельствует сам Уваров,—участие, проявленное к нему знаменитой писательницей.

V. Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ В РОССИИ В 1812 г.

В самом конце 1807 г., когда г-жа де Сталь только-что водворилась в Вене, Наполеон проезжал через Савойю в Париж. В Шамбери к нему проник семнадцатилетний Огюст Сталь, с твердым намерением исходатайствовать у императора разрешение для своей матери вернуться в Париж.

Разговор Наполеона с сыном г-жи де Сталь записан Бурьенном в его известных «Записках о Наполеоне» («Mémoires sur Napoléon»). Разговор этот получил широкую европейскую огласку. Даже в начале 30-х годов разговор Наполеона с сыном преследуемой им писательницы сохранил такую занимательность, что Н. А. Полевой напечатал его в своем «Московском Телеграфе»⁷².

Внимание к этому разговору не случайно: нигде и никогда Наполеон не высказывался с такой ясностью о г-же де Сталь и о причинах, заставивших его обречь ее на изгнание.

«Она умна, очень умна, может быть, слишком умна,—говорил Наполеон сыну г-жи де Сталь про его мать,—но ум ее не знает ни обузданности, ни повиновения. Она воспитана в хаосе революции и государства разрушающегося. Она составила себе из этого какую-то смесь. Всё это может сделаться опасным: пламенная голова ее может породить последователей. Она меня не любит. Я не должен позволить ей возвратиться в Париж».

Вряд ли поняла г-жа де Сталь, сколько суровой непреклонности было в этих словах. Предупреждающая угроза была заключена в ироническом ответе Наполеона ее сыну: «Куда как она жалка!.. За исключением Парижа, целая Европа служит ей тюрьмой». Если бы г-жа де Сталь верно поняла и это восклицание, и весь разговор Наполеона с ее сыном, она поняла бы, что все попытки поколебать решение Наполеона обречены на неудачу.

А этими попытками заполнено целое четырехлетие (1808—1812) ее жизни. Она посылает сына Огюста в Париж с письмом к Талейрану (1809). Наполеон отвечает отказом и собственноручной иронической

критикой на «Жоринну», помещенной в «Moniteur». Г-жа де Сталь прибегла тогда к другому дипломату—Меттерниху, к которому благоволил тогда французский император. Наполеон отвечал ему: «Не желаю, чтобы она была в Париже. Будь Сталь роялистка или республиканка, я бы ничего не имел против. Но это двигательная машина, которая пускает в ход салоны. Такая женщина опасна только во Франции, и я не хочу, чтобы она была там».

В 1810 г. г-жа де Сталь вместо письма решила действовать книгой: проникнув в глухое местечко под Парижем, она организовала печатание своей книги «О Германии». Наполеон отвечал сожжением 10 тыс. экземпляров этой книги и приказанием автору в 24 часа покинуть Францию.

Тогда г-жа де Сталь решила вновь прибегнуть к письму,—на этот раз письмо было обращено к самому Наполеону: «...Восемь лет несчастий изменяют всякий характер: судьба научает страдальцев самоотречению... Опала вашего величества поселяет в Европе такое недоброжелательство к подпавшим ей, что я не могу сделать шагу, не испытывая его последствий, невыносимых для гордой души...». Наполеон отвечал преследованием целого ряда друзей г-жи де Сталь. Он окружил Коппе удвоенной цепью шпионов.

Уже в начале 1812 г. г-же де Сталь стало ясно, что ее не оставят в ее Коппе «подавать благородный пример ее веку». Ей отказали в выдаче паспорта в Рим и, тем более, в Америку. «Я проводила жизнь,—говорит г-жа де Сталь,—в изучении карты Европы, чтобы бежать, как Наполеон изучал ее, чтобы овладеть материком; и целью моего похода, так же, как и его, всегда была Россия»⁷³.

23 мая 1812 г. г-жа де Сталь решилась, наконец, бежать. Ее путь лежал через Вену. Там, в знакомом ей русском посольстве, она надеялась получить паспорт в Россию. «Я благополучно прибыла в Вену 6 июня, за два часа до того, как русский посланник граф Штакельберг отправлял курьера в Вильну, где находился тогда император Александр. Г-н Штакельберг, обошедшийся со мною благородно и внимательно, ... послал с этим курьером просьбу о выдаче мне паспорта и уверил меня, что через три недели я смогу получить ответ»⁷⁴.

Г-жа де Сталь не могла остаться ждать паспорта даже на такой короткий срок: венская полиция следила за ней, и ей мог угрожать арест. Она тронулась в Россию. Паспорт она получила уже в пути. Она с ужасом вспоминала впоследствии свое бегство через Галицию, среди «немцев, шпионов и крестьян-русинов, лобызующих ноги у встречных господ». Она впервые вздохнула свободно, лишь переступив русскую границу в Бродах 14 июля (н. ст.) 1812 г., ровно через двадцать дней после того, как Наполеон со своими войсками перешел через Неман, двигаясь на Москву.

Россия была для г-жи де Сталь окольной дорогой, по которой, минуя все наполеоновские заставы, можно было проехать в Швецию, в Стокгольм, к ее старому приятелю Бернадоту, который из маршалов Наполеона превратился в наследного принца шведского и мог дать ей в Стокгольме надежный приют. Путь г-жи де Сталь лежал из Киева на Петербург, через Украину и Белоруссию, но этот путь во многих направлениях был уже пересечен войсками, двигавшимися навстречу Наполеону, и г-же де Сталь пришлось делать крюк на Москву, чтобы оттуда добраться до Петербурга. На этот крюк ушло два месяца, и, не будь этого, г-жа де Сталь

не встретила бы с Россией. Этой встрече посвящена вторая половина книги г-жи де Сталь «Десять лет изгнания»,—эту вторую часть, по справедливости, можно было назвать: «De la Russie». Сорель прав, когда говорит: «Картон с изображением России достоин, во всяком случае, того, чтобы его поместили наряду с громадным холстом, на котором нарисована Германия»⁷⁵.

Что знали во Франции, что знала г-жа де Сталь о России? «Несколько неприглядных анекдотов из прежних царствований, несколько русских, наделавших долгов на парижской мостовой, одно-другое красное словцо Дидро внушили французам убеждение, будто Россия состоит лишь из развращенного двора, из офицеров и камергеров и из рабского народа. Это большая ошибка» («Ann. d'ex.», 296).

ВИД КРЕМЛЯ ОТ КАМЕННОГО МОСТА

Акварель Максима Воробьева, 1819 г.

Исторический музей, Москва

Эту ошибку не одних французов, но всех иностранцев г-жа де Сталь опровергает каждой строкой своей книги. С каждой верстой, удалявшей ее от Европы и внедрявшей вглубь России, расширяется ее кругозор, и глубже и сочувственней становится ее взор, устремленный в лицо великого народа. Г-жа де Сталь пишет путевые записки путешественницы по далекой и чужой стране. Но они превращаются в нелицемерные показания свидетельницы великого народного подвига—борьбы русского народа с Наполеоном. Г-жа де Сталь сначала с недоумением, потом с изумлением, наконец, с восторгом убеждается в том, что перед ней народ—борец за свою независимость, подобного которому она еще не знала.

Г-жа де Сталь несколько не обольщена и не обманута была тем, что увидела в России. Ни декорации пышного великолепия императорского Петербурга, ни роскошь барской Москвы не обманули ее, как многих иностранцев, за придворно-дворянскими фейерверками просмотревших Россию русского народа. Г-жа де Сталь ее увидела.

Пустынные равнины, деревянная деревенская Русь поражают путешественницу. Но эта внешняя скудость и неоглядная пустынность России не приводят г-жу де Сталь, как других иностранцев-путешественников, к тупику, в который, как им кажется, природа и история навсегда загнали судьбы России и ее народа.

Г-жа де Сталь пережила в России весь начальный период войны с Наполеоном, необычайно трудный для России: вторжение великой армии, ее безостановочное проникновение вглубь России, взятие Смоленска, упорное продвижение Наполеона к Москве. События эти привели в ужас г-жу де Сталь: она опасалась сделаться свидетельницей нового и уже окончательного торжества Наполеона. Военные неудачи России тем более страшили ее, что она не закрывала глаз на общее состояние государства, на недостатки его внутреннего строя.

«Неудачи следовали за неудачами, а публику не извещали об этом. Один остроумец сказал, что в Петербурге всё тайна и ничто не секрет. Действительно, в конце концов, истина раскрывается... Один иностранец сказал мне, что Смоленск взят и Москва в крайней опасности. Мною овладело отчаяние. Я подумала, что вновь повторяется плачевная история Австрии и Пруссии, вынужденных заключить мир вследствие завоевания их столиц. В третий раз начиналась та же игра, и она могла опять быть выиграна» («Ann. d'ex.», 355).

Этот успех Наполеона мог, по мнению г-жи де Сталь, основываться на вопиющих недостатках правительственного механизма царской России: «Я знала, что внутреннее управление как в военных, так и в судебных делах часто попадало в самые продажные руки и что, при хищничестве низшего чиновничества, нельзя было составить себе верного понятия ни о числе войск, ни о средствах их пропитания. Ведь ложь и воровство неразлучны, и в стране, где цивилизация такого еще недавнего происхождения, посредствующий класс не имеет ни простоты крестьян, ни величия бояр, и нет еще общественного мнения, которое сдерживало бы этот третий класс, который возник еще так недавно и, утратив простонародную наивность веры, не приобрел чувства чести» («Ann. d'ex.», 356).

Все эти общественные пороки и государственные настроения, как опасалась г-жа де Сталь, предвещали России в борьбе с Наполеоном участь Австрии и Пруссии. Но г-же де Сталь пришлось вскоре же признать ошибочность сделанного ею печального предвещения: «Я не замечала народного духа, внешняя переменчивость впечатлений у русских мешала мне наблюдать его. Отчаяние оледенило все умы; а я не знала, что у этих крайне впечатлительных людей это отчаяние—предтеча страшного пробуждения. Точно так же в простом народе видишь непостижимую лень до той минуты, когда пробуждается его энергия: тогда она не знает преград, ничего не страшится; она, кажется, побеждает стихии так же, как и людей» («Ann. d'ex.», 355).

Борьба с Наполеоном показала г-же де Сталь истинное лицо русского народа в его подлинном величии, в необъятной мощи его нравственных и физических сил. Г-жа де Сталь полна изумления и восторга перед мужеством народа, ведшего Отечественную войну: «Невозможно было достаточно надивиться той силе сопротивления и решимости на пожертвования, которые выказывал народ» («Ann. d'ex.», 300).

Как же могла г-жа де Сталь встретиться с той правдой о русском народе, которую она добыла во время двухмесячного пребывания в России?

Песни ямщиков; звуки русской речи (слова были непонятны); деревенский хоровод, мимо которого мчалась ее повозка; пляска девушек, которую она видела где-то по дороге в Москву; недолгие заходы в крестьянские избы, при перепряжке лошадей; несколько случаев дорожного гостеприимства, оказанного ей крестьянами; несколько народных песен в исполнении крепостного хора у Нарышкиных; несколько случайных встреч с солдатами и ратниками, направлявшимися на фронт,— вот то, в чем могли выразиться встречи г-жи де Сталь с народной Россией, но из этого скудного материала—материала, к тому же, безыменного, так как по-русски г-жа де Сталь не понимала, она вынесла сочувственное понимание нравственных и умственных сил русского народа и глубокую убежденность в его великом историческом достоинстве.

Меньше всего г-жа де Сталь хочет идеализировать русский народ. Наоборот, она постоянно отмечает—часто верно, чаще неверно—черты рабства и азиатства в русском народном характере, она старается обнаружить следствия культурной темноты в русской жизни и быте.

Г-жа де Сталь проезжала по России во время войны, и ее поразили черты суровой мужественности в русском народе. Она с восторгом пишет о том, с каким непоколебимым спокойствием и достоинством «русские солдаты переносят лишения и невзгоды климата или войны», о том, как «народ во всех классах презирает препятствия и физические страдания». «В этой нации есть как терпение, так и жизненное рвение, как веселость, так и грусть. Тут соединяются самые поразительные крайности».

Г-жа де Сталь вспоминает Петра I и Суворова и видит в них воплощение основных черт русского народного характера, каким она его узнала в эту годину исторического испытания. Мужественность не есть грубость, непреклонность не есть варварство. Г-жа де Сталь с решительностью восстает на тех, кто видит в русском народе варвара, грозящего европейской цивилизации: «Я не видела ничего варварского в этом народе (*je n'ai rien vu de barbare dans ce peuple*), напротив, в нем много какого-то изящества и мягкости».

С глубоким и радостным изумлением Колумба, открывшего новый материк, г-жа де Сталь говорит о России и ее народе: «То, что характеризует этот народ,—нечто гигантское во всех отношениях: он ни в чем не признает обыкновенных размеров» (*Ann. d'ex.*, 293).

Ища литературных подобий великому историческому явлению, называемому Россией и ее народом, г-жа де Сталь пишет: «Один очень умный человек сказал о России, что она похожа на пьесы Шекспира, в которых величественно (*sublime*) всё, что не составляет явной ошибки, и всё, что не величественно,—ошибка. Ничего не может быть вернее этого замечания» (*Ann. d'ex.*, 300).

Если Россия в 1812 г. была, по мнению г-жи де Сталь, похожа на многосложную шекспировскую историческую хронику, то все черты величия, свойственные такой хронике, были на стороне народа, поднявшегося на защиту родной страны. Но, кроме народной России, существовала еще Россия помещиков и вельмож, и ее роль в исторической хронике рисуется г-же де Сталь далеко не столь величественной.

Знакомство г-жи де Сталь с дворянской Россией началось очень давно. Русские путешественники, приехав в Париж, считали за честь попасть в гостиную г-жи Неккер, чтобы разом увидеть там всех парижских знаменитостей пера, кисти, лиры и маски. В Вене г-жа де Сталь была окружена

русскими из высшего петербургского общества—это всё были ярко-колеритные представители разных исторических горизонтов правящей дворянской России. В Россию г-жа де Сталь ехала не без знакомства с тем, что ее ожидало в этом высшем обществе Москвы и Петербурга.

Имя г-жи де Сталь было широко известно в дворянских гостиных 1812 г. Как писательницу, ее хорошо знали в России уже давно. Еще в 1795 г. появилась в переводе Н. М. Карамзина новелла г-жи де Сталь «Мелина» и выдержала три издания. Далее последовали «Мирза» (1801), «Две повести» (1804) и знаменитые романы «Дельфина» (1804) и «Коринна» (1809).

В русском дворянском кругу, уездном, губернском и столичном, г-жа де Сталь нашла многих своих читателей. Как перед въездом ее в Вену, так перед прибытием ее в Москву и Петербург ей предшествовала двоякая слава—прославленность писательницы и слава открытого давнего врага Наполеона.

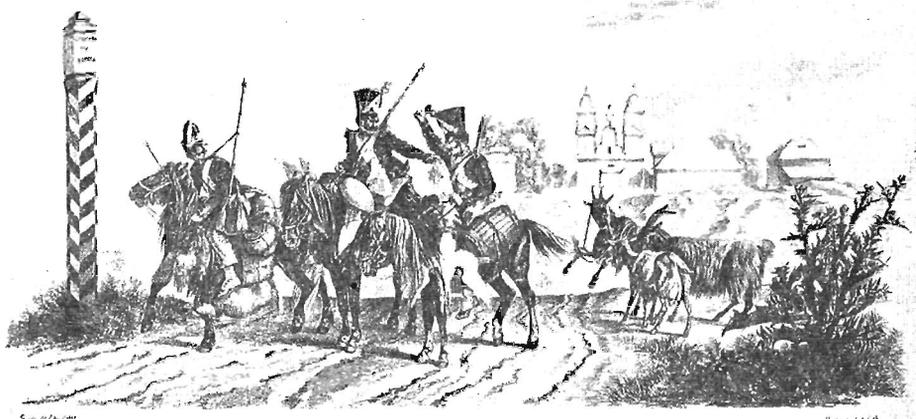
Перед г-жой де Сталь распахивались все двери в России, до двери Александра I включительно, ее встречали с почетом, подобающим союзнику, и с любопытством, вызываемым знаменитой женщиной. Был и еще оттенок в той встрече, которую оказало г-же де Сталь в России высшее общество,—оно все-таки помнило, что она была дочерью Неккера—человека, который расчистил путь революции. Все эти оттенки сказались в первых же больших встречах г-жи де Сталь в Киеве и, особенно, в Москве.

В Киеве г-жу де Сталь принял киевский военный губернатор М. А. Милорадович, очаровал ее своим приемом и, по ее словам, внушил ей гораздо большую уверенность в военных успехах России, нежели она думала прежде.

В Москве г-жу де Сталь встретил знаменитый Ростопчин. Вот как сама г-жа де Сталь отзывается об этой встрече: «Известный граф Ростопчин, имя которого постоянно повторялось в бюллетенях императора, приехал ко мне и пригласил меня к себе на обед. Он был министром иностранных дел при Павле I. Его разговор оригинален, и легко можно было заметить, что его характер выразится со всею резкостью, если того потребуют обстоятельства» («Ann. d'ex.», 311).

Отзыв г-жи де Сталь о ростопчинском приеме и обеде сух и сдержан. Князь П. А. Вяземский писал к Галифу (5 августа ст. ст.): «Г-жа де Сталь уехала из Москвы после очень короткого пребывания... Карамзин и его жена обедали с нею у Ростопчина»⁷⁶. Г-жа де Сталь ни словом не обмолвилась о встрече со своим переводчиком, знаменитым историографом.

Сам Ростопчин так рассказывает о встрече с г-жой де Сталь: «Посреди занятий, которые мне не оставляли и минуты покоя, моя злая судьба привела в Москву г-жу де Сталь. Надо было бывать у ней, приглашать ее обедать, успокаивать сколько возможно. Она приехала из Швейцарии и через Россию проезжала в Швецию к наследному принцу (Бернадоту), ее искреннему другу (как она уверяла). Она пробыла целую неделю в Москве по случаю нездоровья ее сына; с нею были: ее корректор Шлегель и г. Роккà, которого она называла бароном Лефорттом и так мне его представила, вероятно, полагая придать ему более важности. Г-н Роккà, высокий, изнуренный, задыхающийся, сделался болен от слишком большого употребления напитка, известного под названием кислых щей, которые ему очень понравились. В своих заботах о больных Сталь волновалась смертельным страхом, чтобы Наполеон, занятый исключительно ее преследованием и раздраженный тем, что она ушла, не послал особого

Французский разъезд на московской дороге

ФРАНЦУЗСКИЙ РАЗЪЕЗД НА МОСКОВСКОЙ ДОРОГЕ
Литография с зарисовки Фабера дю Форэ (участника наполеоновского похода) 11 июля 1812 г.,
в 750 верстах от Москвы

Исторический музей, Москва

отряда кавалерии, чтобы поймать ее в Москве. Для того, чтобы убедить меня в справедливости своих опасений, она постоянно прибавляла: «Вы не знаете, что это за человек, он способен на всё». В то время как она опасалась быть похищенной по распоряжению Наполеона, он был еще в 800 верстах от Москвы; потому я не принял никаких мер, чтобы воспрепятствовать этому похищению»⁷⁷.

Запись Ростопчина носит явно издевательский характер. Известная кличка, которую Ростопчин наградил г-жу де Сталь, выражает его настоящее мнение о ней: «une pie conspiratrice» — сорока-заговорщица.

Ростопчин был не одинок в своем отрицательном отношении к г-же де Сталь. Каково было мнение о ней в дворянских консервативных кругах, явствует из письма одной из самых ярких представительниц «грибоедовской Москвы», известной М. А. Волковой к В. И. Ланской (12 августа 1812 г.):

«Г-жа де Сталь неделю пробыла в Москве, бывала в знакомых мне домах, и я не имела ни малейшего желанья видеть ее и ничуть не искала встретиться с нею. Что же она сделала такого прекрасного, чтобы возбуждать восторг? Сочинения ее безбожны и безнравственны или безалаберны (extravagantes); последние, по-моему, лучше — по крайней мере, они никого не совратят с истинного пути. Свет погиб именно потому, что люди думали и чувствовали так, как эта женщина»⁷⁸.

Александр I Ростопчин писал (26 июля ст. ст.) со вздохом облегчения: «Поиграв умом и показав свои прекрасные руки, г-жа де Сталь уехала из Москвы. Ее сопровождают поэт Шлегель и молодой Лефорт, который служил во французской армии; его лицо красиво, но с дурным выражением».

Вот какие впечатления о дворянской Москве увозила с собой г-жа де Сталь:

«...Здесь отражается разнообразие нравов и народов, составляющих Россию. В этом огромном городе соединяются Азия с Европой. Здесь больше свободы, чем в Петербурге, где, по необходимости, сказывается сильное влияние двора. Большие бары, поселившиеся в Москве, не ищут мест, они доказывают свой патриотизм, делая огромные пожертвования государству на разные общественные учреждения в мирное время и на военные надобности во время войны. Громадные состояния больших бар тратятся на соби́рание различных коллекций, на предприятия, на всевозможные затеи и празднества, образцы которых—«Тысяча и одна ночь»; но очень быстро эти состояния растрачиваются из-за необузданных страстей их обладателей» («Ann. d'ex.», 302).

В Москве начало складываться у г-жи де Сталь и другое ее наблюдение, окончательно окрепшее в Петербурге. Преимущества и влияние знати возбуждают у среднего класса желание быть дворянами, и отсюда происходит страстное желание буржуазии сделать своих сыновей офицерами, так как офицерский чин дает дворянство. «Отсюда происходит то, что всякое воспитание кончается в 15 лет: возможно скорее бросаются на военное поприще и пренебрегают всем остальным». Общий вывод г-жи де Сталь о России правящих классов печален. «Конечно, теперь не время осуждать такой порядок вещей, породивший столь прекрасное сопротивление врагу; но в более мирную пору можно бы сказать, по справедливости, что в гражданском отношении внутреннее управление в России страдает большими недостатками. В народе есть энергия и величие; но всё еще недостает порядка и просвещения как в правительстве, так и у частных лиц» («Ann. d'ex.», 338).

В разговорах с русскими г-жа де Сталь старалась обходить все внутренние вопросы и если не говорила о литературе, то вела речь о войне и о героическом сопротивлении, оказываемом русскими Наполеону⁷⁹.

Выражая свое впечатление от русских дворянских кругов, г-жа де Сталь, несмотря на всё желание быть благосклонной, должна признать: «Их общество не представляет собою, как у нас, собрания мужчин и женщин, которые сходятся вместе для разговора. У них собираются, как на праздник, чтобы повидать много народу, поесть плодов и редких продуктов Азии и Европы, послушать музыку, поиграть в карты, наконец, чтобы получить живые впечатления, но скорее от внешних предметов, чем от ума и души: применение ума и сердца они предназначают для своих поступков, а не для общества. Так как, затем, они очень мало образованны, то серьезные разговоры для них не представляют интереса, и они сами не ощущают никакого желания блеснуть в разговоре умом» («Ann. d'ex.», 298).

В Петербурге г-жа де Сталь пробыла около трех недель. Перед тем, как быть принятой Александром I, она широко воспользовалась гостеприимством общества, близкого ко двору и правительству. Нарышкины и Орловы давали в честь нее великолепные празднества на Островах. Она познакомилась со всем европейским, что было в александровском Петербурге.

Чем больше знакомилась г-жа де Сталь с Россией, тем яснее становилось для нее, что блеск по-европейски отделанного фасада здания крепостного государства Александра I не соответствует шаткому строению всего здания.

В Петербурге г-же де Сталь показывали привилегированные учебные заведения—женские институты. Она похвалила их внешнее устройство, но сделала вывод, неожиданный для тех, кто ее туда возил,—что «все эти заведения, несомненно, полезны; их можно упрекнуть только в излишней роскоши. По крайней мере, следовало бы основать в различных местах империи не столь роскошные школы, но заведения, которые давали бы народу первоначальные знания. В России всё начиналось с роскоши: крыша, так сказать, строится раньше фундамента» («Ann. d'ex.», 361).

В России еще нет настоящего просвещения, нет еще и литературы, достойной великого народа,—таково заключение г-жи де Сталь.

«В Москве я видела самых просвещенных людей на поприще науки и литературы; но там, как и Петербурге, почти все профессорские места заняты немцами. В России большой недостаток в сведущих людях на любом поприще: молодежь идет в университет, по большей части, лишь с тем, чтобы скорее вступить на военную службу. В России гражданская служба дает чины, которые соответствуют чинам в армии. Дух нации весь направлен на войну; во всем остальном—в управлении, в политической экономии, в народном просвещении и пр.—другие народы Европы куда стоят выше. Впрочем, русские делают опыты в литературе: приятность и звучность их языка бросаются в глаза даже тем, кто не понимает его; он, вероятно, очень пригоден для музыки и поэзии. Но русские впадают в ошибку многих других народов материка: они подражают французской литературе, которая даже по своим красотам подобает только французам... Но, прежде всего, нужно, чтобы их [русских] писатели черпали поэзию из глубины своей души. До сих пор их сочинения, так сказать, лишь слетали с языка; а такого пылкого народа не тронешь такими жидкими созвучиями» («Ann. d'ex.», 313—315).

Последнее суждение г-жи де Сталь замечательно: указывая на слабость и подражательность русской литературы, она подчеркивает, что не считает ее литературою народа, а только литературою дворянства. Народу принадлежит язык—великолепный, могучий, звучный. Но литература еще не достойна этого языка. Посмотрев в театре трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской», имевшую в то время огромный успех, г-жа де Сталь замечает: «Эта пьеса сделана совершенно по правилам французского драматического искусства: ритмы стихов, декламация, распределение сцен—совсем французские» («Ann. d'ex.», 363). Подражательность французским образцам вовсе не радует г-жу де Сталь: она верит в то, что великому народу подобает и великая национальная литература. Пока же в России литературы нет. «Некоторые из русских дворян пытались блистать в литературе и выказали талант на этом поприще, но просвещение недостаточно распространено, чтобы из суждения отдельных лиц сложилось общественное мнение»⁸⁰. Г-же де Сталь известны имена Карамзина, Озерова, Жуковского и Батюшкова (с первым и последним г-жа де Сталь даже познакомилась лично)⁸¹, но они еще не составляют литературы. Именно оттого, что русская литература—дело всего нескольких человек из дворянской среды, у нее нет влияния в России. Таков вывод г-жи де Сталь.

Как ни значителен был у г-жи де Сталь интерес к русскому народному быту, языку, литературе, основным ее интересом во время ее пребывания в России был политический интерес дня—борьба с Наполеоном. В том внимании, с которым она вглядывалась в нравственные и физические черты русского народа и присматривалась к дворянским кругам, заключалось

ее пытливое, тревожное сомнение: может ли Россия выйти победительницей из борьбы с Наполеоном? Ближайший ответ на этот вопрос зависел от того или иного состояния государственных и военных сил России. Вот почему в Петербурге г-жу де Сталь государственные и военные деятели интересовали больше, чем литераторы.

Здесь многое казалось г-же де Сталь странным. Она не могла нахвалиться приемом, который оказал ей канцлер граф Н. П. Румянцев, но ей хорошо было известно, что этот руководитель внешней русской политики был еще недавно ярким сторонником мира и союза с Наполеоном,—и в то время как министр иностранных дел России осыпал ее любезностями, г-жа де Сталь с сожалением подумала о том, «что он в свое время настолько придерживался наполеоновской системы, что ему следовало бы удалиться, когда эта система была отвергнута, как это сделали бы английские министры» («Ann. d'ex.», 326).

Среди петербургских политических и военных знакомств г-жи де Сталь до сих пор оставалось неизвестным ее знакомство с генералом Сухтеленем и его сыном.

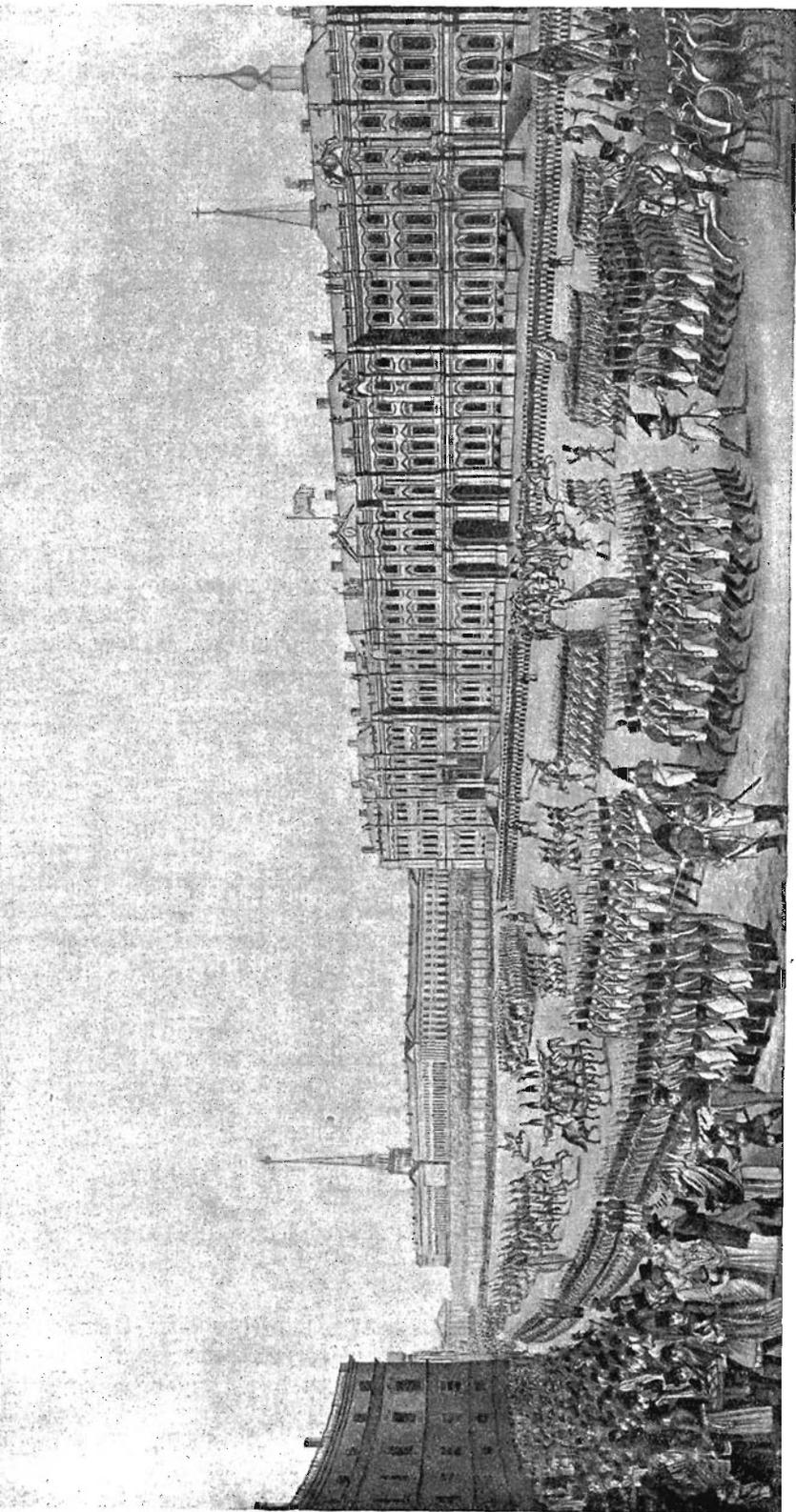
Граф Петр Корнилович Сухтелен (1751—1836), голландец по происхождению, перешел в 1783 г., при Екатерине II, на русскую службу инженер-подполковником. Строитель крепостей, каналов, портов, Сухтелен был в России видным военным инженером своего времени. В последней шведской войне, закончившейся присоединением Финляндии, Сухтелен проявил себя не только замечательным боевым генералом, но и отличным дипломатом. После выгоднейшего мира со Швецией, в заключении которого Сухтелен принимал участие, он был отправлен чрезвычайным посланником в Стокгольм. В июле-августе 1812 г. Сухтелен находился в Петербурге: он пользовался расположением Бернадота, и Александр I хотел окончательно увериться, в какой степени мог он рассчитывать на Швецию в борьбе с Наполеоном.

Для г-жи де Сталь знакомство с Сухтеленем имело исключительный интерес. Русский генерал с европейским военным и общим образованием, он, как никто, мог ввести ее в настоящее положение военных дел и в перспективы борьбы с Наполеоном; он тоже, как никто, мог познакомить ее со страной и людьми, среди которых она решила обосноваться.

Иной интерес представлял для г-жи де Сталь Сухтелен-сын, Павел Петрович (1788—1833). Этому флигель-адъютанту Александра I было в это время всего 24 года, но он уже успел участвовать в четырех войнах, из которых две были с Наполеоном. В молодом Сухтелене г-жа де Сталь нашла романтического героя борьбы с Наполеоном, которому он лично был известен, и от него она могла узнать самые свежие политические новости; Сухтелен-сын только-что вернулся в Петербург из Лондона, куда ездил с дипломатическим поручением. У кого-то из знакомых он был представлен г-же де Сталь, стал бывать у нее, и она поспешила сделать нужные шаги к знакомству со всей семьей. В архиве П. К. Сухтелена сохранилось несколько записок г-жи де Сталь к Сухтеленам. Приводим их полностью; все они не датированы⁸².

1. К СУХТЕЛЕНУ-СЫНУ

Мне необходимо поехать к г. Нарышкину⁸³, за 14 верст, и это заставляет меня просить вас договориться с М-Не Сухтелен о каком-нибудь дне на следующей неделе, за исключением понедельника. Мне очень хочется по-

ПАРАД НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1812 г.

Гравюра неизвестного художника

Исторический музей, Москва

знакомиться с ней, и я чрезвычайно жалею о том, что сегодняшнее утро у меня несвободно. Не расстраивайтесь, пожалуйста, по поводу этой отсрочки знакомства моего с лицом, у которого столько прав на мое внимание. Наскоро тысячу приветов.

Пятница.

2. К М-ше СУХТЕЛЕН

Если М-ше де Сухтелен окажет мне любезность принять меня послезавтра, во вторник, в 4 часа, я буду иметь честь просить ее представить меня ее брату, генералу. Прошу М-ше де Сухтелен принять выражение моего уважения.

Неккер де Сталь Гольштейн

Воскресенье.

3. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Имею честь послать генералу Сухтелену письма, которые мне поручили для передачи ему. С нетерпением ожидаю чести повидать его.

Н[еккер] де Сталь

4. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Я не могу примириться с тем, что никогда не вижу вас у себя, генерал; сделайте мне одолжение прийти обедать ко мне в среду, в самой маленькой компании. Я хочу похитить вас одного у вашего общества, раз я так часто вижу ваше общество без вас. Тысячу приветов.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]

Суббота.

На обороте: Его п-ву генералу Сухтелену

5. К СУХТЕЛЕНУ-СЫНУ

Хотите поужинать у меня сегодня с г. Мэзонфором? Я не осмелилась предложить вашему отцу приехать сегодня вечером, — нет ничего нового, но я надеюсь, что вы удовольствуетесь и обыденным, в которое входят и моя привязанность к вашему отцу, и мое расположение к вам.

На обороте: Г-ну Сухтелену

6. К СУХТЕЛЕНУ-СЫНУ

Разрешите мне поручить вам передать графу Орлову⁸⁴ это письмо и выражение моей благодарности; это последнее будет ему передано более подробно г. Абазой [?]. Вы не жалеете о нас, но мы жалуем о вас и присоединяемся к вашему отцу, в его пожеланиях вам в с я ч е с к и х успехов.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]

7. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Лакей г. Салтыкова, мне им рекомендованный, просит вашего покровительства, генерал. Г-н Салтыков хорошо о нем отзывается, и я посылаю его к вашему превосходительству. Тысячу и тысячу приветов.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]

На обороте: Г-ну генералу Сухтелену

До воскресенья, прошу вас не отвечать.

8. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Я вижу, генерал, что судьба меня преследует. Последний обед при дворе состоится сегодня. Я прошу разрешить мне завтра и послезавтра обедать у вас, чтобы вознаградить себя за двойную потерю. Не отказывайте мне. Так как с двором покончено, за отъездом его героя, ничто больше не помешает вашей ко мне благосклонности. Тысячу приветов.

Н[еккер] де Сталь Г[ольстейн]

Суббота.

На обороте: Его п-ву генералу Сухтелену

9. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Ведь вы не забудете, дорогой генерал, что я рассчитываю на вас сегодня вечером в 8 часов? Я не люблю проводить день, не увидав вас.

На обороте: Генералу Сухтелену

10. К СУХТЕЛЕНУ-ОТЦУ

Дорогой генерал, завтра я обедаю у г-жи Мирне [Mirner?] с наследным принцем (Prince Royal). Я надеялась, что кастаньеты и болеро будут у вас в субботу. Мы поговорим об этом сегодня вечером, но вы придете в в ы с о к и х с а п о г а х, иначе я и говорить не буду,—в 8 часов, и ответ только устный. Тысячу приветов, если только вы пожелаете их принять.

Четверг.

На обороте: Генералу Сухтелену

Все приведенные записки г-жи де Сталь к Сухтеленам—отцу и сыну (характерно, что М-He Сухтелен после первого знакомства не вызывает у г-жи де Сталь никакого интереса) свидетельствуют о том, что г-же де Сталь удалось установить довольно близкие отношения с П. К. Сухтеленном еще в Петербурге. Следует, однако, отметить, что последние две записки к нему, по всей вероятности, относятся ко времени пребывания г-жи де Сталь в Стокгольме, куда Сухтелен возвратился после свидания Александра I с Бернадотом в Або (27—30 августа 1812 г. н. ст.), результатом которого было вступление Швеции в борьбу с Наполеоном.

В будущее России, борющейся с Наполеоном, г-жа де Сталь старается проникнуть из общения с двумя людьми, чьи имена были тогда на устах у всей Европы,—из общения с Кутузовым и Александром I.

Г-жа де Сталь застала Кутузова в Петербурге, при самом отъезде его в армию, в тот момент, когда Кутузов брал на себя величайшую ответственность перед народом.

Г-жа де Сталь посвятила Кутузову взволнованную страницу своей книги:

«Он принял командование за пятнадцать дней до вступления французов в Москву и не мог прибыть к армии раньше, как за шесть дней до великой битвы, которую он дал у ворот этого города, в Бородине. Я видела старца перед его отъездом. То был старец с самым привлекательным обращением и с живостью в лице, несмотря на то, что он потерял глаз от одного из бесчисленных ранений, полученных им за полвека его военной службы. Глядя на него, я боялась, что у него нехватит сил бороться с суровыми

и сильными людьми, которые наводнили Россию со всех концов Европы... Я была растрогана, покидая славного фельдмаршала Кутузова. Я не могла дать себе отчета, кого я обнимала: победителя или мученика, но, во всяком случае, я видела в нем личность, понимающую всё величие возложенного на него дела... Перед отъездом генерал Кутузов отправился помолиться в Казанский собор, и весь народ, следуя за ним, кричал ему, чтобы он спас Россию» («Ann. d'ex.», 368—370).

В 1831 г. Пушкин отразил чувства, которые волновали русский народ перед отъездом Кутузова в армию, в своем знаменитом обращении к нему:

Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!»—ты встал—и спас.

Размышляя над судьбами русского народа, г-жа де Сталь приходила к выводу: «До сих пор в России гениальные люди встречались лишь на военном поприще». Кутузов был, в ее глазах, одним из них.

Исключительное внимание г-жи де Сталь к личности Кутузова не укрылось от мемуаристов той эпохи. В «Записках о 1812 году» С. Н. Глинки читаем: г-жа де Сталь «явилась к Кутузову, преклонила перед ним чело и возгласила своим торжественным голосом: «Приветствую ту почтенную главу, от которой зависят судьбы Европы (*Je viens saluer la tête respectable dont dépendent les destinées de l'Europe*)». Полководец наш, ловкий и на поле битвы, и в обращении светском, не запинаясь ответил: «Сударыня! Вы дарите меня венцом моего бессмертия!». Некоторые это иначе высказывают, но тут дело не в словах, а в том, что дочь того Неккера, который в 1789 г. почитался решителем судьбы Франции, как будто свыше вызвана была на берега Невы вестницей о новом жребии и Франции и Европы»⁸⁵. Другой мемуарист, А. П. Бутнев, передает следующий рассказ о встрече г-жи де Сталь с Кутузовым: «Наш старый воин встретился с ней в одном светском салоне, и так как он всегда отличался изысканной вежливостью к дамам, то и к г-же де Сталь он отнесся с особенным вниманием и любезностью. Когда во время разговора с нею зашла речь о предстоящем отъезде его для принятия начальства над нашими армиями и он стал жаловаться на слабость зрения и на свои преклонные лета, г-жа де Сталь с живостью сказала ему:—Но я, по крайней мере, надеюсь, генерал, что вы еще будете иметь случай произнести слова, приписываемые в одной трагедии Митридату: „Мои последние взоры упали на бегущих римлян“»⁸⁶.

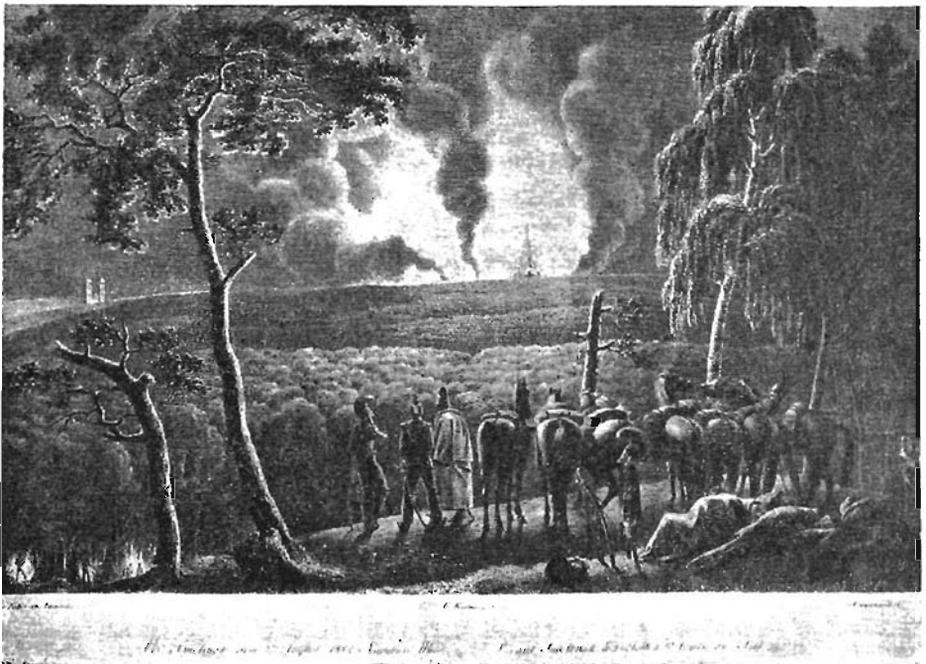
Как известно, предсказание г-жи де Сталь сбылось: умирая, Кутузов мог повторить эти слова Митридата, заменив «бегущих римлян» великой армией, бегущей из России.

В этих рассказах о встречах г-жи де Сталь с Кутузовым русские мемуаристы уловили повышенный тон, с каким она всегда говорила о знаменитом полководце. С особой силой и этот тон, и глубокий интерес г-жи де Сталь к Кутузову сказываются в ее письмах к его жене, княгине Екатерине Ильиничне, писанных из Стокгольма. Г-жа де Сталь признавала Кутузова единственным русским полководцем, способным возглавить оборону великой страны и стать военным вождем своего народа.

Кем же был в оценке г-жи де Сталь тот, кто, повинувшись народному избранию, против собственного желания, вверил Кутузову судьбу России? Кем был Александр I?

Г-же де Сталь была нужна персональная антитеза Наполеону. В Кутузове, народном вожде, защищающем народ, она жаждала увидеть военную антитезу Бонапарту, покоряющему народы. В Александре I она желала видеть гражданскую антитезу Наполеону. Г-жа де Сталь отлично знала «дней Александровых прекрасное начало». Либеральные мысли воспитанника Лагарпа, попытки прогрессивных реформ, конституционные мечтания и проекты—всё это было той атмосферой, сквозь которую г-жа де Сталь еще издали видела фигуру Александра I. Еще несколько усилий с его стороны—и он станет тем конституционным монархом, которого, по мнению г-жи де Сталь, так не хватало Европе. Г-жа де Сталь верит, что Наполеон в Тильзите и Эрфурте пытался обучить русского императора искусству самовластия и тайной науке деспотизма, но потерпел полную неудачу: ученик республиканца Лагарпа отказался внимать этим макиавеллиевым урокам тирании. В 1812 г., после свидания с Александром, г-жа де Сталь была в восторге от того, что политическая и гражданская антитеза Наполеону найдена: был найден, как ей казалось, монарх-либерал, монарх—освободитель Европы.

«Я была очень тронута благородною простотой, с которой он [Александр] с первых же слов, обращенных ко мне, коснулся великих интересов Европы. Я всегда считала признаком посредственности опасение рассуждать о серьезных предметах, которое сумели внушить большинству европейских государей; они страшатся произнести слово, которое имело бы действительный смысл. Император Александр, напротив того, разговаривал со мною так, как это сделали бы государственные люди Англии, полагающие свою силу в себе самих, а не в преградах, которыми можно

ПОД СМОЛЕНСКОМ

Литография с зарисовки Фабера дю Форэ. 17 августа 1812 г.

Исторический музей, Москва

окружить себя. Император Александр, которого Наполеон старался представить в превратном виде,—удивительно умный и образованный человек... Он не скрыл от меня того, что он испытал чувство увлечения Наполеоном во время своих сношений с ним... Император Александр с большой проницательностью обрисовал впечатление, произведенное на него беседами Бонапарта... Он рассказывал мне об уроках в духе Макиавелли, которые Наполеон считал удобным преподавать ему... Убедившись в чистосердечии императора Александра в его отношениях к Наполеону, я в то же время уверилась, что он не последует примеру несчастных государей Германии и не подпишет мирного договора с тем, кто настолько же является врагом народов, как и врагом королей. Благородная душа не может быть дважды обманута одним и тем же человеком... Император с восторгом говорил мне о своем народе и о том, чем он способен сделаться в будущем. Он высказал мне желание, о котором всем известно, улучшить положение крестьян, еще находящихся в рабстве. «Государь,—сказала я ему,—ваш характер является конституцией для вашей империи, а ваша совесть служит ее гарантией». «Если бы это и было так,—ответил он,—я был бы не чем иным, как только счастливой случайностью». Чудные слова, первые, как мне кажется, в таком роде, произнесенные когда-либо самодержавным государем! Сколько нужно нравственных достоинств, чтобы судить о деспотизме, будучи деспотом, и для того, чтобы никогда не злоупотреблять неограниченной властью, когда народ, находящийся под этим правлением, почти удивляется столь большой умеренности!» («Ann. d'ex.», 334—337).

Александр I мог бы похвалиться своим разговором с г-жой де Сталь (он произошел 5 августа 1812 г.), как блестящим образцом политического интервью. «Un vrai charmeur» (сущий прельститель), по выражению Сперанского, он оправдал эту свою репутацию, беседуя со знаменитой писательницей.

После разговора с Александром I г-жа де Сталь становится его апологетом в европейском масштабе. Либерализм и конституционализм императора Александра I, вопреки исторической очевидности, для нее навсегда остались вне всяких сомнений.

В 1812 г., уезжая из Петербурга, г-жа де Сталь ехала оттуда с уверенностью, что в России есть народ, решившийся умереть, но изгнать Наполеона из своей страны, и есть два человека, исполняющих эту народную волю,—Кутузов и Александр I.

Еще 13, 16 и 20 августа (ст. ст.) в «Санктпетербургских Ведомостях» появились извещения о предстоящем отъезде «баронессы Стаель фон Голстейн, живущей в трактире Европа». Однако, г-же де Сталь пришлось писать петербургскому полицеймейстеру графу В. Ф. Васильеву—и по неприятному для нее поводу: без его помощи она не могла выехать из Петербурга.

Мне приходится постоянно обращаться к вам. На почтовой станции отказались дать мне лошадей на завтра, к двенадцати часам дня. Я прошу вас уделить этому делу частичку вашего авторитетного влияния и оказать мне большую любезность. Разве я не увижу вас еще раз до моего отъезда?

Неккер де Сталь Г[ольстейн]

Воскресенье.

На обороте: Графу Васильеву⁸⁷

7 сентября (н. ст.) г-жа де Сталь выехала в Швецию. Два дня спустя императрица Елизавета Алексеевна, очаровавшая г-жу де Сталь при приеме во дворце, писала своей матери, маркграфине Баденской:

«Несколько дней тому назад отсюда уехала г-жа де Сталь, пребывавшая здесь три недели. Присущая ей фантазия нашла себе достаточно пищи за это время, она намерена написать свои впечатления о России, вероятно, о том моменте, когда она ее видела, так как было бы трудно научным образом писать о стране, где пробыла так недолго. Зиму она проведет в Швеции»⁸⁸.

VI. РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ В 1813—1817 гг.

Г-жа де Сталь могла быть спокойна за свою жизнь в Стокгольме. Этот город—столица невоюющей державы—был на перепутье между Петербургом и Лондоном—столицами двух держав, воюющих с Наполеоном. В Стокгольме г-жа де Сталь опять почувствовала себя в Европе, но в Европе, не подвластной Наполеону. Здесь она могла писать и говорить без той опаски, к которой приневоливала себя сама в России и к которой еще более приневоливал ее Август Шлегель; он останавливал ее слишком либеральные реплики в доме Нарышкина опасливым шопотом: «Тише! Тише! В России есть уши за каждую дверь и занавеской».

В Стокгольме г-жа де Сталь нашла опять Петербург на территории русского посольства, в лице советника посольства Д. Н. Блудова (1785—1864). Замещая посла Сухтелена, Блудов должен был «добывать и посылать в Петербург все сведения о том, что делалось тогда в Европе и, особенно, на театре войны в Испании»⁸⁹. Сверх того, Блудов, друг Жуковского, давний читатель-поклонник г-жи де Сталь, был интересным литературным собеседником. В своих воспоминаниях дочь Блудова пишет: «Для нее [г-жи де Сталь] знакомство с моим отцом было настоящей находкой, и она скоро сблизилась с ним до дружеских отношений»⁹⁰.

Из Стокгольма г-жа де Сталь со страстной внимательностью следила за событиями великой народной эпопеи, развертывавшейся в России. Памятником этого исключительного внимания являются ее письма к княгине Е. И. Голенищевой-Кутузовой. Они все посвящены ее мужу-полководцу. Княгиня Кутузова для г-жи де Сталь—лучший из всех возможных корреспондентов в данную эпоху: г-жа де Сталь жадно ловит из ее писем каждое известие, доносящееся от народного вождя, борющегося с величайшим полководцем мира⁹¹.

В ответ на письмо княгини Кутузовой с известиями о Бородинской битве, г-жа де Сталь восклицает (письмо 28 сентября н. с. 1812 г.): «Что за битва, какая сила духа нужна для подобного сражения! Как много крови, но ради какой высокой цели! Как вы должны были волноваться, как прекрасен ваш удел: видеть в самом близком себе человеке того, на кого взирает весь мир. Наследный принц шведский имеет пред собой карту Бородинского сражения и без конца с энтузиазмом говорит о нем. Передайте это, княгиня, вашему знаменитому супругу... Я надеюсь снова увидеть вас, если ваша фамилия соединится с фамилией лорда Веллингтона для освобождения Европы». Под этим соединением фамилии Кутузова с фамилией Веллингтона кроется страстное желание г-жи де Сталь увидеть соединение против Наполеона двух армий—русской и английской. В следующем письме из Стокгольма (5 декабря н. с.) г-жа де

Сталь пишет Е. И. Кутузовой: «Князь, ваш супруг, сыграл роль Фабия против этого африканца: он решился выждать и преуспел». Г-жа де Сталь рукоплещет Кутузову в роли Фабия Максима, прозванного *Cunctator*, но г-же де Сталь этого мало: «Ведь Наполеон такой человек, что может восстановить свои силы, как только вернется в покорную ему страну. Он соберет армию в Германии и приложит все усилия, чтобы загладить позор, впервые в жизни им испытанный. Постарайтесь возбудить все силы духовные вашего мужа в момент, когда успех мог бы ускользнуть от него. Я уверена, что в этом отношении ему будет оказано отсюда содействие и что ему будет принадлежать честь изменить судьбу мира». В письме от 15 февраля 1813 г. г-жа де Сталь вновь пишет: «Ваш славный супруг больше повлиял на судьбы мира, чем кто-либо иной со времени Карла Пятого. Придайте ему бодрости настойчиво продолжать свое дело. Передышка даст только Наполеону возможность возобновить свои усилия против человечества». В письме от 3 мая 1813 г. г-жа де Сталь повторяет то же самое с еще большим упорством: «Путь, который ему [Кутузову] еще придется проделать теперь, пожалуй, труднее его начала. Но необходимо докончить начатое дело, потому что оно само собою распадется, если не будет доведено до конца. Генерал Бонапарт, конечно, только и мечтает отомстить за успех генерала Кутузова».

Это упорное понуждение Кутузова перенести войну с Наполеоном из России в Европу и завершить ее скорейшим разгромом Наполеона где-нибудь в Германии составляет основное содержание писем г-жи де Сталь к Е. И. Кутузовой. Старый фельдмаршал был решительным противником перенесения войны за пределы России после освобождения ее от вражеского нашествия. Кутузов считал, что этим цель народной войны—оборонительной войны—достигнута. Александр I держался противоположного мнения. Кутузову, против своего убеждения, пришлось вести русские войска в европейский поход. Однако, и перейдя за границу России, Кутузов, не желая бросать народные силы на восстановление Пруссии, действовал с крайней осторожностью и медлительностью.

Вся эта стратегия и тактика знаменитого полководца, основанные на строгом соблюдении интересов родного народа, явно противоречили политическим надеждам г-жи де Сталь. Вот почему г-жа де Сталь пользуется своей перепиской с княгиней Кутузовой, как рупором, через который ее голос донесется до самого фельдмаршала: первоначально она убеждает его перенести войну за пределы России, а когда это, волею Александра I, осуществлено, она напрягает все свое красноречие на то, чтобы Кутузов перестал быть «медлителем» и, ради своей славы, окончательно разгромил Бонапарта.

Смерть Кутузова в Бунцлау обрывает переписку г-жи де Сталь с княгиней Кутузовой. Вот ее последнее письмо:

Стокгольм, 20 мая 1813 г.

Вас постигло большое несчастье, княгиня, а также и всю Европу. Но если что-нибудь способно смягчить жестокую утрату, то это изумительный блеск носимого вами имени; фельдмаршал Кутузов спас Россию, и ничто не сможет в будущем сравниться со славой последнего года его жизни. Однако, сердце мое сжимается от горя не видеть больше этого столь же доброго, как и великого человека, и я от всей души присоединяюсь к испытываемому вами страданию. Будьте добры написать мне хотя бы одно

слово на имя вашего посла в Лондоне, графа Ливена. Через два дня я уезжаю. В Англии со мной без конца будут говорить о вашем славном супруге, и я буду горда тем, что была свидетельницей того, как он отправился на свой высокий подвиг.

Пожалуйста, не забывайте меня и верьте моей вечной привязанности к вам и тому живому интересу, который во мне присоединяется к восхищению перед вашим именем. О, если бы Европа могла быть освобождена наследием славы, оставленной фельдмаршалом Кутузовым! Позвольте мне

В Т О Р О Е П Р И Б А В Л Е Н И Е

КЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ № 65.

Вторникъ Августа 1320 1812 года.

XI. О т ъ ѣ з ж а ю щ и е .

Томасъ Приссий, иностранный купецъ; жиа. по Мюльб въ Демутоловъ трактиръ подъ № 45. 1.
 Пьеръ Теннушъ, иностранный купецъ; жиа. въ Адмир. части въ 2 кварт. въ домъ подъ № 89. 1.
 Вансавета Парландъ, съ двумя: Вансаветою и Жюномъ Францесомъ и горничною Софиею Умийнъ; жиа. на В. О. въ 11я ямай, въ домъ подъ № 91. 1.
 * Бронесса Спасся фонъ Голсмейнъ; жиа. въ трактирѣ Европа.
 Карлъ Браунъ, Американской Каргадоръ; жиа. въ трактирѣ Европа подъ № 83. 1.
 Николай Дедонне, Аббатъ; жиа. на Невскомъ проспектѣ въ Боровомъ домъ, подъ № 80. 1.
 Вицентъ Маршини, шефротель Его Императорского Высочества, Графа Салтыкова; жиа. въ большой Морской въ домъ подъ № 135. 1.
 Г. С. Гейманъ, иностранный купецъ; жиа. въ трактирѣ Лондонъ подъ № 24. 2.
 Фридрихъ Базеръ и Иоганнесъ Векеръ, Швейцарские купцы; жиа. 3 Адмир. части въ 1 кварталъ въ домъ подъ № 42. 2.
 Георгъ Пастиче, чудотного дѣла подмастерье; жиа. въ маломъ Коломнѣ, 4 Адмир. части въ 2 кварталъ, въ домъ подъ № 143. 2.
 Гаврило Кадетовъ, Гапчинской мѣшанинъ; жиа. на В. О. въ 3 линии въ домъ подъ № 292. 2.
 Людвигъ Голдеръ, служившій; жиа. по Англии. набережной въ домъ Оландера, подъ № 255. 2.
 М. И. Гершцъ, Шведской подданный; жиа. по Англии. набережной въ домъ Оландера подъ № 255. 2.
 Фридрихъ Кноопъ, Французской подданный; жиа. въ Галерной улицѣ въ домъ подъ № 205. 2.
 Екатерина Елизавета Марія Френъ, Рижская купеческая жена, съ малолѣтними сыновъ Георгомъ-Федерикомъ 2.

Фр. Шампертъ, Германской уроженецъ; жиа. въ шлои Морской въ домъ Клейна, подъ № 104. 2.
 Елизабетъ Гольмъ, Шведской подданный; жиа. Елизабетъ Жолушкина жиа. въ домъ подъ № 108. 3.
 Пётръ Эрштъ, Шведской подданный; жиа. баннъ Жолушкина жиа. въ домъ подъ № 102. 3.
 Викмануэль Верангъ, Шведской подданный; жиа. у Спасскаго моста въ домъ подъ № 120. 3.
 Доуенивъ Барпе, Американецъ; жиа. въ Галерной улицѣ въ домъ г. Германа подъ № 222. 3.
 Иоганъ Фердинандъ Герцманъ, иностранный купецъ; жиа. 1й Адмир. части въ 1 кварталъ въ домъ подъ № 68. 3.
 Федоръ Аляя, купецъ изъ Лозанны; жиа. въ Демутоловъ трактирѣ. 3.
 Иоганъ Якобъ Шнейферъ, изъ Швейцарии; жиа. 2й Адмир. части во 2 кварталъ въ домъ подъ № 54. 3.
 Робертъ Клаера, иностранецъ; жиа. 1й Адмир. части въ 4 кварталъ въ домъ подъ № 206. 3.
 Христиано Ритцмиллеръ и Гейдрихъ Шлафъ, иностранные купцы; жиа. въ трактирѣ Европа, подъ № 21. 3.
 Фридрихъ Зиммелъ, иностранный купецъ; жиа. въ Демутоловъ трактирѣ подъ № 52. 3.

XII. Вексельной и денежной курсъ.

Августа 290 вексельной курсъ состоятъ:

На Лондонъ 231 до 24 пенсовъ.
 — Амстердамъ 14 шиллинговъ.
 — Гамбургъ 143, 151 шиллинговъ. банк. } на ассигновки
 — Парижъ 162 сентимовъ.

Денежной курсъ:
 Червонцы Голландские 9 р. 25 к. нов. 9 р. ст. слор.
 За рублемъ со 205 процентъ.
 Облигации погашенія долговъ по 12 процентъ. при-
 бытъ Банковыми ассигновками.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВЪ „САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЕДОМОСТЯХЪ“ ОТЪ 13 АВГУСТА 1812 Г. ОБЪ ОТЪѢЗДЕ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА (ЭТО ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТМЕЧЕНО НАМИ ЗНАКОМЪ*)

пролить слезы вместе с вами и спросить еще раз, как вы перенесли это горестное испытание. Примите выражение моего уважения.

Н[еккер] де Сталь Г[ольстейн]

После смерти князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского переписка с его женой перестала быть интересной для г-жи де Сталь: под видом писем к княгине она писала, в сущности, к знаменитому полководцу.

Сколько русских имен, больших и малых, политических и литературных, произносит сама г-жа де Сталь во время своего пребывания в России... Но одного имени доселе не встретилось среди этих русских имен—имени Уварова. В своих «Десяти годах изгнания» г-жа де Сталь вовсе не

упоминает о нем. Молчит и сам Уваров о встрече с г-жой де Сталь в России.

В 1812 г., во время пребывания г-жи де Сталь в Петербурге, Уваров занимал пост попечителя Петербургского учебного округа, и мудрено было ему, если он был в Петербурге в августе, не встретиться со знаменитой писательницей. Но, как мы знаем, Уваров имел все основания уклониться от встречи с г-жой де Сталь, и он с ней ни в Москве, ни в Петербурге не встретился.

Первое упоминание о г-же де Сталь в связи с Уваровым, в эту годину, находим в неизданном письме немецкого министра-эмигранта барона Штейна в письме к С. С. Уварову, написанному 28 марта 1813 г. в Калише, где в то время находилась главная квартира русской армии. «Фабр сообщил мне выдержку из письма г-жи де Сталь, содержащую отрывок из разговора с шведским наследным принцем, который я должен сообщить императору. Я не знаю, какой интерес представляют для этого монарха такие брошенные на ветер рассуждения. Мне кажется, что он должен больше знать о том, что будет с Германией и Польшей, чем может сообщить ему принц. В общем, я хотел бы, чтобы г-жа де Сталь ограничивалась литературой, но не вмешивалась бы в политику; во всяком случае, меня совершенно не интересует быть замешанным в ее политику»⁹².

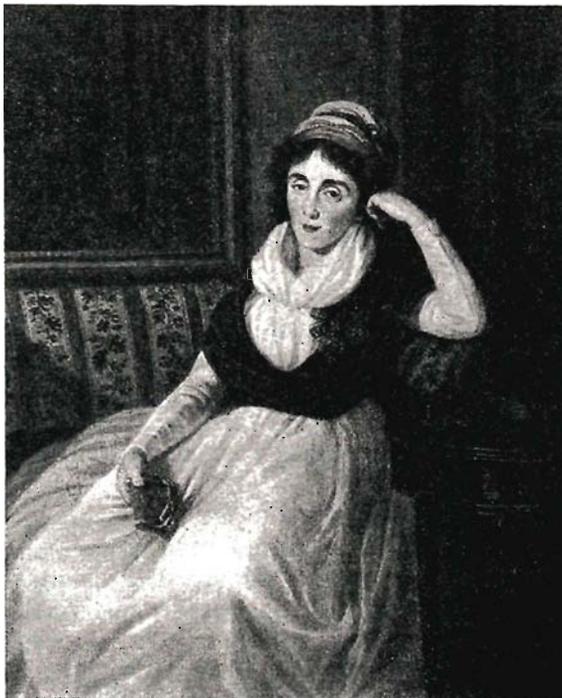
Осторожный политик Штейн встречался с г-жой де Сталь в Петербурге у Нарышкиных, где она читала главу об энтузиазме из запрещенной Наполеоном книги «О Германии». Глава и чтение г-жи де Сталь понравились Штейну, но вольность ее речей показалась ему неуместной и опасной настолько, что он писал в одном письме (17 августа 1812 г.): «Небрежная манера и крайняя непринужденность в обхождении объясняют бесчисленные неосторожности ее разговора, извинительные, однако, при ее положении в центре такой столицы, как Париж, среди народа испорченного и обуреваемого всеми низменными страстями»⁹³.

Понятно, что взятая на себя г-жой де Сталь роль посредницы между шведским наследным принцем и императором Александром казалась Штейну ролью, отнюдь не подходящей к амплуа г-жи де Сталь.

Живя в Стокгольме и часто встречаясь с Блудовым, г-жа де Сталь общалась с человеком, близким к Уварову, который сам писал про себя в третьем лице: «Он был дружен с Карамзиным, Жуковским, Дашковым и Блудовым; принимал личное участие в трудах этих замечательных людей»⁹⁴.

Возможно, что именно под влиянием Д. Н. Блудова г-жа де Сталь решила возобновить сношения с Уваровым и первая обратилась к нему с письмом. Из содержания письма видно, что написанию его предшествовало знакомство г-жи де Сталь с какою-то политической статьей или запиской Уварова, написанной на весьма острую тему: о новом конкордате, заключенном Наполеоном с папой Пием VII. Заняв Рим в 1809 г., Наполеон увез папу во Францию, и папа «гостил» у императора в Гренобле, в Савоне, а с 1812 г.—в Фонтенбло. В 1810 г., когда у Наполеона от Марии-Луизы родился сын, он «подарил» младенцу Рим и облек новорожденного титулом «Римского короля». 19 января 1813 г., ища примирения с католиками, недовольными пленением папы и отнятием у него Рима, Наполеон посетил Пия VII в Фонтенбло и долго с ним беседовал. По Европе разнеслись слухи, что папа согласился уступить свои права на Рим «королю Римскому», в обмен на новый, более благоприятный для като-

Е. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА
 Портрет маслом Людвиг Гуттенбруна

лической церкви конкордат с императором. Слухи эти были неосновательны: конкордат 1813 г. повторил почти целиком конкордат 1802 г. Статья Уварова в печати неизвестна. Г-жа де Сталь могла познакомиться с нею только из рук Блудова.

Г-жа де Сталь писала Уварову в мае 1813 г.:

Стокгольм, 2 мая [1813 г.]

Я была немного сердита на вас,—ведь версты в России стоят вам так мало, что я ожидала вашего визита в Москве. Впрочем, ваш талант примиряет меня с вами, и я очень рада, что именно русский обладает этим талантом; так как вы приобрели своим оружием такую славу, то я вам желаю и всех прочих успехов. Вы получили доказательство того, о чем вы напечатали, т. е. того, что папа никогда не подписывал того, что ему приписывается. Он короновал бы императрицу и короля Римского, если бы нам сказали правду.—Вы превосходно выразили мысль о том, как трудно решиться умереть в переживаемую нами эпоху, но ведь затруднение это касается людей, занимающихся политикой, для военных же смерть вообще ничего не стоит. Вы пишете по-французски, как прирожденный француз. Не думаете ли вы приехать в Англию? В Европе это совершенно особый мир. Позвольте мне послать вам свою книгу. Введение, по крайней мере, может вас заинтересовать. Мне кажется, что я не сказала ничего такого, что неверно передавало бы положительные черты характера наследного принца. Через восемь дней он должен быть в Стральзунде, и он уже покинул Стокгольм, который с момента его отъезда стал похож на какое-то привидение.

Мне бы хотелось поговорить с вами о России, очень поразившей меня при моем поспешном проезде через нее. Ни то, что говорилось о ней, ни то, в особенности, что писалось, не давало о ней никакого представления.

Прощайте, прощайте! Сообщите мне сведения о предполагаемых вами путешествиях; из того, что касается вас, это интересует меня больше всего.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]⁹⁵

При письме г-жа де Сталь посылала С. С. Уварову свою книгу «Essai sur le suicide», написанную еще в 1811 г., и особенно рекомендовала предисловие, посвященное Бернадоту. В Бернадоте, утверждала г-жа де Сталь, произошло слияние «республиканского рыцарства с королевским»; она объявляла бывшего маршала Наполеона и будущего шведского короля «умозрительной душой, которой не чужд ни один философский предмет». Ответил ли Уваров г-же де Сталь на письмо от 2 мая из Стокгольма, неизвестно. У нас снова нет никаких следов их сношений вплоть до 1815 г.

В мае 1813 г. г-жа де Сталь покинула Стокгольм, направляясь в Лондон, куда давно мечтала переселиться, как в центр европейской антинаполеоновской коалиции.

На английском пакетботе она встретила молодого русского дипломата Аполлинария Петровича Бутенева (1787—1866), направлявшегося в Лондон дипломатическим курьером, и завязала с ним знакомство.

Его воспоминания о встрече с г-жой де Сталь в пути и в Лондоне малоизвестны в России и во Франции, а между тем, они дают не мало любопытных черт для изображения г-жи де Сталь в «лондонскую эпоху» 1813—1814 гг. и для ее отношения к России и русским⁹⁶.

«Мои опасения насчет того, что я буду чувствовать себя стесненным в обществе автора «Коринны», мало-помалу рассеялись, благодаря ее приветливости, отсутствию в ней всякого жеманства (только ее изысканный туалет был неподходящ ни к ее летам, ни ко всей обстановке на борте корабля) и, наконец, ее ненапрянутой вежливости с таким иностранцем, как я. Скоро я стал вовсе не стесняться ее присутствием и мог только восхищаться ее прекрасным языком и ее красноречием, которое казалось вдохновением свыше, когда она отдавалась увлечению... Зная, что я русский, она, как кажется, считала долгом вежливости обращаться ко мне и распространяться о прекрасном приеме, оказанном ей в Петербурге, о благосклонности и величии характера императора Александра, о блестящем образовании столичного высшего общества, бросавшемся в глаза даже при общей озабоченности, ввиду столь грозного неприятельского нашествия».

По приезде в Лондон Бутенев встречался с г-жой де Сталь «в доме посла графа Ливена, который принимал ее с особенной любезностью, благодаря рекомендациям из Петербурга». Бутенев бывал и у самой г-жи де Сталь и вывел такое заключение о ней:

«Имея случай видеть г-жу де Сталь и в обществе, и в среде ее семейства, я пришел к убеждению, что, кроме блестящего ума, способности очаровывать общество своим разговором и своего замечательного литературного таланта, она обладала также благородными душевными качествами и сердечной теплотой в семейных и дружеских привязанностях».

Вряд ли эту характеристику г-жи де Сталь разделяли русский посол, граф Христофор Андреевич Ливен (1777—1838), и его жена Дарья Христофоровна (1784—1857), родная сестра будущего шефа жандармов, А. Х. Бенкендорфа. Ее салон был центром лондонского дипломатического мира, и она влияла на этот мир в самом консервативном духе. Наполеон

в глазах посла был революционным выскочкой, а г-жа де Сталь, дочь Неккера, в глазах его жены была не лучше, — одним словом, повторилась старая венская история.

В русском посольстве, тем не менее, встречали г-жу де Сталь с почетом. Бутенев описывает большой обед, данный в честь г-жи де Сталь русским послом на даче в Ричмонде, близ Лондона, в июле 1813 г. На обеде присутствовали все английские министры: глава кабинета лорд Ливерпуль, министр иностранных дел лорд Кэстльри, лорд Пальмерстон, лорд Бэтгёрст и др.

«За обедом я заметил, что хотя г-жа Сталь и была польщена в своем самолюбии тем, что в честь ее собралось такое избранное общество, однако, она не находила случая выказать свой ум и свое блестящее умение вести разговор, стесняясь важностью и серьезностью окружавших ее собеседников. Она попыталась вознаградить себя за это после обеда и старалась привлечь к круглому столу, за которым она сидела в гостиной, толпу слушателей для того, чтобы очаровать их своим увлекательным красноречием. Однако, это удалось ей лишь отчасти. Г-же де Сталь пришлось довольствоваться разговором с княгиней Ливен и несколькими другими дамами, которые были в числе приглашенных, но она должна была отказаться от удовольствия блеснуть своим умом или, может быть, даже вступить в спор по поводу какого-нибудь политического вопроса в присутствии всего английского министерства».

Г-жа де Сталь переживала в Лондоне трудные месяцы. Она попрежнему пламенно желала падения Наполеона, но чем яснее становилось, что война с Наполеоном с равнин России и Германии будет перенесена на поля Франции, тем сильнее пробуждалось в г-же де Сталь патриотическое чувство. Она приходила в отчаяние при мысли, что Францию зальет волна чужеземцев, для которых она не более, как неприятельская страна, с которой, по законам войны, позволено делать то же, что с любой вражеской. При мысли о военном разрушении ценностей французской культуры г-жа де Сталь приходила в пламенное негодование. Это негодование г-жа де Сталь не умела сдерживать. Немецкий поэт-эмигрант Э. Арндт, встретившийся с г-жой де Сталь в Петербурге, рассказывает о случае, которому он вместе с бароном Штейном был свидетелем:

«Следующий случай с г-жой де Сталь дал почувствовать нам, столь часто слишком равнодушным, как живо французы любят свою родину и всё родное и как часто у них слишком много того, чего у нас слишком мало. Французские актеры в Петербурге давали «Федру». Рокка (муж г-жи де Сталь) и ее сын пошли в театр, мы же и прочие приглашенные к знаменитой женщине сидели еще за столом. Вдруг они оба вернулись несколько взволнованные и рассказали, что с самого начала представления в театре поднялись такой шум и гам, такая брань на французов и французский театр, что представление должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было последнее представление французской труппы в это лето в Петербурге, и народная ненависть и гнев выразились столь резко и жестоко, что в начале следующей зимы актеры должны были оставить Петербург. А г-жа де Сталь? Она забыла о времени и месте, она помнила лишь себя и свой народ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула: «Варвары! Не хотят видеть расинову „Федру“!»⁹⁷.

Так было в 1812 г., когда можно было думать, что поражение Наполеона будет только освобождением Франции. В начале 1814 г. было уже ясно,

что поражение Наполеона не может не быть поражением Франции, отдающим ее судьбу в руки победителей.

Когда после смерти Кутузова встал вопрос о новом полководце, который мог бы стать во главе союзных армий, Бернадот посоветовал Александру I вызвать из Америки Моро, который в 1804 г. был выслан из Франции по делу о заговоре против Наполеона. Моро явился в лагерь союзников, но в первой же битве при Дрездене 27 августа 1813 г. был смертельно ранен и умер через несколько дней. Союзники лишились талантливого полководца, ненавидевшего Наполеона. Уваров, вступивший на путь официального политического публициста, отозвался на смерть Моро похвальным словом: «Eloge funèbre de Moreau», S.-Pétersbourg, 1813, которое рассылал по европейским знаменитостям. Другую книжку о генерале Моро выпустил в Париже Павел Петрович Свињин (1787—1837). Литератор, художник, археолог, журналист, он был еще и маленький дипломат, занимавший ранее в Филадельфии должность секретаря русского генерального консула (1811—1813). Свињину было поручено сопровождать генерала Моро из Америки в Европу, и он присутствовал при его смерти. В конце 1813 г. Свињин был послан Александром I в Англию к вдове генерала Моро с письмом и денежным пособием.

Как только союзники вошли в Париж, Свињин поспешил выпустить книжку о Моро: «Détails sur le général Moreau et ses derniers moments suivis d'une courte notice biographique, par Paul Swinine», Paris, 1814. Свињин считал необходимым еще в рукописи доставить свое писание о генерале Моро г-же де Сталь и в ответ получил от нее следующее письмо:

[2 января 1814 г.]

Я с большим интересом прочла то, что вы написали о генерале Моро. Слог у вас совершенно правильный, и я не могу себе представить, почему наш язык настолько привычен вам. Я льщу себя надеждой, что буду иметь удовольствие видеть вас после моего возвращения из деревни, и прошу вас принять мои усердные приветствия.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]⁹⁸

2 января 1814 г.

На обороте: Г-ну Павлу Свињину

В своем ответе Свињину г-жа де Сталь говорит только о его слоге. Она не обмолвилась ни одним словом о содержании книжки и никак не отозвалась о самом Моро. В глазах Свињина и Уварова Моро был герой. В глазах г-жи де Сталь Моро был едва ли не изменником родине, согласившимся стать во главе чужеземных войск, идущих на Францию.

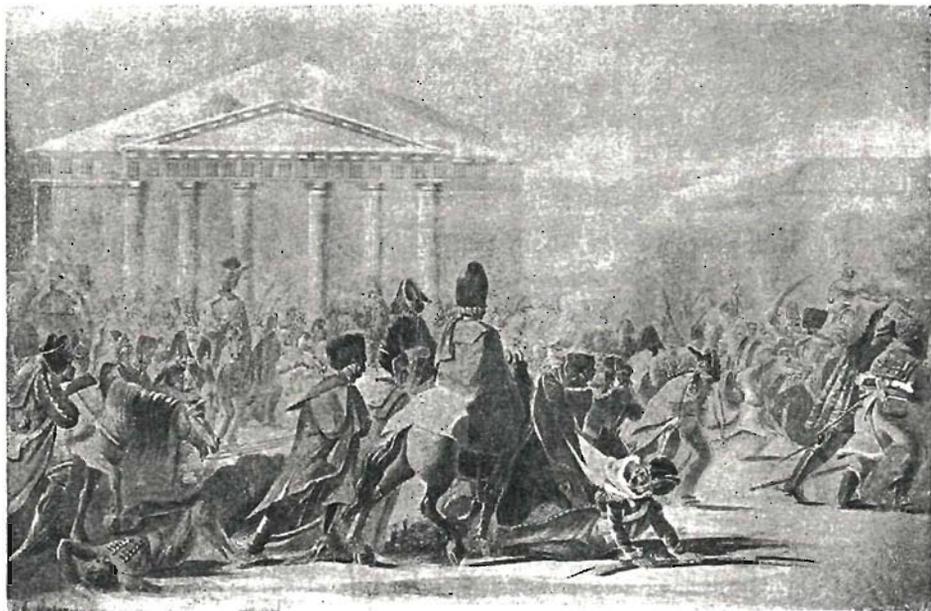
Вторжение коалиционных войск во Францию переживалось г-жой де Сталь очень болезненно. Испытанные ею по этому поводу чувства лучше всего отражены в письме ее к Дмитрию Павловичу Татищеву (1769—1845), написанном 15 марта 1814 г., за две недели до сдачи Парижа союзникам.

«...Я глубоко уважаю вашу нацию, а мои чувства к вашему императору еще горячее. Никто, я думаю, не сможет сказать, что доблести и патриотизму русского народа кто-нибудь воздал похвалы больше, чем это сделала я. Но именно потому, что я умею ценить ваши чувства, я их испытываю и сама. Я не желаю, чтобы союзники вошли в Париж: покорение Франции причиняет мне боль, и я страдаю от несчастий страны, где я родилась и где отец мой в течение семи лет был первым министром. Вот если бы при

Павле I французы вторглись в Россию, то даже в то время вы, наверно, не желали бы успеха чужеземным армиям. Таково мое настроение... Я далека от мысли бросать упрек державам, у которых так много того, что требует отмщения, однако, при всей своей ненависти к вождю французов, я не могу желать того, чтобы до него добрались, пройдя через Францию. Образ действий вашего императора благороден и понятен, но именно ему более, чем кому-либо другому, я с полным доверием сказала бы то же самое, что пишу вам... Если бы я хотела похвалиться, то сказала бы вам, что не могу вновь увидеть Парижа (о котором тоскую уже десять лет), пока не свергнут Бонапарт; я сказала бы вам, что в то время, когда все державы Европы подчинились ему, я одна, при всей своей слабости, десять лет боролась с ним. Но дело не в похвалах мне. Просто необходимо вам знать, что я чувствую себя обязанной вашему императору и что я осмеливаюсь его любить столько же, сколько и уважать. Но не правы те русские, которые осуждают меня, когда я отказываюсь желать их успехов против Франции, точно так же, как я страстно была против успехов французов над Россией»⁹⁹.

20 апреля 1814 г. низложенный Наполеон отправился на остров Эльбу. Ровно через пять дней после этого, 25 апреля, при первой вести, что русский император мыслит будущее Франции, как конституционной монархии, г-жа де Сталь уже писала Александру I из Лондона:

«Государь! Во все времена все публицисты—Монтескьё, Неккер и другие—смотрели на английскую конституцию, как на высшую степень совершенства, какой может достигнуть человеческое общество. Основания этой конституции ваше величество предложили Франции; и как раз в то время, когда иноземное нашествие заставляло опасаться всего, ваше

ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ ИЗ РОССИИ. В ВИЛЬНЕ

Рисунок, приписываемый А. Орловскому

Литературный музей, Москва

победоносное оружие даровало ей законного короля и свободное правительство. Это—событие, не имеющее себе подобного в истории, и им мы обязаны лишь вам одному. Если когда-либо Франция окажется достойна ограниченной монархии, необходимо, государь, чтобы ваше имя послужило призывом для объединения всех великодушных сердец. Верьте лишь самому себе, государь, и вы довершите и поддержите то, что вы начали. Вы—первый человек в своей империи еще более по своей природе, чем по своему положению. В этой же стране, где ваше величество пользуетесь лишь властью через общественное мнение, в стране, где всё свободно, вы будете встречены, государь, подобно триумфатору в Риме»¹⁰⁰.

Восторженная поклонница английской конституции, г-жа де Сталь хочет и в Александре I видеть конституционалиста на английский манер и спешит от имени Франции благодарить русского императора. Однако, никакая вера в конституционные планы и либеральные добродетели Александра I не помешала г-же де Сталь испытать настоящее потрясение при вести, что Париж находится во власти чужеземцев. Вот рассказ г-жи де Сталь о том, что пережила она, сойдя в Калэ на французскую землю вскоре после того, как Людовик XVIII, поставленный союзниками в короли Франции, вступил в Париж (3 мая 1814 г.):

«После десятилетнего отсутствия я высаживалась в Калэ. Я заранее предчувствовала радость вновь увидеть прекрасную Францию, о которой я так соскучилась. Однако, охватившие меня впечатления были совсем иного характера. Первые, кого я увидела, были люди в прусской форме,—они были хозяевами города. Это право им принадлежало, как победителям... Я продолжала свой путь, и всё те же мысли угнетали меня. Приближаясь к Парижу, я со всех сторон видела немцев, русских, казаков и башкиров: они расположились лагерем вокруг собора Saint Denis, где покоится прах наших королей... Я возвращалась в город, где когда-то протекли самые блестящие и счастливые дни моей жизни, как в каком-то тягостном сне. Уж не в Германии ли я, или не в России ли? Видеть Париж, занятый ими, Тюильри и Лувр, охраняемыми воинством, пришедшим из пределов Азии, для которого наш язык, наша история, наши великие люди менее знакомы, чем последний татарский хан,—было невыносимо больно»¹⁰¹.

Когда союзники вошли в Париж и стали его хозяевами, они, по признанию г-жи де Сталь, были великодушны, в особенности, Александр. Но г-жа де Сталь спрашивала: «Какой француз, вполне восторгаясь Александром, не чувствовал все-таки страшного горя?»¹⁰².

Александр не изменился—так казалось г-же де Сталь: «Я имела честь беседовать с ним,—рассказывает она,—несколько раз в Петербурге и в Париже, во время его жестоких испытаний и во время его триумфа. Одинаково простой, одинаково ясный в том или другом положении, его тонкий, справедливый и мудрый ум никогда не противоречил сам себе. Его разговор не имел никакого сходства с тем, что называется официальным разговором. Любовь к человечеству внушала Александру заботу знать настроения, чувства других и делиться с теми, кого он считал достойным, великими планами относительно прогресса социального порядка»¹⁰³.

Несколько строк, приведенных здесь из «Размышлений о революции», показывают, что трудно найти характеристику Александра I более ошибочную, чем та, которая сделана г-жой де Сталь в этой ее посмертной книге.

Г-жа де Сталь жестоко ошиблась в характере Александра, почитая его главными чертами твердость, ясность и неизменность, которых в нем не было и следа.

Но г-же де Сталь мудро было не ошибаться, если Александр—единственный из всех союзников—стойко желая низложения Наполеона, вовсе не считал, что союзники должны вмешиваться в вопрос о преемнике и что он, русский царь, считает неплохим исходом даже, например, республику»¹⁰⁴.

Александр I отдал г-же де Сталь в Париже ее визит, который она нанесла ему в Петербурге, и отдал не один раз. Вновь открытый салон г-жи де Сталь в Париже был местом, где Александр охотно и успешно демонстрировал перед всей Европой свой либерализм. Он выказал полное презрение Фердинанду VII, тотчас по своем возвращении в Испанию уничтожившему конституцию; жаловался, что его добрые намерения не были ни поняты, ни поддержаны во Франции. «Бурбоны,—сказал Александр однажды,—неисправившиеся и неисправимые (*non corrigés et incorrigibles*), полны предрассудков старого режима; либеральные взгляды у одного герцога Орлеанского, на прочих надеяться нечего».

В течение этого же вечера Александр обещал г-же де Сталь, что на предстоящем конгрессе потребует уничтожения невольничества. «За главою страны, в которой существует крепостничество,—заметил при этом государь,—не признают права явиться посредником в деле освобождения невольников; но каждый день я получаю хорошие вести о внутреннем состоянии моей империи, и, с божьей помощью, крепостное право будет уничтожено еще в мое царствование».

Выслушивая такие речи, г-жа де Сталь имела полное основание увлекаться освободительной миссией, принятой, как ей казалось, на себя императором Александром. «Что за человек этот император России! Без него мы не имели бы ничего похожего на конституцию,—писала тогда восторженная почитательница Александра.—Я от всего сердца желаю осуществления всего того, что может возвысить этого человека, представляющего мне чудом, ниспосланным провидением для спасения свободы, со всех сторон окруженной опасностями»¹⁰⁵.

Чем более реставрированные Бурбоны оправдывали данное им Александром I определение «неисправившихся и неисправимых», тем крепче становилась уверенность г-жи де Сталь в том, что Александр I—единственная гарантия прочности конституционного порядка во Франции.

В 1814—1817 гг.,—с перерывом на «Сто дней» Наполеона,—в салоне г-жи де Сталь перебивало множество русских: салон был в политической моде, которую установил на него Александр I, сам бывший в то время в моде.

Г-жа де Сталь пожелала, чтобы одним из посетителей ее был граф Ф. В. Ростопчин. Осенью 1814 г. он попал в опалу и был уволен с должности московского главнокомандующего, с назначением членом Государственного совета. С досады и огорчения французоед Ростопчин уехал в Париж, который не покидал затем в течение нескольких лет. В Париже, во Франции и вообще в Европе у него была репутация поджигателя Москвы. Смотря по обстоятельству, он то признавал пожар Москвы своим произведением, то яростно отвергал это.

Вероятно, к зиме 1814—1815 г. относится неизданная записка г-жи де Сталь к Ростопчину, не имеющая даты:

Четверг, улица Роаяль, № 6.

Не знаю, помните ли вы, граф, что при очень важных в вашей жизни и судьбах Европы обстоятельствах вы были очень любезны ко мне: разрешите мне выразить вам свою благодарность и просить вас провести у меня вечер понедельника; я буду рада представить вам свою дочь, которую в детстве вы ласково приняли у себя. Передайте, пожалуйста, мой привет графине Ростопчиной. Тысячу приветов.

де Сталь¹⁰⁶

О том, каков был результат одного из свиданий Ростопчина с г-жой де Сталь, мы узнаем из неизданного письма писателя Виктора-Жозефа-Этьена Жуи (1764—1846) к лицу, имя которого не удалось установить. Жуи был видным писателем своего времени и членом Французской академии. Особенную известность доставила Жуи его трагедия «Bélisaire». Написанная в 1809 г., она была запрещена при Наполеоне за то, что в ней были усмотрены намеки на генерала Моро, изгнанного из отечества. При Людовике XVIII та же трагедия была запрещена за то, что в ней были найдены намеки на Наполеона.

26 января—надо думать, 1815 г.—Жуи писал из Парижа какому-то своему постоянному корреспонденту:

26 января [1815 г.?]

Пакет, который вы получите одновременно с этим письмом, был приготовлен на другой же день после того, как я получил ваше письмо; курьер, который доставит его вам, через час уже отправляется, и у меня времени только, чтобы сообщить вам небольшой, совершенно свежий анекдот.

Граф Ростопчин сначала был очень хорошо принят баронессой де Сталь, однако, он не оказался счастливее г. Каннинга, и в результате беседы, имевшей место между этими двумя одинаково легко воспламеняющимися людьми, между ними произошел полный разрыв. Вот краткое содержание этой беседы, возникшей по поводу статьи, напечатанной в «Mercure de France», в которой Бенжамен Констан внушает мысль, что мероприятия, проводимые императором Александром, имеют целью сделать нацию из русского народа.

Баронесса: Да, граф, уровень развития широких масс русского народа остался неизменным со времени Петра Великого. Дворянство настолько далеко опередило народ, что должно сознать необходимость несколько вернуться вспять.

Граф: Но, Madame, подобный совет нужно дать не одному русскому народу,—он мог бы быть полезен и французам.

Баронесса: Мы могли бы смело отступить, потому что, всё равно, мы остались бы впереди других.

Граф: Хорошо, Madame, давайте с вами подадим пример: я готов вернуться в свои леса, под сень своего родительского замка, вы, со своей стороны, также несколько попятитесь назад и снова окажетесь в [банкирской] конторе вашего отца, и мы посмотрим, выиграете ли вы при таком обмене.

Ж[уи]¹⁰⁷

Письмо Жуи переносит нас в парижский салон г-жи де Сталь в один из тех обычных вечеров, когда там кипели споры по самым животрепещущим вопросам политического дня. Будущность Франции, зависимость

Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ

Рисунок Томаса Филлипса. Лондон, 1814 г.

Национальная библиотека, Париж

ее судьбы от России и Англии, политика Александра I, либеральные перспективы, ожидающие Россию,—вот темы этих споров. Г-жа де Сталь, как видно из отрывка ее разговора с Ростопчиным, горячо защищала либеральные мероприятия Александра I, а Ростопчин, ярый представитель русского дворянского крепостничества, нападал на них. Ростопчин с высокомерием покончил спор дерзостью, впрочем, не раз уже слышанной г-жой де Сталь от французских аристократов и эмигрантов.

Отголосок парижских споров г-жи де Сталь с Ростопчиным дошел до дворца в Павловске, откуда фрейлина княжна Туркестанова, близкая к Александру I, писала 20 мая 1817 г. Кристину в Москву: «Моден мне рассказал о частых спорах, происходивших между Ростопчиным и г-жой де Сталь, из которых он всегда выходил победителем. Но она продолжает суетиться: то она за министерство, то против него. Она постоянно говорит: м о я п а р т и я. Ростопчин не упустил этой фразы без того, чтобы не поднять ее на-смех. Когда кто-то спросил его, что он собирается делать вечером, он сказал: «Сначала я пойду смотреть „Сороку-воровку“ [опера Россини], затем с о р о к у - б у н т о в щ и ц у». Это он отправлялся ужинать к г-же де Сталь»¹⁰⁸.

Возвращение Наполеона в Париж в эпоху «Ста дней» вновь заставило г-жу де Сталь бежать в Коппе. Оттуда 22 мая 1815 г. она послала в Франкфурт-на-Майне русскому консулу банкиру Бетману обстоятельное письмо, рассчитывая, конечно, что сообщаемые ею сведения дойдут тем или иным путем до императора Александра.

22 мая [1815 г.]

Я получила, милостивый государь, одно ваше письмо от 12 мая; другое, от 25 апреля, до меня не дошло. Не могу понять, как могло оно пропасть, так как у вас письма не теряются. Нейтралитета Швейцарии желают во всей стране, и если бы попытались заставить их воевать, я уверена, возникла бы гражданская война,—какая польза от этого получилась бы

для союзников? Люсьен окончательно помирился с братом, желая мира и свободы, чего трудно или, можно сказать, невозможно достигнуть. Что же касается Франции, то—скажу вам это одному или, в крайнем случае, без ссылки на меня—юг роялистский активно, Париж роялистский пассивно, провинции Франш-Конте, Бургундия, Лотарингия, Шампань агрессивно склонны действовать для защиты страны от иностранцев. Приготовления к этому ведутся очень деятельно, но возможности, которыми располагают иностранцы, громадны. Мне кажется, что превратности, постигшие Мюрата, дают большое основание для их самонадеянности; что бы ни произошло—будет одно несчастье, и все это из-за одного человека, и какого! Столько счастья три месяца тому назад, теперь же одно отчаяние. Какая Елена для Троянской войны!—это смахивает на колдовство. Если всё не будет закончено в сентябре, я поеду в Грецию и в Иерусалим. Нужно вырваться из этого мира скорби. Конечно, теперь хороший повод для паломничества, а затем Святая земля лучше оккупированной французской. Не будете ли столь добры переслать верным путем это письмо в Гент, если последний, как я предполагаю, попрежнему спокоен. Я получаю в Женеве «Франкфуртскую Газету», так что не затрудняйте себя пересылкой ее мне. Меня очень соблазняло бы как-нибудь отправиться туда, где я могла бы снова увидеть российского императора, которым я восхищаюсь и которого люблю. Я не могу достаточно благодарить вас за вашу доброту.

Н[еккер] де Сталь

Бетман получил это письмо 30 мая 1815 г. и 1 июня переслал его императору Александру в Гейльбронн в числе разных других документов, отметив при этом: «Мне кажется, что прилагаемое письмо г-жи де Сталь достаточно хорошо выясняет внутреннее состояние Франции. Я спросил ее, что думает она о флюгерном превращении г. Бенжамена Констана, которое очень сатирически критикуется в прилагаемой брошюре „L'Errata des Journaux“»¹⁰⁹.

8 июня 1815 г., за десять дней до Ватерлоо, г-жа де Сталь обращается уже непосредственно к Александру с большим письмом, необыкновенно типичным для писем, с которыми она обращалась к русскому императору в 1815—1817 гг. Как в 1812—1813 гг. г-жа де Сталь упорно и непрерывно убеждала Кутузова воевать с Наполеоном до конца, так теперь она убеждает Александра I защищать независимость конституционной Франции от всех, кто покушается на ее внешнюю и внутреннюю свободу. Г-жа де Сталь как бы считает, что Александр I дал обязательство в том, что он будет таким защитником конституционных учреждений Франции: в каждом письме она напоминает об этом русскому императору. По ответам Александра I на письма г-жи де Сталь видно, что с каждым годом и месяцем такие напоминания становятся ему все неприятнее и неприятнее.

В письме от 8 июня 1815 г. г-жа де Сталь старается внушить Александру I мысль о том, что самое возвращение Наполеона стало возможным лишь в силу того, что Людовик XVIII и его министры из эмигрантов нарушили план либерального устройства Франции, будто бы твердо выработанный Александром I.

«Всё то, чего вы желали, государь, за исключением острова Эльбы, побудило бы народ защищаться от армии, а человек, которого мы ненавидим, не мог бы рассчитывать на поддержку многочисленной партии,

принявшей его, если бы осуществили ваши планы как относительно собственно конституции, так и способа ее введения».

Г-жа де Сталь не верит в продолжительность успеха Наполеона, предвидит новое, решающее вмешательство держав-победительниц в судьбу Франции и с особой силой пытается ходатайствовать за Францию перед Александром I.

«Я осмеливаюсь во имя человечества умолять ваше величество остаться верным самому себе даже при готовящихся новых обстоятельствах и принять то, что вы сделали, за образец того, что вы сделаете. Редко бывает, государь, возможным сказать монарху из глубины души:—Слушайте совета лишь самого себя! Но если так будет, то мне кажется, что спасение Европы обеспечено».

«Слушайте совета лишь самого себя»—это означало: не слушайте советов реакционной Пруссии, реакционнейшей Австрии и наиреакционнейших французских эмигрантов, окружавших Бурбонов. Г-жа де Сталь всячески внушала Александру I, что он сам—единственный источник европейского конституционализма и что достаточно ему быть верным себе, как либеральное разрешение французского вопроса будет неизбежным. И г-жа де Сталь спешит указать русскому императору на невозможность всякого другого решения этого вопроса:

«От Франции нельзя отнять ни одной ее малейшей части, не вызвав этим в ней снова постоянных волнений; она может повиноваться лишь конституционному королю, и если бы на этот раз предположили уничтожить все начала свободы, этим только засыпали бы вулкан, и его извержение впоследствии стало бы от этого лишь более ужасным».

Если Александр захочет противостать реакционным планам Пруссии,

ВСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ПАРИЖ 31 МАРТА 1814 г.
Современная гравюра неизвестного художника, изд. Артария в Вене

Австрии и дворян-эмигрантов и сохранит Франции конституцию,—«последствием этого великодушия, дважды обнаруженного, явятся удивление и признательность человеческого рода. В настоящее время я пишу историю вашего величества, пишу о вашем вступлении в Париж в прошлом году и, становясь, таким образом, на расстоянии потомства, позволяю себе предчувствовать то, чего оно ожидает от вас».

Это письмо, взывающее к Александру о пощаде для конституционных учреждений Франции, пришлось г-же де Сталь, по злой иронии судьбы, отправить императору через посредство г-жи Крюденер, мистико-реакционной собеседницы и советчицы Александра I. Император находился тогда в Гейдельберге и тотчас же—13/25 июня—ответил г-же де Сталь, но ответил сдержанно и коротко; он лишь высказал надежду, что пожелания г-жи де Сталь «относительно блага Европы и Франции исполнятся, независимо от того, как бы ни осложнились обстоятельства, которые, во всяком случае, не могут поколебать непреложных начал справедливости и истины». Ни о какой «свободе» царь не упомянул вовсе, но выразил настоятельное желание, «чтобы эта эпоха, в событиях которой я принимал деятельное участие, была изъята от преждевременных суждений моих современников». Иными словами, Александр I решительно пожелал изъять себя из круга вопросов, подлежащих обсуждению г-жи де Сталь.

Это письмо Александра I не дошло своевременно до г-жи де Сталь.

Прогремело Ватерлоо. Наполеон был отправлен на остров св. Елены, Александр I вновь вступил в Париж. Г-жа де Сталь опять решила быть ходатайницей за Францию. 9 августа 1815 г. она писала Александру I из Коппе:

«Государь, Франция очень несчастна; Франция, которой Петр Великий обязан просвещением, цивилизовавшим его народ, которой Европа обязана своими социальными достижениями, своим философским просвещением, а в более давние времена—своим рыцарским духом, неужели она утратила все права на уважение мира потому только, что чужеземец воспользовался ее воинственным пылом для того, чтобы совратить ее с правого пути? Государь, все просвещенные люди надеются на вас; эта вторая эпоха вашей жизни труднее первой, но поэтому-то именно она будет и еще более славною. Наши опасения рассеются, и наши надежды оправдаются, если вы будете принимать решения, государь, советуясь лишь с вашим великодушным сердцем. Вашему величеству предоставлено успокоить горе двадцати четырех миллионов людей,—подобная власть превосходит пределы человеческой власти; история вознаградит вас за то, что вы пользовались ею с великодушием, отличающим вас»¹¹⁰.

Это письмо г-жи де Сталь доставил Александру в Париже 13 августа н. ст. ее сын Огюст. 9/21 августа царь ответил г-же де Сталь, кстати, переслав и не дошедшее до нее письмо из Гейдельберга. В архиве сохранился отпуск письма Александра I с его собственноручными исправлениями (они набраны здесь разрядкой): «Соображения, внушенные вам вполне законным чувством к той Франции, которой вы посвящаете дарования, наследственные в вашей семье, а также приводимые вами воспоминания, заслуживают остановить на себе внимание. Тем не менее, я не могу отрешиться от убеждения, что можно надеяться положить конец бедствиям французского народа и упрочить его благосостояние лишь поскольку приложено будет старание найти гарантии нового порядка вещей в мудро уравновешенных учреждениях,

АЛЕКСАНДР I

Гравюра К.-А. Швердгебурга с его же рисунка 1813 г.

Исторический музей, Москва

вместо того, чтобы ставить его устойчивость в зависимость от чувств и влияния того или другого отдельного лица. Подобный образ действий внушен тяжелым опытом, и пример соседнего государства, обязанного этой системе долговременным процветанием и славою, достаточен, чтобы осветить все значение этого правила (*maxime*). Король там в течение стольких лет лишен рассудка, и, однако, всё идет своим обычным ходом, и народное благосостояние нисколько не страдает от этого. Лишь только при нейтрализации партийного духа подобными учреждениями Франции удастся положить конец бесперывно угрожающим ей реакциям. Тогда только этот народ, в мире с самим собою, перестанет быть угрозой по отношению к Европе. Коль скоро противодействия внутри будут настолько уравновешены, что явятся лишь постоянным и спасительным противовесом, Франция снова займет свое место в системе европейского равновесия. Я, без сомнения, почту себя счастливым иметь возможность способствовать достижению этого великого результата...»¹¹¹.

Ни одно письмо Александра I не вызвало в г-же де Сталь такого волнения, как это письмо из Парижа. Она не сумела или не пожелала прочесть в нем того, что Александр I решительно уклоняется от приписываемой ему чести—вмещать гарантии французской конституции в своем сердце и благородных чувствах. Г-жа де Сталь, будучи в Лозанне, восторженно беседовала об Александре I с его либеральным ментором, Ф. Лагарпом, а самому императору писала (19 сентября 1815 г.¹¹²):

«Если в мире, среди всех бедствий, которые повлекла за собою политическая реформация, еще останется несколько свободы, этим будут обязаны единственно вашему величеству. Вы сооблаговостили на-

писать мне пророческие слова: „Франция может спастись, лишь благодаря английской конституции“».

Так с большим упрощением и несомненным политическим заострением переводит г-жа де Сталь собственноручную фразу Александра I о том, что безумие короля Георга III не может отразиться на прочности английских государственных учреждений. «И нельзя,—продолжает г-жа де Сталь,—раз ваше величество высказали это мнение и обнаружили такое желание, допустить, чтобы оно не увенчалось успехом».

Первые по возвращении Бурбонов выборы в Палату депутатов произошли в конце августа 1815 г. Палата наполнилась теми людьми, которых называют «plus royalistes que le roi»: ленивый Людовик XVIII был либеральнее любого из членов Палаты.

Г-жа де Сталь, в том же письме от 19 сентября, ставит перед Александром I ребром волнующие ее вопросы политического дня: «Не состоят ли обе палаты, в большей своей части, из людей, которых тайное и даже явное намерение заключается в восстановлении старого режима? В особенности, Палата депутатов, которая должна быть охранительницей прав народа, не явится ли она искусным противником их? Способ, которым были произведены выборы, почти нигде не допустил воплотиться народной воле, и свобода погибла, если даже те, которые призваны защищать ее, готовятся тайком подкопаться под нее. Когда ваше величество уедете, кто поддержит созданное вами?».

Александр I не задержал ответа на это письмо, но—увы!—решительно отклонил в своем письме из Парижа от 14/26 сентября все призывы г-жи Сталь к его либерализму.

«Божественное провидение призвало не одного меня к решению этого великого вопроса [о судьбе Франции]. Ряд событий, предшествовавших настоящему моменту, поставил этот вопрос таким образом, что решение его не могло не зависеть от фактов и обстоятельств, связанных со скорым и счастливым окончанием войны. Это соображение показывает как недостаточность отвлеченных убеждений в вопросе подобного рода, так и недействительность их применения».

В последних словах заключалась холодная, но решительная отповедь г-же де Сталь: не идеи, а факты решают судьбы народов. Ни полунамека на английскую конституцию нет теперь в словах русского императора. Как будто забыв, что он, воспитанник Лагарпа, пишет письмо дочери Неккера, царь переходит на резкую критику Франции:

«Франция постоянно была и остается под угрозой двойной опасности. Сильная и могущественная, она нарушила общественный порядок и посягнула на независимость народов. Слабая и побежденная, она не может в короткое время восстановить свое спокойствие и счастье на незыблемых основаниях, обезоружить сразу дух мести в народах, оскорбленных и униженных ею, и рассеять справедливые опасения, возбуждаемые в них близостью этого революционного очага».

Надо потушить этот очаг, чтобы вернуть Франции прочность государственного существования,—вот что стремится теперь Александр I внушить г-же де Сталь.

«Проникнутый этой истиной,—заключает он письмо,—я думал, что не могу более действительным образом прийти на помощь в этой беде, как поставив восстановление этого государства под защиту большого европейского союза»¹¹³.

ЛАГЕРЬ КАЗАКОВ НА ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЯХ В ПАРИЖЕ

Гравюра Ж.-П.-М. Жаза с рисунка А. Зауерстада, 1814 г.

Исторический музей, Москва

Судьбу Франции Александр I отдавал в руки Священного союза, этого реакционнейшего из всех союзов, известных в европейской истории XIX в.

Г-жа де Сталь еще ничего не знала о Священном союзе, но письмо Александра I не оставило в ней сомнения, что дальнейшие почтовые беседы с русским императором на темы об английской конституции невозможны, и она замолчала.

Испытывая отвращение перед торжествующей реакцией, г-жа де Сталь оставалась в Коппе. Там попали ей в руки три книжки Уварова. Первую мы уже знаем — это его «Eloge funèbre de Moreau» (1813). Второй была его брошюра «L'empereur Alexandre et Buonaparte», изданная в Петербурге в 1814 г. Эта книжка, давая параллельную характеристику торжествующего Александра I и низложенного Наполеона, полна восхвалений первому и порицаний второму, в которых Уваров теряет всякое чувство меры. Политический смысл этого уваровского панегирика Александру I сводится к туманному призыву, обращенному к королям и народам. Первые должны пожертвовать своим деспотизмом, вторые — анархией, т. е. революционными устремлениями¹¹⁴. Третьей книжкой Уварова, прочитанной г-жой де Сталь в Коппе, был его известный «Опыт об Элевсинских мистериях» («Essai sur les mystères d'Eleusis», 1812). Эту книжку, посвященную одному из труднейших вопросов классической филологии, Уваров всегда считал своим основным «ученым» трудом. На деле, это была ловкая компиляция, сделанная по немецким и английским источникам — по Вильфорду, Фр. Шлегелю и другим авторам. Когда Уваров послал эту свою книжку Жозефу де Местру, тот ни словом не обмолвился о ее научном достоинстве, но похвалил чистоту стиля и «превосходный» — т. е. консервативный — дух книги¹¹⁵.

Как попали книжки Уварова в Коппе? Вернее всего, он сам послал их г-же де Сталь, как посылал их другим европейским знаменитостям, создавая себе европейскую репутацию ученого.

Г-жа де Сталь отвечала Уварову письмом:

10 сентября 1815 г.

Коппе, Швейцария, кантон Во [Ваадт]

Я с большим интересом прочла и ваши политические статьи, и превосходную брошюру об Элевсинских мистериях. Гораздо более меня сведущий во всем, что требует эрудиции, Шлегель никак не может притти в себя от удивления, что молодой русский дворянин такой же ученый, как и он. А я сама удивлена, читая о древности то, что, как будто, говорит о будущем. Впрочем, ведь существует удивительная тайна на заре известной нам истории, и еще одним новым доказательством бессмертия души служит также разумная вера в бога, какая была у этих адептов Элевсина.

Не спуститесь ли вы к нам с вашего севера? Этой зимой я не советую еще вам приезжать в Париж, и сама я уезжаю в Италию, но Франция воспрянет, благодаря вашему государю. Два дня тому назад он почтил меня письмом, прекрасно излагающим то, в чем надо видеть истинные интересы Франции. Английский публицист не смог бы лучше высказать мысли о конституционной свободе. Ему обязаны мы тем, что еще существует Франция; пруссаки, говорят, совсем об этом не заботились, совершенно забыв тот манифест, которым союзники возвещали, что они борются только с Наполеоном. Театр военных действий теперь на острове св. Елены,

там следовало бы сражаться, оставив в покое несчастную Францию. Ваш государь, право, удивительный человек. Если нам осталось отечество, если дело свободы не погибло, то этим мы обязаны ему одному. Право, я обожаю его. Я надеялась увидеть его в Италии, но он не едет туда, спеша вернуться в Россию. Я получила от него два великолепных письма, это мои трофеи. Сообщите мне ваши проекты. Невозможно, чтобы вы, если мы снова станем французами, не приехали бы показать нам, чем мы были в наши лучшие дни, потому что вы похожи на француза кануна революции. А бедный князь де Линь, вспоминаете ли вы когда-нибудь о нем? Я буду всегда помнить вас и его вместе. Прощайте, не забывайте меня.

Н[еккер] де Сталь Г[ольштейн]¹¹⁶

Письмо г-жи де Сталь исполнено привычной уже для нее скорби о Франции, отданной Бурбонам. Теперь г-жу де Сталь никто не изгоняет из Парижа. Она сама удаляется отсюда в добровольное изгнание—лишь бы не видеть пошлого торжества реакции. Она с грустью предается венским воспоминаниям. Всё досадное и печальное, что пережито ею в связи с Уваровым в те годы ее любви к О'Доннелю, ею забыто так же, как самая эта любовь. Уваров останется навсегда в ее памяти, как француз кануна революции, по случайности родившийся в России, как ученик, учившийся искусству быть французом времен Людовика XV у последнего мастера этого угасшего искусства—у князя де Линя, умершего 13 декабря 1814 г.

Странствуя по Италии, г-жа де Сталь вновь пожелала вызвать Александра I на беседу. 26 февраля 1816 г. она писала ему из Флоренции: «Я не перестаю следить за вашей политической деятельностью, государь, попрежнему с интересом и уважением, которыми душа моя наполнена по отношению к вам. Вместе со всей Европой я восхищаюсь вашей конституцией для Польши, вашим указом об иезуитах и вижу проявление веротерпимости в декларации трех держав, разных по религии, но единых по их христианству».

Напомнив Александру о трех его актах, которые она считала либеральными: об открытии польского сейма (15 марта 1815 г.), об его указе, подготовлявшем изгнание иезуитов из России, и о договоре Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией (как ошибалась г-жа де Сталь в оценке этого акта!),—напомнив русскому императору всё это, лестное для его самолюбия, г-жа де Сталь с горечью возвращалась к французским делам: «...Отчего, государь, вы не повлияли на судьбу Франции более прямым образом? Разве я не была права, государь, когда восемь месяцев тому назад осмелилась писать вам и указывать, что Палата депутатов, составленная не из представителей народа, но из числа эмигрантов, погубит Францию,—они идут к контрреволюции, нисколько не стараясь овладеть доверием народным. Французы стонут под игом чужеземных войск, при отсутствии которых они не потерпели бы того, что, пользуясь самыми произвольными приемами революции, уничтожают ее лучшие принципы. Я не знаю, сообщает ли вам ваш представитель о действительном положении дел; имею серьезные основания сомневаться в этом. Простите мне мою откровенность с вами, государь,—я могла бы сообщить вам и некоторые другие мои наблюдения, если бы можно было писать непринужденно. Здесь, в этой богатой и бедной Италии, я часто слышу, государь, пожелания, высказываемые по отношению к вам; вы покоряете общественное

мнение Европы, потому что единственный из всех государей заслуживаете памяти последующих поколений»¹¹⁷.

Г-жа де Сталь ждет от Александра I действий, оправдывающих его столь возвеличенный ею либерализм. Этих действий нет. Г-жа де Сталь готова винить в этом петербургских вельмож: она отлично знает силу их реакционных вожелений и влияний; они скрывают правду от царя. Г-жа де Сталь хочет раскрыть императору глаза на положение во Франции и в Европе: той и другой грозит опасность задохнуться от реакции.

До нас дошел отпуск ответа Александра I из Петербурга на письмо г-жи де Сталь, с его поправками, помеченный 4 апреля 1816 г. Александр I благодарит г-жу де Сталь за ее сочувственное (мы знаем, что это сочувствие покоилось на недоразумении) мнение о Священном союзе. Он покровительственно хвалит ее за «внимание и просвещенное старание, с которым [она] изучает события, которыми пользуется провидение, чтобы влиять на народы примирительным и охранительным образом... Но это благотворное воздействие бога, быть орудием которого каждый из монархов должен почитать счастьем для себя, часто проявляется грозным образом по отношению к тем народам, которые долгий период смут сделал менее восприимчивыми к покою и счастью».

Франция, по мнению Александра I, принадлежит к числу подобных народов. Она должна быть довольна теми мерами, которые предпринимаются для излечения ее от «смут». Император безапелляционно заявляет г-же де Сталь: «Меры, принятые для обеспечения ее [Франции] будущего, не оставляли желать ничего лучшего ни в смысле справедливости, ни в смысле человеческой предусмотрительности». Столь же безапелляционно Александр I отклоняет мысль г-жи де Сталь о его, якобы, недостаточной осведомленности в французских делах. Александр подчеркивает, что он стоял и будет стоять на принципе легитимизма и на согласовании своих действий со своими союзниками, и выражает надежду на поддержку со стороны всех благомыслящих людей как во Франции, так и в других странах. Вот и всё, что получила г-жа де Сталь в ответ от героя своей либеральной мечты,—это был вежливый и сухой ответ, устраняющий самую возможность дальнейшей переписки¹¹⁸.

Было бы естественно ожидать, что переписка г-жи де Сталь с русским императором оборвется на этом письме, в котором от бывшего либерального «*charmeur*'а» не оставалось следа и в котором слышались речи союзника Меттерниха.

Пользуясь, однако, тем, что Александр I в своем письме выразил мысль, что «терпимость постоянно является непосредственным следствием чувств любви и мира, внушаемых нам истинной христианской религией», г-жа де Сталь обращает внимание царя (письмо от 2 июня 1816 г. из Флоренции) на то, что «пытки и инквизиция снова появляются в Испании; Рим объявляет, что терпимость по отношению к другим религиям противна его догматам, а Франция находится в плачевном положении».

«... При помощи казней и иностранных войск можно будет сдерживать недовольство, но с каждым днем оно всё сильнее будет кипеть в сердцах; быть может, оно снова прорвется, как в Гренобле, каким-нибудь мятежом, и это возмущение назовут якобинизмом, бонапартизмом, тогда как, в сущности, это будет только проявлением раздражения, вызываемого ежедневным разрушением конституционной хартии, свободы печати, свободы выборов, нарушением судебных порядков и т. д.».

Г-жа де Сталь, забыв, что в одном из предыдущих писем сам Александр I назвал Францию «очагом революционной заразы», с негодованием восклицает по адресу вернувшихся к власти реакционеров:

«Я избираю судьей ваш великодушный характер: если не перестают твердить 24-м миллионам людей, что в течение 27 лет они вели себя, как разбойники, если не допускают никаких исключений ни для друзей свободы, ни для храбрейших воинов, если с трибуны и в газетах постоянно раздаются подобные речи, и в то же время запрещено отвечать на них, — разве отчаяние французов не естественно и разве попираемый подобным образом народ, военная слава которого заслужила уважение монархов Европы, не значит проявлять недостаток почтения к этим монархам?».

Г-жа де Сталь сравнивает Александра I с Карлом V и уверяет русского царя: «Политическая реформация зависит от вас, подобно тому, как религиозная реформа зависела от него. Вы, государь, в силу превосходства вашего ума, стоите в тысячу раз выше всех современных монархов; ваша империя независима; всё, что мыслит, и всё, что страдает на протяжении от севера до юга, обращает свои взоры на вас, — не упустите воспользоваться подобным случаем»¹¹⁹.

Александр I не ответил на письмо г-жи де Сталь.

Она решила, что письмо перехвачено либо агентами Людовика XVIII, либо усердными слугами самого Александра I, и послала ему из Парижа 3 ноября 1816 г., через надежную оказию, новое письмо: «Государь! Я не знаю, как писать отсюда вашему величеству так, чтобы мое письмо не прошло ни по французской почте, ни через руки вашего посла, — я не хочу довериться ни той, ни другому».

Г-жа де Сталь вновь старается приковать внимание Александра I к делам Франции. «Если бы ваше величество находились здесь, вы бы в один день увидели, в чем заключается зло и где лекарство против него; но ни ваше могущество, государь, ни ваш гений, ни ваше прямотушие не имеют здесь своего представителя». Это — прямой выпад против русского посольства — стало быть, прежде всего, против старого знакомого г-жи де Сталь, Поццо ди Борго, который был русским послом при Людовике XVIII. Но в настоящем письме у г-жи де Сталь была прямая цель повлиять на Александра в деле, которое она считала самым больным для французов: «До тех пор, пока во Франции будут находиться иностранные войска, в ней будут происходить лишь о д н и и н т р и г и. Когда же ваше величество, — а только вам одним будут обязаны этим, — сократите пытку, вызываемую присутствием этих иностранных войск, тогда только вся сила вашего ума должна сосредоточиться на судьбе Франции, и вы упрочите ее во всех отношениях»¹²⁰.

Александр I не ответил и на это письмо. 14 декабря 1816 г. г-жа де Сталь обратилась из Парижа к императору с новым письмом — самым обширным из всех, которые она к нему писала. На этот раз г-жа де Сталь применяет новую тактику: она посылает свое письмо через русского посла Поццо ди Борго¹²¹ и выгораживает его из той оценки русского посольства, которую сделала в предыдущем письме. Она дает лестную оценку послу: «Ваш министр Поццо ди Борго — человек вполне способный идти к своей цели с большим умением и ловкостью, и мне кажется, что теперь он избрал путь, указанный вашим величеством». Это изменение суждения г-жи де Сталь о роли Поццо ди Борго при дворе Людовика XVIII объясняется

тем, что ей стало известно, что еще в июне 1816 г. Поццо, по повелению Александра I, сообщил королю меморандум, в котором обращалось внимание короля, что действия его правительства не соответствуют советам, полученным от русского императора; тогда же Поццо посоветовал королю распустить «бесподобную Палату», возбуждавшую всеобщее негодование своей реакционностью.

Новое письмо г-жи де Сталь, пересылаемое через русского посла, с еще большей настойчивостью ставит перед Александром I все злобы политического дня Франции:

«До тех пор, пока иностранцы будут занимать французскую территорию, ничто внутри страны не может приобрести устойчивости, всё имеет лишь призрачный вид: деспотизм, предлагаемый одними, бессилён; свобода, требуемая другими, не обеспечена. Если вы хотите, государь, чтобы существовала Франция и чтобы политическая реформа была упрочена вами, поспешите вернуть эту страну ей самой—только тогда в ней проявится общественное мнение».

Франция не может существовать без внешней независимости, без политической свободы, гарантируемой конституцией,—вот в чем хочет г-жа де Сталь уверить русского царя.

«Все устали от революций, но предпочтут погибнуть, чем утратить учреждения, к которым стремились в течение двадцати семи лет, и сохранить за собой лишь позор от преступлений, совершенных для достижения их. Если лорду Веллингтону, как бы он ни был велик, как полководец, суждено оставаться еще четыре года повелителем Франции, мне станет понятно, что целый народ в таком положении пожелает лучше иметь возможность одним ударом уничтожить самого себя, чем продлить состояние своего унижения». Г-жа де Сталь взывает к Александру I: «Спасите Францию, а через это свободу Европы и источник просвещения! Вспомните, государь, о восторге, возбужденном вами в 1814 г. Наполеона уже нет более на острове Эльбы, а он один мог разрушить сделанное вами добро; всё, что вы решите теперь, государь, будет прочно...».

«... Вопрос об иностранной оккупации—единственный, которым живо интересуются за пределами Парижа. Слышатся слова: свобода печати, свобода личности, свобода вероисповеданий, но всё это существует, только благодаря теперешним добрым намерениям короля и министров. Если бы их заменили другие люди, то останется произвольных декретов больше, чем нужно, для того, чтобы под покровом хартии восстановить старый режим. Свобода вероисповеданий, которую ваше величество столь торжественным образом признали одною из основ Священного союза, более всего подвергается опасности во Франции. В Ниме протестанты находятся в состоянии непрерывного угнетения, а не о т р е ш и м ы е [местные] в л а с т и, путем обещаний и угроз, принуждают простолюдинов-протестантов менять религию. Восемь домов иезуитов, под наименованием «отцов веры» (*pères de la foi*), уже водворились во Франции и теперь при посредстве священников добиваются милостей двора, и при посредстве священников же ими готовятся самые пагубные для свободы меры. Государь, выполните свое славное назначение. Пусть Россия по своему управлению, а Франция по своей свободе и независимости будут обязаны вам своим счастьем, и потомство наградит вас наименованиями, которые еще никогда не соединялись в одном лице. Вы яви-

тесь одновременно защитником религии и философии и восстановите порядок мечом, а свободу—мыслью»¹²².

Когда г-жа де Сталь писала свои письма к Александру I, вряд ли она знала, что она сама, со всем кругом ее мыслей, разговоров, политических идей и политических же друзей, является предметом донесений русских дипломатов своему императору.

Русским послом в Турине в то время был князь Петр Борисович Козловский (1754—1809). Бывший московский «архивный юноша», товарищ А. И. Тургенева, впоследствии приятель кн. П. А. Вяземского и Пушкина, сотрудник его «Современника», кн. Козловский был одним из просвещеннейших людей своего времени. Он состоял при русском посольстве в Вене в 1808 г., когда там жила г-жа де Сталь, и был хорошо известен ей. В 1817 г., будучи в Париже, Козловский на правах старого знакомого посещал салон г-жи де Сталь и, вернувшись к себе в Турин, счел не лишним отправить в Петербург, 19 февраля/2 марта, депешу Александру I, в которой сообщал, между прочим, о г-же де Сталь:

«... Так как во Франции ничего не делается без влияния женщин, то и теперь герцогиня де Дюрас и г-жа де Сталь собирают у себя приверженцев обеих партий. У первой собирается партия Сен-Жерменского предместья, у второй—сторонники министерства. Каковы бы ни были чувства моей личной привязанности к г-же де Сталь и моя благодарность ей за дружбу, я не могу, однако, скрыть от в. и. в., что хотя я и считаю ее в данный момент очень полезной для министерства, но допускаю, что впоследствии она может оказаться весьма опасной. Мне удалось, думается, заметить в г-же де Сталь ясно выраженное стремление склонить своих друзей после смерти короля, которому она всецело предана, в пользу герцога Орлеанского. Это стремление вызывается у нее, с одной стороны, нетерпимостью и пристрастием к протестантизму, с другой—тайным желанием видеть восстановленным то, что она называет славой французского оружия. Представляется затруднительным заранее учесть, насколько может в будущем усилиться ее влияние, пред которым довольно трудно устоять во всех странах и которое, в особенности, сильно во Франции, где быстрый в суждениях и способный к комбинациям ум всегда может рассчитывать произвести сильнейшее впечатление.

Герцог де Брولли, ее зять, будет в скором времени, если я не ошибаюсь, одним из первых лиц в своей стране. У него с природными данными соединяется большая настойчивость в приобретении знаний и с республиканским стоицизмом—всепоглощающее честолюбие. То, что он, в его годы, оказался единственным в оппозиции при голосовании смертного приговора маршалу Нею, делает его предметом тайного почитания среди недовольных, получающих половинное жалованье»¹²³.

Депеша Козловского свидетельствует, с какой настороженностью, чтобы не сказать с недоверием, относилось русское правительство к политической позиции г-жи де Сталь. Нет нужды доказывать, что ответные письма Александра I к г-же де Сталь никогда не писались без согласования с руководителями министерства иностранных дел.

Приведенное выше письмо г-жи де Сталь оказалось последним, которое написала она Александру I. Переданное императору через русского посла, оно вызвало Александра I на ответ, но ответ был дан нехотя, был отослан поздно—24 февраля (ст. ст.) 1817 г. и мало принес утешения г-же де Сталь, уже совершенно больной. 14 июня того же года

эта длительная болезнь свела ее в могилу. Александр I не столько писал, сколько отписывался от г-жи де Сталь и ее упований на либеральное вмешательство в дела Франции.

«Отдавая полную справедливость вашему образу мыслей, я не могу разделить вашего взгляда на степень участия, которую вы приписываете моему влиянию в осуществлении комбинаций, благоприятных для спокойствия и славы вашего отечества. Значение, которое я придаю поддержке во Франции установленного порядка, обусловлено одновременно верностью договорам и глубоким моим убеждением, что только непоколебимая настойчивость может упрочить результат стольких усилий».

Александр I ничего не обещает г-же де Сталь, кроме того, что Людо-

КАЗАКИ

Рисунок Карла Верне

Музей изобразительных искусств, Москва

вик XVIII не посмеет разорвать тощую хартию, которую ему приказано было дать своим подданным. С точки зрения Александра I это очень много, и он внушает г-же де Сталь: «Ваш просвещенный ум, ваша любовь к добру, не искажаемая никакими предубеждениями, заставят вас разделить мои надежды»¹²⁴.

После смерти г-жи де Сталь ее сын Огюст в письме к Александру I сообщил ему следующее в виде ответа матери на последнее письмо царя к ней.

Коппе, 5 августа 1817 г.

Среди несчастья, только-что поразившего мою семью, я осмелился рассчитывать на сочувствие в. и. в. Я осмелился, государь, приобщить вас к своей печали и думать, что в. в. не без сожаления узнаете о смерти лица, которое было вам столь почтительно предано и сумело прочесть в вашей

душе даже больше того, что нам уже открыла история. В последний день болезни, ослабившей только ее тело, она позволила нам говорить с нею об ее самых заветных желаниях, о счастье Франции и о процветании принципов, которым отец ее посвятил свою жизнь.

Я высказал ей свои опасения за будущее, я с грустью говорил ей об ослаблении духа свободы у правительства, которое долгое время было его образцом. «Помните,—ответила она нам,—что судьба Европы покоится на императоре Александре. Он уже спас Францию; он сделает еще более для нее, а возвышенность его ума и сердца служит единственной гарантией для Европы против возврата самых пагубных идей и принципов». Благоволите, государь, простить мне, что я решился передать в. и. в. последние слова, которые моя мать высказала по поводу этого общего вопроса. Ее завещание уполномочило меня оповестить о замужестве ее с г. де Рокка и представить семье молодого брата, которого она мне поручила. Он с благоговением услышит имя в. в., и я смею надеяться, что со временем вы благоволите распространить и на него милости, которыми вы нас всех почтили.

Моя мать возложила на меня, совместно с г. Шлегелем и г. де Броли, опубликование ее политической книги, которую она почти окончила. Вы увидите в ней, государь, горячее выражение тех чувств, которыми она непрестанно была преисполнена в отношении в. и. в. Я возьму на себя почтительную смелость представить вам первый ее экземпляр.

С глубочайшим уважением, государь, вашего императорского величества почтительнейший и покорнейший слуга

О[гюст] Сталь де Гольштейн¹²⁵

Сын г-жи де Сталь сообщил Александру I давно известное ему мнение о нем знаменитой писательницы, но он не сообщил русскому царю, что г-жа де Сталь до отчаяния задыхалась в сгущающейся атмосфере реакции и с отвращением писала о героях эпохи реакции в своей неоконченной книге о революции.

На последних страницах этой книги г-жа де Сталь принуждена была написать строки, исполненные глубокого гнева. Они вызваны тем самым Священным союзом, который еще год назад г-жа де Сталь была склонна рассматривать, как акт либерализма со стороны Александра I. Теперь она разгадала истинный, глубоко реакционный, смысл этого союза.

При всем своем уважении к Александру I, г-жа де Сталь так выражается о Священном союзе: «Братство всех христианских исповеданий, в виде Священного союза, предложенного императором Александром, уже осуждено оговоркой против слияния культов. Какой же общественный порядок предлагают нам эти противники просвещения, эти враги человечества, когда оно носит имя народа и нации? Куда пришлось бы бежать, если дать им власть?»¹²⁶.

Смерть избавила г-жу де Сталь от необходимости, при буйном разгуле европейской реакции, ответить на этот вопрос одним словом: некуда.

VII. Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Едва ли не в год смерти г-жи де Сталь П. А. Вяземский написал стихотворение «Библиотека». Одну из полок своей библиотеки Вяземский описывает с особой живостью—ту, на которой стоят сочинения г-жи де Сталь:

№ 118

London le 19
Sept 1815

Sir

Je me suis embourbé de votre réponse, mais l'honneur de monde
qui lui est le plus attaché pour que ses intérêts le soient
parce que je suis persuadé de la bonté de cette que j'ai
souvent vu par votre publication de la loi de la loi de la loi
vous à vos admirables paroles, et de leur état sans aucun
indubitable, car comme votre Majesté la de la loi de la loi de la loi
distances de l'histoire par la loi de la loi de la loi de la loi
de la loi de la loi de la loi de la loi de la loi de la loi de la loi
la réformation politique a été faite par la loi de la loi de la loi de la loi
toute qui est la loi de la loi
la loi de la loi
mais il m'est pour que votre Majesté ait répondu à

notre gloire. Si je serais d'ailleurs de ce que vous avez
voulu et sans remède. L'Etat de protestant dans le
mieux de hommes pleins dans la chambre de représentants
qui ont au haut de la loi
dans la loi de la loi
par votre réponse de l'impunité pour l'avenir et la
protestation réclame de votre Majesté me serais égaré
en faveur de la cause de l'épiscopat britannique

Je suis avec respect
De votre Majesté
le très humble et
obéissant serviteur
James O'Connell

Je suis avec respect
De votre Majesté
le très humble et
obéissant serviteur
James O'Connell

Плутарховых времен достойная Коринна,
 По сердцу женщина и по душе мужчина,
 Философ мудростью и пламенем поэт,
 Восторгов для тебя в нас недоступных нет.
 Страстями движешь ты, умом, воображеньем;
 Твой слог, трепещущий сердечным вдохновеньем,
 Как отголосок чувств, всегда красноречив;
 Как прихоть женщины, как радуги отлив,
 Разнообразен он, струист и своенравен;
 О, долго будешь ты воспоминаньем славен,
 Коппет, где Неккеру, игре народных бурь,
 Блеснула в тишине спокойствия лазурь
 И где изгнанница тревожила из ссылки
 Деспота чуткий ум и гнев, в порывах пылкий.
 В сияньи, он робел отдельного луча:
 И мир поработив владычеству меча,
 С владычеством ума в совместничестве гордом,
 Отличного врага воюя в мненьи твердом,
 Державу мысли сам невольно признавал.

Вяземский описывал свою библиотеку в Остафьево, в поместье под Москвой, но он описал, в то же время, любую библиотеку русского читателя своего общественного круга и культурного слоя. Библиотека арзамасца Д. Н. Блудова, декабриста Н. И. Тургенева и его брата-полуэмигранта А. И. Тургенева, библиотеки лучших поэтов эпохи—К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева—обладали такой же полкой с сочинениями г-жи де Сталь, как и библиотека Вяземского.

Описывая свою библиотечную полку, Вяземский прекрасно выразил всё, за что русский читатель первой четверти XIX столетия любил г-жу де Сталь.

Ее романы «Дельфина» и «Коринна» продолжали дело Руссо: они открывали изумленному русскому читателю и еще более читательнице неведомый мир освобожденного чувства, получившего право на жизнь и на язык. Недаром Пушкин сдружил свою Татьяну с двумя литературными подругами—Юлией Руссо и Дельфиной г-жи де Сталь:

Воображаясь героиней
 Своих возлюбленных творцов,
 Клариссой, Юлией, Дельфиной,
 Татьяна в тишине лесов
 Одна с опасной книгой бродит,
 Она в ней ищет и находит
 Свой тайный жар, свои мечты.

Но та же книга, дававшая исход освобожденному чувству, утоляла еще другую жажду: она переносила русского читателя в Италию, впервые посвящая русского читателя в неувядающую молодость античной красоты и южной природы. «Коринна или Италия»,—по этой книге сверстники Вяземского и Пушкина не только учились любить древний Рим и Италию Возрождения,—с этой книгой, как с лучшим путеводителем, путешествовали по Италии. Николай Тургенев записывает 11 декабря 1811 г. в своем дневнике: «Рим... Легши в постель, я читал Сталь, и читал с большим удовольствием». Много лет спустя, в 1833 г., Александр Иванович

Тургенев, путешествуя по Италии с «Коринной» подмышкой, писал П. А. Вяземскому из Неаполя: «В Венеции, в Помпее и здесь, там, где Коринна импровизировала, я перечитал ее книгу: сколько истины в ее описательской поэзии!»¹²⁷.

Ф. И. Тютчев сам бывал в Италии, сам создавал в стихах свою чудесную Италию, но в одном из самых замечательных своих итальянских стихотворений, «Ma' agia», отразил впечатления, навеянные чтением «Коринны»¹²⁸.

Если «Коринна» познакомила русского читателя с Италией, то книга г-жи де Сталь «О Германии» послужила основным источником для ознакомления русских читателей с литературой, философией и культурой Германии. Ранее вышедшее сочинение г-жи де Сталь «О литературе» впервые дало русскому читателю опыт построения философии литературы в связи с явлениями общественного развития. Книга г-жи де Сталь о литературе давала, взамен старых «Курсов литературы», построенных на началах формальной мнимоклассической эстетики, новую проекцию истории мировой литературы, увлекавшую своей свежестью и новизной. Успех книги «О литературе» у русского читателя был так велик, что понадобились издания извлечений из этого труда: «О философии англичан. Перев. с франц. А. Боровкова» (СПб. 1819) и в его же переводе «О философии француз» (СПб. 1820).

Сочинение «О Германии» имело еще большее значение. Знаменитой французской писательнице выпало на долю отнять, в глазах русского читателя, привилегию первенства у французской литературы; г-жа де Сталь доказала неопровержимо, что литература Шиллера и Гёте — не менее значительное явление мировой культуры, чем литература Расина и Вольтера. Книга г-жи де Сталь, идя навстречу давним исканиям Карамзина, молодого «тургеневского кружка» и Жуковского, переводила взор русских писателей с Вольтера на Гёте. Мало того: она вводила русских писателей в русло нового могучего литературного течения.

В год смерти г-жи де Сталь — 1817 — П. А. Вяземский писал: «Толки о романтизме пошли с легкой руки Шлегеля и ученицы его г-жи де Сталь, особенно в книге ее «О Германии». Эта книга, которая показалась Наполеону I политически-революционной, была им запрещена; во всяком случае, положила она начало литературной революции во Франции и в некоторых других странах»¹²⁹.

Из-за цензурных условий Вяземский не мог сказать, что Россия была в числе этих других стран. Книга «De l'Allemagne» была предметом не просто чтения, а изучения тех общественных кругов, из которых вышли будущие декабристы. Философские отрывки из г-жи де Сталь Кюхельбекер печатал в своем альманахе «Мнемозина».

Дневники Н. И. Тургенева за 1814—1816 гг. испещрены записями о чтении «De l'Allemagne» и выписками из этой книги. Будущего декабриста занимают не только литературные суждения г-жи де Сталь. Его увлекает та едкая критика, с которой она рисует реакционное высшее общество Европы. Прочтя известную нам характеристику венского общества, сделанную г-жой де Сталь с убийственной иронией, Н. И. Тургенев уверяет брата Александра, что у г-жи де Сталь в ее «Германии» можно найти точное описание петербургского общества: «...по крайней мере, таковым я себе его представляю, не имев довольно искусства и охоты узнать действительно»¹³⁰.

Книга г-жи де Сталь о Германии явилась для Пушкина и его литературных соратников памятной вехой, обозначающей поворот литературы на новый путь—от классицизма к романтизму.

Обе посмертные книги г-жи де Сталь—«Размышления о революции», вышедшие в 1818 г., и «Десять лет изгнания», обнародованные в 1821 г.,—были запрещены в России. Появление в печати «*Considérations sur la Révolution Française*» было событием такой важности, что русские дипломаты считали нужным довести о нем до сведения своего правительства. В Архиве внешней политики сохранилось донесение от 7/19 августа 1818 г. кн. П. Б. Козловского, который уже известен нам своим знакомством с г-жой де Сталь и своей депешей о ней, отправленной царю. На этот раз Козловский пишет главе русского министерства иностранных дел, графу Каподистрии:

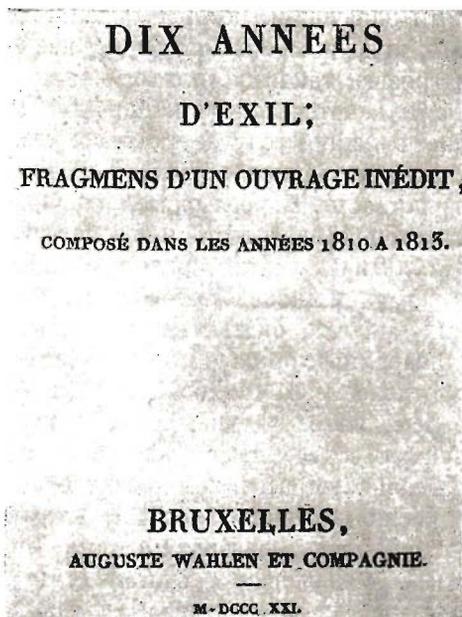
«Существует только двое слуг императора, которые могут говорить о последнем, столь нашумевшем, труде г-жи де Сталь. Эти лица имеют, притом, неоценимое преимущество знакомства и общения с автором в тот момент, когда она наносила на свой труд последние штрихи. Эти два лица—Поццо и я. Конечно, первый мог бы гораздо лучше меня дать вам его оценку, благодаря несравненной тонкости своего ума и подробнейшему знакомству со всеми деталями событий, которые описаны в этом труде, если бы только можно было положиться на беспристрастность его суждений в вопросах политики. Что касается лично меня, признающего более, чем кто бы то ни было, незаурядность этого человека во всем, что касается ума, тонкости и такта, я всё же не могу не думать о нем того, что говорил Монтескьё о Вольтере: в некоторых вопросах он не может служить авторитетом,—подобно члену религиозного ордена, он, когда пишет, всегда думает о своем ордене...».

Перед тем, как перейти к разбору книги г-жи де Сталь «*Considérations sur la Révolution Française*», Козловский считает нужным посвятить Каподистрию в свой разговор с г-жой де Сталь, происходивший 6 февраля 1817 г. «...В ее комнате находились г. Вуайе д'Аржансон, г. де Сен-Леон, маршал Мармон и Шлегель, который, разделяя целиком мои мнения, подкреплял меня в моей слабости своими учеными замечаниями во время происходившего спора. Г-жа Сталь прочла нам несколько отрывков из своей работы о Директории и некоторых английских деятелях, как, напр., Грей и Ландсдаун, и, зная мое глубочайшее почтение к последним, она имела любезность прибегнуть ко мне, как к свидетелю».

Г-жа де Сталь захотела поставить кн. Козловского свидетелем в очень остром вопросе: имеет или не имеет народ права на сопротивление власти? Иными словами, это был вопрос о том, имел ли французский народ право на революцию, о которой тогда писала г-жа де Сталь. Призывая Козловского в свидетели, г-жа де Сталь сказала ему: «...„Вы не русский, милый князь, вы—европеец; да и вообще, когда люди находятся на известной высоте, то в больших вопросах они понимают друг друга во всех странах и думают одинаково“. Я взял на себя смелость протестовать против истины этого утверждения и настаивал, что, наоборот, в отношении статьи о противлении и непротивлении нет ничего обязательного, что всё зависит от местных условий—и по существу, и во взглядах. „Если бы я был англичанином,—сказал я,—я бы не считал, что мой христианский долг обязывает меня смотреть на высшую власть, как на дарованную от бога; но, будучи русским или австрийцем, я думаю

КНИГА Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ
„ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИЗГНАНИЯ“

Титульный лист первого издания, 1821 г.

иначе и верю, как в символ веры, что ни в коем случае не должен сопротивляться даже притеснениям власти. Это пристрастие к вашей вере, впрочем, вполне извинительное, сударыня, заставляет вас думать, что протестанты имеют перед католиками то преимущество, что они проповедают против абсолютной покорности...“».

Русскому дипломату польской крови и европейского образования пришлось в споре с г-жой де Сталь сослаться на авторитеты. «Я хотел было привести примеры из библии»,—говорит Козловский, но, решив, что «г-жа де Сталь придавала гораздо большее значение авторитету Гроциуса, чем библии», он сослался на этого прославленного публициста, «который был республиканцем и утверждал, что возмущение против власти противно религии». Ссылка эта вызвала недоверие г-жи де Сталь. «...Она просила меня,—сообщает Козловский,—послать ей на следующий день приведенное мною место с указанием страницы. Я послал его ей. Требуя, чтобы я показал это место, доказывающее, что протестанты, которые проповедывали бы сопротивление, перестали бы быть христианами, она, смеясь, сказала мне, что огорчена видеть в моем лице такого скверного придворного, так как если бы император [Александр I.—С. Д.] стоял за дверью, ему совсем не понравились бы те турецкие принципы, что я излагал. Я ответил ей в том же тоне, заявив, что, если у меня хватило мужества противоречить ей, она могла бы предположить, что его хватит и на то, чтобы не побояться противоречить императору, когда дело касается вопросов морали, в которых его мнение никак не может оказывать воздействия на мое».

Козловский переходит к политической оценке книги г-жи де Сталь. «... Г-жа де Сталь постоянно выводит на сцену этих людей [Неккера и Лафайета.—С. Д.], и нужно было знать им настоящую цену, чтобы не плежаться красноречием писательницы, черпающей в страстной доброте своего эрдца столько оснований выступить в защиту тех, кого она любит. С тем не пристрастием г-жа де Сталь говорит о Директории—этом правлении

пяти цареубийц, которое она имеет великодушные называть Республикой. Это, конечно, не значит, что у нее была к этим людям, покрытым кровью и грязью, такая же привязанность, основанная на нежной любви и общности некоторых принципов, как к Неккеру и Лафайету. Ее заблуждение в данном случае родилось из благодарности. Ей посчастливилось спасти нескольких изгнанников при посредстве членов Директории, в частности, Баррас оказал ей большую услугу с Талейраном, услугу, с которой впоследствии ей не пришлось себя поздравлять...».

«... Директория вторглась в Швейцарию. Тут г-жа де Сталь очутилась в затруднительном положении: нужно было либо помнить только об одних услугах, оказанных ей по человечеству некоторыми лицами из состава Директории, и предать забвению благородное и неудачливое сопротивление Швейцарии, являющейся ее первой родиной,—либо говорить о том, какое ужасное преступление это вторжение. И тут ее великодушное сердце подсказало ей выбор: она услышала грохот разрушения, раздавшийся в этих мирных горах, и она по справедливости забывает о своих жестоких благодетелях, потому что ее растроганная душа на стороне тех благородных, но простых существ, которые, будучи в числе 400 человек, считали, что уметь умирать—достаточная гарантия победы. Нарисованная ею картина захвата Швейцарии великолепна и может внушить лишь справедливое отвращение к тем, кто им руководил».

Дав политическую оценку книги г-жи де Сталь, которая могла быть принята в русском министерстве иностранных дел, Козловский перестает быть дипломатом, и в дальнейших суждениях его о г-же де Сталь мы узнаем приятеля П. А. Вяземского и будущего сотрудника пушкинского «Современника»: дипломатическое донесение превращается в остроумную хвалебную статью о г-же де Сталь.

«...Я не думаю, граф, и об этом следует сказать к чести женщин, чтобы мужчина, как бы гениален он ни был, мог написать такое сочинение... К глубине идей мыслителя, привыкшего иметь дело с самыми серьезными предметами, идей на вид совсем простых, но, по существу, чрезвычайно отвлеченных, присоединяется целый ряд тонких беглых наблюдений, собранных в большом свете, которые мужчина не сумел бы ни сделать, ни развить. Между тем, эти наблюдения исключительно важны при описании характеров, а следовательно, и для объяснения событий. Один только Вольтер, насколько мне известно, благодаря необычайной тонкости своего восприятия, обладал до некоторой степени этой способностью подмечать невидимые черточки характера и настроения, интимно знакомящие вас с человеком. Г-жа де Сталь имеет над Вольтером то преимущество, что она описывает только тех людей, которых знавала лично. Благоволите хотя бы сравнить портрет, нарисованный Вольтером с Карла XII, разрывающего своими шпорами платье великого визиря, подписавшего Прутский мир, и портрет, сделанный г-жой де Сталь с Наполеона, внезапно вскакивающего, когда Баррас пытается поколебать его решимость стать деспотом Франции. Кто, кроме женщины, сумел бы извлечь из волос Мирабо или из благородной бледности Грея способ запечатлеть этих людей в вашем воображении, как они уже запечатлены в ваших мыслях? Красоты такого рода, граф, обычно мало замечаются рядовыми читателями, но те, которые читали древних, знают, какую цену придавали им эти последние».

Я почел бы, что погрешил против питаемого мною чувства уважения к литературе, если бы не поставил на первое место в ряду похвал, которых заслуживает это произведение, заслуги быть написанным с таким чувством доброжелательности, что человек, прочитавший его с удовольствием, почувствует себя великодушнее, умиротвореннее, более способным прощать и жалеть, чем до прочтения его.

Наиболее яркую и, так сказать, действенную идею всей работы, умело развитую г-жой де Сталь, следует повторять и повторять: французская революция не является событием, которое можно датировать теми или иными годами последних сорока лет, или приписать тому или иному лицу. Кардинал Ришельё начал ее путем унижения дворянства. Людовик XIV подготовил ее своими честолюбивыми войнами и расстройством финансов. Регент деморализовал нацию личным примером и побудил ее искать успеха только в интригах и наслаждениях. Людовик XV своим бессилием и предоставлением власти неумелым рукам сделал революцию неизбежной. Таким образом, Людовик XVI вступил уже на пошатнувшийся трон... .. Другая мысль, к которой г-жа де Сталь часто возвращается, чтобы ее опровергнуть, имеет особое значение для истории наших дней. В наши дни люди, выдвинуться которым помогли их ошибки, несправедливости и злоупотребления, в качестве извинения всегда ссылаются на обстоятельства. Твердая решимость благородной и великодушной души тоже представляет собой обстоятельство, говорит г-жа де Сталь, и неизвестно, к каким оно приведет результатам. И действительно, когда задумаешься над событиями, рожденными гением Карла XII, Альберони, Фридриха и Бонапарта, невозможно не возлагать на великих людей ответственности как за их поступки, так и за всё то, что принятие иных решений могло предотвратить. Государственные люди несут эту историческую ответственность—таково требование справедливости, так как тот, кому выпадает наибольшая доля успеха, должен по той же причине, по крайней мере в общественном мнении, подвергаться риску быть обвиненным в неудачах и ошибках.

«... Вот мы, наконец, подходим к области литературного триумфа г-жи де Сталь; если доброта ее сердца и могла вводить ее в заблуждение, все те, которые были знакомы с ней, как я, знают, что ненависть не имела власти над ее душой. И как только появляется Наполеон, ее стиль становится столь же блестящим, сколь величественна и правдива ее манера живописать. Восхищение этой частью ее работы никогда не будет чрезмерным»¹³¹.

Донесение кн. П. Б. Козловского изобличает в его авторе не столько строгого цензора, сколько увлеченного читателя книги г-жи де Сталь; читатель явно взывает к министру о том, чтобы книге г-жи де Сталь не был закрыт вход в Россию. Однако, «Размышления о революции» были запрещены, как и «Десять лет изгнания».

Цензурный запрет обеих посмертных книг г-жи де Сталь не остановил их распространения в России. Их чтение было опасно контрабандою, но контрабандистов, пренебрегающих опасностью, оказалось множество.

«Размышлениями о революции» зачитывался весь круг будущих декабристов. Через полвека после декабрьского восстания декабрист П. Н. Свистунов с благодарной признательностью заявлял: «Известно, что слово *liberal* употребила первая г-жа де Сталь в том значении, какое оно имеет теперь»¹³².

Братья Тургеневы, Пушкин, Вяземский—для всех них «Размышления» г-жи де Сталь были учительной книгой о Французской революции и катехизисом освободительных идей.

Значение этой книги Вяземский попытался своевременно раскрыть даже в подцензурной печати. Он восхвалял живую изобразительность литературного стиля г-жи де Сталь в этой книге и, вместе с тем, подчеркивал ее историческую достоверность. «Часто по одному слову, по одному движению заставляет г-жа де Сталь отгадывать душу описываемого человека. Кто, прочтя ее творение, не согласится, что Мирабо недоставало добродетели, Наполеону—великодушия». Исключительная ценность книги г-жи де Сталь заключается, по мнению Вяземского, еще и в том, что высказывания г-жи де Сталь являются плодом ее жизненного опыта, а ее жизнь является служением ее идеям¹³³.

Из «Размышлений о революции» Пушкин взял эпиграф к четвертой главе «Евгения Онегина»: «La morale est dans la nature des choses». Эти слова у г-жи де Сталь ее отец говорит Мирабо: «Вы слишком умны, чтобы не признать рано или поздно, что нравственность—в природе вещей» (part II, ch. XX).

Еще более сильное впечатление на прогрессивных русских читателей 20-х годов XIX в. оставила посмертная книга г-жи де Сталь «Dix années d'exil». Даже Уваров, творец пресловутой формулы: «православие, самодержавие, народность», в предельный момент николаевской реакции, в 1851 г., в своем неизданном очерке «Г-жа де Сталь» не мог не воздать должного этой книге изгнанницы: «Никогда раньше,—говорит Уваров,—ее стиль не достигал такого изящества и простоты, ее наблюдения—такой находчивости, как в этом ее произведении, достоинство которого еще и в том, что в нем содержится чрезвычайно правдивое изображение характера и ума знаменитой беглянки и тех страданий, которые ей пришлось испытать. Несколько страниц, посвященных России, сверкают пронизательностью и остроумием».

Пронизательность, обнаруженная г-жой де Сталь, была так велика и так остра, что запрещенные царской цензурой «Dix années d'exil» сделались настольной книгой будущих декабристов и тех, кто примыкал к ним мыслью или чувством.

Высланный Александром I из Варшавы за либерализм и принужденный жить под тайным надзором полиции в подмосковном Остафьеве, П. А. Вяземский 12 октября 1821 г. (год выхода книги г-жи де Сталь) писал А. И. Тургеневу: «Читаю «Les dix années d'exil». Очень любопытно и занимательно и сродно для меня, ссылочного»¹³⁴.

Другой ссылочный, Пушкин, прочел «Dix années d'exil», повидимому, в 1822 г. Книга г-жи де Сталь произвела на поэта сильнейшее впечатление. Отсветы и отзвуки этого впечатления остались во многих произведениях Пушкина.

Первый и сильный отклик Пушкина на только-что прочтенную книгу г-жи де Сталь находим в его «Исторических замечаниях», помеченных 2 августа 1822 г. Эта политическая статья, резко критикующая придворно-петербургский период русской истории, проникнута духом левого декабризма, но в своем подтексте она, несомненно, опирается на записки г-жи де Сталь. Читатель, только-что прочитавший ее книгу об императорском Петербурге, читатель, взволнованный нарисованной картиной народного угнетения и вельможного чванства, чувствует в каждой строке

пушкинской статьи. Конец же своей статьи Пушкин как бы поручил дописать г-же де Сталь. Он объявляет забавной шуткой ее знаменитые слова Александру I: «Votre caractère est une constitution pour votre empire», и он же заканчивает свою статью французской фразой: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation». Эта фраза — не что иное, как сжатое résumé знаменитой филиппики г-жи де Сталь против деспотизма, вызванной созерцанием гробниц Петра III и Павла I в Петропавловском соборе¹³⁵.

Пушкин очень ценил изображение русского светского общества и праящей знати, данное г-жой де Сталь, и несколько раз возвращался к нему.

Титульный лист биографии г-жи де Сталь, написанной П. Габбе, 1822 г.

БИОГРАФИЧЕСКОЕ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Г-жъ Сталь-Гольштейнъ.

Соч. Пеш. Г. б. е.

Les grandes pensées viennent
du coeur.

Fauvengues.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ПЕЧАТАНО ВЪ СЕНАТСКОЙ ТИПОГРАФИИ

1822 года.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ БИОГРАФИИ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ, НАПИСАННОЙ П. ГАББЕ, 1822 г.

В статье «О народном воспитании» (1826), не называя г-жи де Сталь, он пользуется ее замечаниями о поверхностности образования, получаемого дворянской молодежью, о том, что она, не закончив образования, торопится как можно ранее вступить на службу и т. д. Замечания г-жи де Сталь подобного рода были приведены выше. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833) Пушкин приводит замечание г-жи де Сталь о дворянском характере русской литературы.

Свое общее суждение о «Dix années d'exil» Пушкин выразил в известной статье «О г-же Сталь и о г-не М—ве» (9 июня 1825 г.), вызванной полемическим нападением А. А. Муханова на г-жу де Сталь по поводу двух-трех страниц ее книги, посвященных описанию природы Финляндии.

Маленькая статейка М[ухано]ва — «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями» — была наивной безделкой. А. А. Муханов, приятель Вяземского и Баратынского, двоюродный брат декабриста П. А. Муханова, был романтическим почитателем природы Финляндии. Обидевшись на г-жу де Сталь за невнимание к ее сумрачным красотам, он выступил в их защиту.

Г-же де Сталь мало удавались описания природы, она сама не раз признавалась в том, что ее интересуют человек и общество, а не природа и ее красоты. Но Муханов имел неосторожность обронить замечание, которое можно было отнести не только к описанию финской природы, а ко всему путешествию г-жи де Сталь по России. Муханов упрекнул г-жу де Сталь в «ветренном легкомыслии», в «отсутствии наблюдательности», в «совершенном неведении местности, невольно поражающих читателей, знакомых с творениями автора книги о Германии». Он уподобил рассказ г-жи де Сталь «пошлому пустомельству тех щепетильных французииков, которые немного времени тому назад, являясь со скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Если бы все эти замечания Муханова были справедливы, то всё, что открывает г-жа де Сталь в своей книге о России, оказалось бы так же недостоверно, как то, что она пишет о финляндских скалах и озерах. Этот вывод, если бы он имел основания, уничтожил бы всю фактическую достоверность и всю политическую значимость тех суждений о русском народе, об аристократии, о правящем Петербурге, которые высказала в своей книге г-жа де Сталь. Распространительное толкование заметки Муханова о недостоверности показаний г-жи де Сталь было бы на-руку реакционерам, запретившим книгу г-жи де Сталь.

И Пушкин из глуши Михайловского, укрывшись за псевдонимом «Ст[арый] Ар[замасец]», счел политическим, а не только литературным долгом напасть на Муханова в самом либеральном из журналов — в «Московском Телеграфе», который всегда интересовался г-жой де Сталь и охотно много печатал о ней¹³⁶.

«Что за слог и что за тон! — восклицал Пушкин, выписав приведенные замечания Муханова. — Какое сношение имеют две страницы записок с «Дельфиною», «Коринною», «Взглядом на французскую революцию» и пр., и что есть общего между «щепетильными (?) французииками» и дочерью Неккера, гонимую Наполеоном и покровительствуемую великодушным русским императором!».

Статья Пушкина была написана 9 июня 1825 г., а 13 июля он писал о ней Вяземскому: «Тут есть одно Великодушие, поставленное, во-первых, ради цензуры, а, во-вторых, для вящего а н о н и м а».

В противоположность Муханову, Пушкин, давая самую высокую оценку книге г-жи де Сталь, направлял на нее внимание русских читателей, подчеркивая проницательность ее автора и правдивость его показаний.

«Из всех сочинений г-жи Сталь книга: «Десятилетнее изгнание» должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: „Читая ее книгу Dix années d'exil, можно

видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза. Не смею в том укорять красноречивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных».

Что это за русский автор, из рукописи которого Пушкин приводит суждение о г-же де Сталь? Со времени напечатания статьи Пушкина прошло 113 лет. Бесчисленное количество рукописей современников Пушкина стало достоянием науки, но ни в чьих записках, дневниках, письмах не отыскалось доселе это место, цитированное Пушкиным. Вряд ли могут быть сомнения, что оно принадлежит самому Пушкину. Есть вероятность, что это отрывок из сожженного им после 24 декабря дневника, но скорее можно думать, что эта цитата сочинена Пушкиным нарочито для его статьи: по мысли, тону и слогу она решительно ничем не выделяется из контекста статьи. Эта мнимая цитата является (наряду с псевдонимом и с нарочитой вставкой о великодушии Александра I) одним из способов маскировки, которая нужна была ссыльному поэту, чтобы выразить и напечатать то, что он хотел, о г-же де Сталь.

А именно в цитате Пушкин и выразил главную свою мысль о «*Dix années d'exil*». Мысль эта такова. В своей книге г-жа де Сталь «не высказала всего, что ей бросилось в глаза», наблюдая большое общество петербургское, т. е. двор, знать, правительство; если бы она высказала в с ё,— таково естественное завершение мысли Пушкина,—картина, начертанная ею, была бы еще более безотраднa и мрачна. И наоборот, г-жа де Сталь «первая отдала полную справедливость русскому народу». Пушкин как бы подчеркивает—п о л н у ю; если о царе и знати г-жа де Сталь говорит печальную полуправду, огораживая и смягчая многое, то, говоря о величии русского народа, о его героической борьбе за свободу, родину, знаменитая писательница говорит п о л н у ю п р а в д у.

Книге г-жи де Сталь Пушкин своей статьей придал всю полноту политического значения и всю достоверность исторического сказания.

Приятель Муханова и знакомец Пушкина, Н. В. Путята, привлекавшийся к следствию по делу декабристов, соглашаясь с частными замечаниями о финляндской природе, писал автору неудачного нападения на г-жу де Сталь: «Я согласен с его [Пушкина] мнением. Не любя вообще, по какому-то предубеждению, женщин писательниц, исключая из этого числа г-жу де Сталь, которая в сочинениях своих возвысилась над обыкновенным кругом деятельности и ума женского, обращающегося в тесной сфере наблюдений над характерами и мелочными пружинами, двигающими светское общество, и, отбросив равно приторную плаксивость и притворную любовь к природе многих из них, силою своих мыслей и глубиной чувств стала наряду с величайшими мужами нашего века»¹³⁷.

Путята почти повторяет слова Вяземского, высказанные о г-же де Сталь еще в 1822 г.: «Г-жа Сталь первая из женщин писала мужественным пером, и, не довольствуясь очаровывать воображение и растрогивать сердца, она хотела владычествовать над рассудком и успела похитить господство, обыкновенно отказываемое писателям ее пола»¹³⁸.

Эти слова высказаны Вяземским по поводу книги, одно появление которой лучше множества других фактов свидетельствует о том уважении и влиянии, которыми пользовалась г-жа де Сталь в кругах русской интеллигенции 20-х годов, породивших декабристское движение 1825 г. Эта

книга — «Биографическое похвальное слово г-же Сталь-Гольштейн», вышедшая в Петербурге в 1822 г. О писательнице г-же де Сталь автор «Похвального слова» говорил так, как старые витии говорили о монархинях, — с такой же высокой почтительностью: «Одним из незабвенных феноменов нашего времени было появление на поприще Писателей Жены великой своим гением, прекрасной своею душою!».

П. А. Вяземский приветствовал «Похвальное слово» особой статьей, в которой, давая лестную оценку сочинению, приподнимал завесу над его автором: «Сочинение, одушевленное занимательностию европейскою, и имеющее целию воздать дань признательности и уважения к Писательнице знаменитой и едва ли не первое место занимавшей посреди современников, есть явление утешительное и заслуживающее поощрительное внимание. Еще новое приобретает оно право на уважение наше, когда узнаем, что настоящим сочинением обязаны мы досугам молодого офицера, умеющего, при тяжких повинностях деятельности воинской, уделять часы на полезные труды деятельности умственной и душевной»¹³⁹.

В письме к А. И. Тургеневу (15 мая 1822 г.) Вяземский, рекомендуя его вниманию «Похвальное слово», назвал имя автора: «Габбе, литовской гвардии офицер, который в Варшаве, при звуке барабанного и палочного боя, пишет о г-же Сталь, удивительнее Невтона!»¹⁴⁰.

П. А. Габбе (1796—ум. после 1833), штабс-капитан лейб-гвардии Литовского полка, был лично известен цесаревичу Константину Павловичу, но своим заступничеством за солдат и прогрессивным образом мыслей заслужил его гнев. В тот самый год, когда он писал свою восторженную хвалу г-же де Сталь, над ним был учрежден тайный полицейский надзор, а в 1823 г. «за дерзкие суждения о высших себя в чине и даже о начальниках своих» Габбе был разжалован в солдаты. Вновь получив офицерский чин, он был заподозрен в сочувствии декабристам (его брат, полковник М. А. Габбе, привлекался по делу декабристов) и был в 1826 г. уволен в отставку с запрещением жить в Петербурге, Москве и Варшаве. Габбе иногда появлялся тайно в Москве у Вяземского, который познакомил его с Пушкиным. В 1833 г. Николай I разрешил Габбе уехать за границу, но с тем, чтобы впредь не въезжать в Россию ни под своим, ни под чужим именем¹⁴¹.

Из этой полудекабристской биографии прекрасно вырисовывается облик писателя, который осмелился в эпоху аракчеевщины произнести похвальное слово в честь верной сторонницы принципов 1789 г.

Писатель Габбе никому не известен. Пушкин известен всем. Но оба они, один—восхваляя, другой—защищая г-жу де Сталь, превосходно выразили мнение своего поколения о знаменитой изгнаннице. Это было общее мнение всех, кто в России 20-х годов стоял за свободное развитие своей страны и просвещение своего народа.

Пушкин еще раз вернулся к г-же де Сталь в своем отрывке «Рославлев» (1831). Вместо рассуждений о г-же де Сталь, он представил здесь ее живой образ, исполненный внутренней правды и исторической достоверности. Пушкин представил г-жу де Сталь в ее повседневном столкновении с пустым и пошлым обществом, окружавшим ее в гостиных Москвы. Подтекстом любого живописного мазка Пушкина здесь могут служить десятки страниц из книги г-жи де Сталь о Германии, о России, о Франции эпохи Реставрации. Страница Пушкина, рисующая появление г-жи де Сталь на званом обеде в московском барском доме, кажется отрывком из «Десяти лет изгнания».

Пушкину свойственно проникать в дух, тон, стиль всех эпох и всех народов. Но нигде, быть может, это его свойство не обнаружено с такой разительностью, как в той французской записке, которую г-жа де Сталь е го отрывка посылает Полине, негодующей на тупость и чванство московских бар:

Г-ЖА ДЕ СТАЛЬ

Рисунок Изабэ 1817 г., сделанный художником вскоре после смерти г-жи де Сталь по собственным его зарисовкам с натуры

Эпинальский музей, Франция

«Ma chère enfant, je suis toute malade. Se serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tâchez de l'obtenir de M-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie».

Стоит вспомнить приведенные в этой статье записки г-жи де Сталь к Уварову или к Сухтелену, чтобы сказать: это — слог, тон, манера г-жи де Сталь. Пушкин, можно думать, не читал ни одной из ее подлинных записок, но он угадал, как должна писать знаменитая изгнанница к русским, подарившим ее вниманием или гостеприимством. Полине, героине «Рославлева», Пушкин вложил замечательные слова: «Пускай, — пускай она [г-жа де Сталь] вывезет об этой светской черни мнение, которого они до-

стойны. По крайней мере она видела наш добрый, простой народ и понимает его. Ты слышала, что сказала она этому старому несносному шуту, который из угождения к иностранцам вздумал было смеяться над русскими бородами: „Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову“».

Противопоставляя высокое мнение г-жи де Сталь о русском народе издевательскому суждению «несносного шута» из «светской черни», Пушкин от лица всего своего поколения присоединился и к этому презрению, питаемому г-жой де Сталь к «светской черни», правящей Россией, и к этому преклонению перед величием русского народа.

Когда Пушкин узнал в 1825 г. от Вяземского имя автора статьи, направленной против г-жи де Сталь, он с жаром и силой отвечал Вяземскому: «*M-me de Staël* наша, не тронь ее».

Рукою Пушкина эти слова написало одно из самых славных поколений в русской истории—поколение декабристов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Е. В. Тарле, Наполеон, изд. Жургаза, М., 1936, 300.
- ² А. А. Васильчиков, Семейство Разумовских, СПб. 1882, III, 465.
- ³ *Ibid.*, 122, 124.
- ⁴ «Архив кн. Воронцова» (бумаги гр. С. Р. Воронцова), М., 1876, X, 62—63.
- ⁵ М. Vignon, Histoire de France sous Napoléon, éd. Firmin Didot, P., 1838, X, 120.
- ⁶ А. А. Васильчиков, *op. cit.*, СПб. 1887, IV, 418, 419, 428.
- ⁷ А. И. Рибопьер, гр., Записки, с предисловием и примечаниями А. А. Васильчикова.—«Русский Архив», 1877, апрель, 489, 490.
- ⁸ S. Oucharoff, Tablettes d'un voyageur russe. 1807. Неизданная рукопись.— Исторический музей, Москва.
- ⁹ Саксен-Тешенский Альберт, герцог (1738—1822), сын польского короля Августа III, муж эрцгерцогини Марии-Христины, наместницы в австрийских Нидерландах, после занятия их французами поселился в Вене и занялся коллекционированием предметов искусства. Fries Мориц (1777—1825), банкир, был обладателем картинной галереи (Рафаэль, Ван-Дейк, Рембрандт, Дюрер и др.) и библиотеки в 16 000 томов.
- ¹⁰ Deegen Иосиф (1763—1827)—известный венский издатель и книгопродавец, славившийся роскошными изданиями и широкой торговлей французскими книгами.
- ¹¹ А. Сорель, Госпожа де Сталь, изд. журнала «Пантеон Литературы», СПб. 1892, 51, 55—56.
- ¹² Софья В—штейн, Госпожа де Сталь.—«Вестник Европы», 1900, кн. 10, 440.
- ¹³ *Ibid.*, 451—453.
- ¹⁴ [Lenormant], Coppet et Weimar. Madame de Staël et la grande duchesse Louise, éd. Michel Lévy, P., 1862, 115, 116, 119.
- ¹⁵ *Ibid.*, 128, 129.
- ¹⁶ *Ibid.*, 134.
- ¹⁷ Staël de, De l'Allemagne. Avec une préface par X. Marmier, 1876, 65, 69.
- ¹⁸ A. La Garde, comte de, Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne, P., 1843, I, 267—268.
- ¹⁹ «Биографическое известие».—«Русский Архив», 1871, кн. 12, 2104.
- ²⁰ «Архив братьев Тургеневых», СПб. 1911, I, 394, 414.
- ²¹ *Ibid.*, II, 412, 416, 421.
- ²² А. А. Васильчиков, *op. cit.*, II, 145.
- ²³ Esterhazy von Galantha Николай, князь (1765—1833)—генерал-фельдцейхмейстер австрийской армии, знатнейший из венгерских магнатов. Он был женат на княжне Жозефине Лихтенштейн. Harasch von Карл-Баромей, граф (1761—1829), в 1803 г., получив степень доктора медицины, занялся практикой среди беднейшего населения и во время войн 1805 и 1809 гг. работал в лазаретах.
- ²⁴ Princesse de Lorraine, comtesse de Brionne Жюли-Констанс, урожденная Роган-Рошфор—вдова кн. Шарля-Луи, занимавшего одну из первых придворных должностей Франции (*grand écuyer de France*).

²⁵ Cléry (Cant-Hanet) Жан-Батист (1759—1809)—камердинер Людовика XVI, бывший при нем в Тампле вплоть до казни короля; после 9-го термидора эмигрировал.

²⁶ А. В. Храповицкий, Памятные записки, с примечаниями Г. Н. Геннади, М., 1862, 25, 64, 124, 128, 147, 168, 258 и др.

²⁷ Примечания А. А. Васильчикова к запискам гр. А. И. Рибоьера.—«Русский Архив», 1877, кн. 4, 490.

²⁸ S. Ouvargoff, Madame de Staël. Неизданная рукопись 1851 г.—Исторический музей, Москва.

²⁹ Письма графини Ромбек в архиве гр. С. С. Уварова (неизданные).—Исторический музей, Москва.

³⁰ Христина—старшая дочь кн. де Линя, бывшая замужем за кн. Иоганном-Непомуком Клари (Clary et Aldringen). Титина—внучка кн. де Линя, незаконная дочь его старшего сына, воспитывавшаяся у тетки и вышедшая впоследствии за графа Морица О'Доннеля.

³¹ Jean Mistler, Madame de Staël et Maurice O'Donnel. 1805—1817, d'après des lettres inédites, éd. Calmann-Lévy, P., 1926, 31. Далее цитируется кратко—Mistler.

³² Mistler, 47.

³³ Collin von Генрих-Иосиф (1772—1811)—драматург, автор трагедий в строгом духе французского классицизма («Regulus», «Coriolan», «Polyxene» etc.).

³⁴ Лихтенштейн Иоганн, князь—фельдмаршал австрийской армии, был женат на графине Жозефине-Софии Фюрстенберг.

³⁵ Шварценберг Паулина, княгиня—жена кн. Иосифа Шварценберга, урожденная княжна Аренберг, сгорела, спасая своих детей, 2 июля 1810 г. при пожаре австрийского посольства в Париже, произошедшего во время бала, устроенного послом кн. Карлом Шварценбергом по случаю свадьбы Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой.

³⁶ Врбна фон Фрейденталь Флора, графиня (1779—1857)—жена гр. Евгения Врбна, была двоюродной сестрой гр. Меттерниха по матери; славилась необыкновенной красотой.

³⁷ Потоцкая—известная Софья Главоне (la belle Phanariote, 1766—1822), бывшая в первом браке за Иосифом Витом, а во втором за гр. Феликсом (Щенским) Потоцким (1752—1805), маршалком Тарговицкой конфедерации, впоследствии генералом-от-инфантерии русской службы.

³⁸ Замойская Софья, графиня—младшая сестра кн. Адама Чарторыйского, бывшая с 1798 г. замужем за гр. Станиславом Замойским, председателем Польского сената.

³⁹ Сталь де Альберт, второй сын писательницы, был помещен в Вене в военное училище; в 1812 г. сопутствовал ей в путешествии через Россию в Швецию, где был адъютантом при наследном принце Бернадоте; в 1813 г. убит на дуэли в Германии.

⁴⁰ Сталь де Альбертина (1797—1836)—единственная дочь писательницы и сама писательница; с 1816 г. замужем за политическим деятелем герцогом de Broglie (Achille-Charles-Victor, 1785—1870).

⁴¹ Sismondi Жан-Шарль-Леонар де (1773—1842)—известный историк, автор «Истории итальянских республик в Средние века», 1807—1818, 16 томов, и многотомной «Истории французов». Новейшая работа об отношениях г-жи де Сталь и Сисмонди—Jean de Salis, M-me de Staël et Sismondi.—«Occident et Cahiers Staëliens», 1931, № 2 et 3/4.

⁴² Сочинение А.-В. Шлегеля «Comparaison entre la «Phèdre» de Racine et celle d'Euripide», написанное во время его пребывания в доме г-жи де Сталь во Франции до ее высылки, было издано в 1807 г. Сочинение это навлекло на Шлегеля неудовольствие всех сторонников французского классицизма, вплоть до Наполеона.

⁴³ Уваров цитирует басню Лафонтена: «Les femmes et le secret».

⁴⁴ Pozzo di Borgo Шарль-Андре (1768—1842)—земляк Бонапарта по Корсике, был его личным врагом еще с корсиканских времен: Наполеон приписывал стараниям Поццо изгнание семьи Бонапартов с родного острова в первые годы революции. Поццо, представлявший в 1789 г. в Генеральные штаты петиции корсиканцев, в свою очередь, был присужден к изгнанию с Корсики, бежал в Англию, и с тех пор делом всей его жизни стала борьба с Бонапартом. В июне 1804 г., разуверившись в австрийцах, он при содействии Разумовского перешел на русскую службу. После Тильзита Поццо вышел в отставку, опасаясь, что Наполеон потребует от Александра I его выдачи. Отставка была дана, но, живя в Вене частным лицом, Поццо развивал такую антинаполеоновскую деятельность, что Наполеон, действительно, потребовал в конце 1808 г. выдачи Поццо уже не от русского, а от австрийского двора. Поццо пришлось перебраться в Лондон. Впоследствии граф (с 1826 г.), Поццо ди Борго был многолетним (1814—1835) русским послом в Париже.

⁴⁵ G e n t z Фридрих (1764—1832)—«ученик Канта, некогда горячий поклонник навеванных на Европу Французской революцией вольнолюбивых стремлений, он успел давно уже отречься от юношеских своих заблуждений, и борзое перо его, едко нападавшее на Францию и весь строй республиканских идей, было уже известно в те времена всей Европе. Разумовский вошел с ним в близкие сношения, заказывал ему разные записки политического содержания и статьи, направленные против Франции. Первые русский посол препровождал в Петербург, вторые помещал в разных периодических изданиях с целью повлиять на общественное мнение. При бездне познаний, при неимоверно легкой восприимчивости и увлекательном красноречии, фон Гентц отменно обладал новыми языками и с равной легкостью изъяснялся и писал по-французски и по-немецки. Он был эпикурейцем в душе, страстным поклонником прекрасного пола, игроком и мотом. Он вечно нуждался в деньгах. Перо свое он предлагал самому высокому плательщику, с неперменным, однако, условием писать против Франции и вводимого ею нового строя идей.—В а с и л ь ч и к о в, *op. cit.*, III, 457—458.

⁴⁶ А. В. Х р а п о в и ц к и й, *op. cit.*, М., 1862, 209—230, 278.

⁴⁷ К. О с и п о в, Суворов, М., 1938, 319—320.

⁴⁸ A r e n b e r g Огюст-Мари-Рэмон, князь (1753—1833), был более известен под именем графа де Ла Марка; участник войны за освобождение американских колоний, он был депутатом от дворянства в Генеральных штатах 1789 г. Друг Мирабо, он оставил Францию в 1793 г. и поступил на австрийскую службу. Аренберг был также в числе лиц, близких к герцогу Орлеанскому (Philippe Egalité). В неизданном дневнике Уварова находим такой след его бесед с д'Аренбергом: «Ответ Людовика XV герцогу Шуазёлю на его вопрос о Железной маске: „Если бы вам стал известен этот секрет, вы были бы поражены его малозначительностью“ (рассказано мне кн. Августом д'Аренбергом, графом де Ла Марк)».

⁴⁹ [L e n o r m a n t], *op. cit.*, 116, 117.

⁵⁰ S t a ë l d e, De l'Allemagne, P., 1876, 407—409.

⁵¹ Н а у д н Иосиф (1732—1809)—«отец современной инструментальной музыки», в 1808 г. доживал последние месяцы жизни и скончался в следующем же году. О Гайдне есть две любопытные записи в дневнике Уварова: «Знаменитый Гайдн давно уже состоит на службе при семье Эстергази. Современный представитель этого рода недостаточно ценит его. Гайдн почти постоянно живет в Эйзенштадте. Жалованья, которое ему выдается, с трудом хватает для удовлетворения его минимальных потребностей, так что княгиня принуждена выплачивать ему дополнительную пенсию из своих личных карманных денег. Как-то в Париже князя Эстергази приветствовали с тем счастьем, что у него служит такой великий артист, как Гайдн. «Но позвольте, у меня их трое!»—отвечал князь, имея в виду, что два брата Гайдна, очень посредственные музыканты, тоже состояли в его капелле. Мне еще не пришлось видеть Гайдна; говорят, он впал в детство. Всеобщее равнодушие к искусству достигает здесь своего предела...». «В течение десяти лет всякий раз, когда кн. Эстергази жил в Эйзенштадте, его загородном замке, Гайдн, бессмертный Гайдн, в ливрее дирижировал оркестром во время обеда! Принц Август Английский добился того, что Гайдна пригласили к столу. Это было в первый раз, что его так почтили. Povera gentel!».

⁵² [L e n o r m a n t], *op. cit.*, 130—131—письмо к г-же Рекамье из Вены, май 1808 г.

⁵³ Архив гр. С. С. Уварова.—Исторический музей, Москва. О спектакле у гр. Замойской с участием г-жи де Сталь, о котором идет речь в письме, см. ниже в тексте—это первое представление «Агари». Комедия Александра Дювала «Юность Генриха V» («La jeunesse d'Henri V»), в которой г-жа де Сталь играла вместе с Уваровым, была последней новинкой «Théâtre Français», представленной в 1806 г.

⁵⁴ M i s t l e r, 41, 42.

⁵⁵ «Ученые женщины» Мольера, в переводе Д. Д. Минаева.

⁵⁶ О представлении «Ученых женщин» граф Цинцендорф оставил в своем дневнике следующий рассказ: «В 6 часов (11 мая 1808 г.) во дворце кн. Лихтенштейна. Я занял первое место на галлерее и прекрасно оттуда видел прелестную игру, благородную осанку, изящную веселость Полины Шварценберг. Кризаль—граф Людвиг Кобенцль, хорошо загримированный и превосходно играющий. Филаминта, его жена,—г-жа де Сталь, хорошо причесанная, плохо одетая, в какой-то желтой кацавейке, с видом, как всегда, вульгарным и со скверными манерами. Арманда, старшая дочь Филаминты,—Полина Шварценберг; несомненно, ее розовая одежда тоже была кацавейкой, но она очень шла к княгине, прическа—современная; очаровательная, естественная прелесть, никакой аффектации. Генриэтта, вторая дочь,—Флора Врбна, красиво одетая, играла очень весело и изящно, но была скверно причесана, повидимому, к стилю костюма. Арист, брат Кризалья,—Сисмонди, хорошо костюмированный, с тросточкой в руках, играл хорошо, с швейцарским акцентом.

Клитандр, любовник Генриэтты,—Мориц О'Доннель, хорошо костюмированный, играл хорошо... Триссотен, остроумец,—г. Уваров, хорошо...».—Mistle r, 57.

⁵⁷ [L e n o r m a n t], op. cit., 115.

⁵⁸ Т ю ф я к и н Петр Иванович, князь (1769—1845) подвергся опале при Павле I и потому мечтал о карьере при Александре I. Обманувшись в расчете, он удалился за границу и жил там в легкой фронде против Петербурга. Тюфякин был всегдашним венских, а потом парижских театров; этого было достаточно, чтобы в 1812 г. его назначили вице-директором, а потом и директором петербургских императорских театров. Это назначение покончило с фрондой Тюфякина.

⁵⁹ Б а г р а т и о н Екатерина Павловна, княгиня, урожденная Скавронская (1782—1857), приходилась внучатной племянницей кн. Потемкину-Таврическому и была женою знаменитого суворовского генерала кн. П. И. Багратиона, будущего героя Бородине. Развехавшись с мужем, княгиня блистала в венском обществе красотой и едким умом. В ее гостиной первенствовал Меттерних, от которого она имела дочь.

⁶⁰ [L e n o r m a n t], op. cit., 117, 128.

⁶¹ Staël de, De l'Allemagne, P., 1876, 69.

⁶² В а р а н т е де Брюжьер Проспер, барон (1782—1866)—ему принадлежит много-томная «Histoire des ducs de Bourgogne». 1824—1826, 13 vols., отрывки—в «Московском Телеграфе», 1825. Его работы по истории и истории литературы собраны в издании «Mélanges historiques et littéraires», 1835, 3 vols. Занимавший видные места при Наполеоне, Барант еще более пошел в гору при Реставрации: в 1819 г. он был сделан пером Франции, в 1830—1835 гг. был посланником в Турине, а с сентября 1835 г. по август 1841 г.—послом в Петербурге. Пушкин, по просьбе Баранта, составил записку о правах литературной собственности в России.

⁶³ Архив гр. С. С. Уварова. Неизданные письма г-жи де Сталь к Уварову.—Исторический музей, Москва.

⁶⁴ На обороте письма имеется надпись рукою г-жи де Сталь: «Графу Уварову». Это ошибка: графский титул Уваров получил лишь в 1846 г.

⁶⁵ Palfy Евфемия, графиня (1773—1831)—средняя дочь кн. де Линя, бывшая замужем за гр. Иоганном Пальфи фон Эрдэд (Palfy von Erdöd).

⁶⁶ «Архив братьев Тургеневых», II, 443.

⁶⁷ Mistle r, 41.

⁶⁸ П о т о ц к а я Анна, графиня—жена графа Северина Осиповича Потопцкого (1762—1829). Личный друг Александра I с лет его юности, участник интимного конституционного кружка первых лет его царствования, граф Северин был в 1808 г. сенатором и попечителем Харьковского учебного округа. Графиня Анна, по рождению княжна Сапега, а по первому мужу княгиня Сангушко, не разделявшая русских симпатий своего мужа, предпочитала жить в Польше, а еще больше в Вене, этой столице польской аристократии. «Г-жа Северин Потопцкая оставила во мне воспоминание, как об одной из очаровательнейших женщин, какую я когда-либо знала»,—писала г-жа де Сталь о Потопцкой. Ее участие в визите г-жи де Сталь и кн. де Линя к больному Уварову хорошо рисует тот светский успех, которым баловали Уварова дамы высшего венского общества; одна из этих дам, графиня Лулу Тюрхгейм, называла его «любимцем (coqueluche) всех красивых женщин».—Mistle r, 24, 39.

⁶⁹ Kasperle—в своем венском дневнике Уваров отметил: «Театр, который в просторечии называют Casperle,—любимое зрелище у венцев, там играют фарсы на венском наречии. Любовь к этим буффонадам распространена даже в высшем обществе: венские франты (les incroyables) и элегантные женщины знают наизусть целые тирады и сцены, которые они с восторгом декламируют. У каждой страны свои особые оттенки».

⁷⁰ Р о с с а Альбер-Жан-Мишель—обычно звался John Rosca (1788—1818)—женевец, родом из пьемонтских выходцев, участвовал в 1808 и 1809 гг. в испанском походе. Тяжело раненый, он вернулся осенью 1810 г. в Женеву, познакомился с г-жой де Сталь и страстно полюбил ее. Последствием возникшей между ними связи было рождение в 1812 г. мальчика, который был под чужим именем отдан на воспитание посторонним людям. Эта связь была оформлена браком лишь 10 октября 1816 г.—см. Pierre Kohler, M-me de Staël et la Suisse, éd. Payot, Lausanne—Paris, 1916, 165.

⁷¹ Mistle r, 88, 92. Дальнейшие цитаты из писем г-жи де Сталь к О'Доннелю взяты со стр. 144, 226, 230—233, 245.

⁷² «Разговор молодого барона Августа Сталя с Наполеоном в Шамбери» (из 7-й гл. VIII части записок Буренна).—«Московский Телеграф», 1830, ч. 33, № 12, 442—454.

⁷³ С. В—ш т е й н, op. cit., 454—456.

⁷⁴ *Staël de, Dix années d'exil. Edition nouvelle par Paul Gautier, Plon, P., 1904, 239, 240.* Далее это издание цитируется кратко: «Dix années d'exil» или в ссылках в тексте: «Апп. d'ex.».

⁷⁵ Сорель, *op. cit.*, 94.

⁷⁶ J.-B. Galliffé, *D'un siècle à l'autre, Genève, 1878, II, 312.*

⁷⁷ А. Н. Попов, Москва в 1812 году (по новооткрытым бумагам).—«Русский Архив», 1875, II, 400. А. Я. Булгаков писал 23 июля 1812 г. к брату К. Я. в Петербург: «Вчера посылал меня граф к приехавшей сюда Mad. Staël-Holstein. О тебе спрашивала. Elle va à Pétersbourg».—«Русский Архив», 1900, II, 29.

⁷⁸ «Частные письма 1812 года».—«Русский Архив», 1872, 2388. В числе лиц, с которыми виделась г-жа де Сталь в 1812 г. в Москве, следует упомянуть ее соотечественника и давнишнего знакомого Фердинанда Кристина (Ferdinand Christin, 1763—1837). Кристин, бывший во время революции одним из агентов для сношений эмигрантов с Людовиком XVI, уехал потом из Франции и в 1794 г. оказался в Петербурге; пользуясь покровительством А. И. Моркова, он в 1796 г. поступил на службу в коллегию иностранных дел. Впоследствии, когда Морков был русским посланником в Париже, Кристин состоял при посольстве в качестве секретного агента. Заподозренный первым консулом в участии в заговорах против него, Кристин был в 1803 г. арестован и пробыл в заключении до начала 1805 г. Вернувшись после этого в Россию, он не получил никакого нового назначения и, в конце концов, поселился в Москве, где и провел остаток своей жизни.

В письме от 23 июля 1812 г. Кристин писал гр. А. И. Моркову:

«Г-жа де Сталь уверяет меня, что уже два года тому назад никто во Франции не сомневался в том, что возникнет эта война; уже с прошлого года настроения в этом смысле были настолько явными, что нельзя верить, чтобы здесь могли ласкать себя надеждою ее избежать. Я ей сказал:—Мы очень считались с Наполеоном, чтобы не подать ему предлога напасть на нас. Она мне ответила:—Вы еще все верите тому, что ему нужен предлог; уже 13 лет он доказывает всей Европе, что при помощи падежей, имен существительных и глаголов создаются фразы, которые годны для всякого употребления; тем хуже для тех, кто придает им значение,—уверяю вас, сам он не придает им никакого».—«Вестник Европы», 1896, декабрь, 571.

В письме от 2 августа 1817 г. тот же Кристин писал своей постоянной корреспондентке, княжне В. И. Туркестановой:

«Я не знал о смерти г-жи де Сталь и очень огорчен, хотя был подготовлен к этому последними полученными о ней известиями. Увы, какие тяжелые часы должна она была перенести во время своей долгой болезни. Она больше всего на свете боялась смерти. Она жила только ради двух страстей, крайне обманчивых и та и другая,—любви и тщеславия. Первая увлекала ее всегда за пределы допускаемого, второе заставляло страдать от справедливой критики общества. Ее страсть писать книги причинила ей также не мало огорчений, и журналы со своими рецензиями являлись для нее орудиями пытки и заставляли очень дорого оплачивать наслаждение от успеха. Но ничто не могло ее удержать,—у нее была непреодолимая потребность высказывать свои мысли и выявлять свой действительно исключительный ум. Вообще, конечно, она была женщиной незаурядной—она была полна души, и эта душа чувствовалась даже в самой незначительной ее записке. У меня много ее писем. На этих днях я перечту их, чтобы сжечь всё то, что не должно быть сохранено, но это будет очень тяжелой для меня обязанностью: есть воспоминания, к которым лучше не возвращаться».—«Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow», Moscou, 1888, 628, 629.

Судьба писем г-жи де Сталь к Кристину неизвестна.

⁷⁹ См., напр., еще А. Н. Попов, *op. cit.*, 400. На пути из Москвы в Петербург, на одной из станций, г-жа де Сталь встретила помощника московского почт-директора, Д. П. Рунича, который в своих записках рассказал об этой встрече: «После первых приветствий она обратилась ко мне с обычным в то время вопросом: «Что знают о Наполеоне и где он находится?». И когда я ответил, что трудно определить, где он, что он везде и нигде, г-жа Сталь сказала: «Ах, милостивый государь, доньше он доказал справедливость первого, императору Александру выпало на долю доказать второе». Она сказала мне, как русскому, таким образом, приятный комплимент, и, вместе с тем, слова ее оказались пророческими».—«Русская Старина», 1901, № 3, 598, 599.

⁸⁰ «Dix années d'exil», 331. Пушкин, в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834), сослался на г-жу де Сталь в доказательство своей мысли о дворянском характере русской литературы: «У нас, как заметила M-me de Staël, словесно занимались большею частью дворяне» («En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature»,—цитирует он не совсем точно,—у г-жи де Сталь сказано: «Quelques gentilshommes russes ont essayé de briller en littérature»).

⁸¹ К. Н. Батюшков писал 9 августа 1812 г. к своей сестре: «Я видел недавно славную сочинительницу «Коринны» и «Дельфины», мадам Сталь, с которой провел целый вечер у графини Строгановой; она едет в Америку. У ней дочь красавица, а она одевается на манер Линеманши [Липманши?]. Дурна, как чорт, и умна, как ангел». См. К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, под ред. Л. Н. Майкова, СПб. 1885, III, 198. Батюшков был хорошо знаком не только с романами г-жи де Сталь, но и с ее книгой «De l'Allemagne». Большую цитату из этой книги см. II, 122.

⁸² Девять писем г-жи де Сталь к семье Сухтелен хранятся в Публичной библиотеке, Ленинград; десятое письмо — из собрания Новиковой — в Институте литературы Академии наук СССР, Ленинград (№ 3 в нашей публикации).

⁸³ Н а р ы ш к и н Александр Львович (1760—1826) — обер-камергер, главный директор театров. О празднике, устроенном им в своем загородном доме для г-жи де Сталь, см. «Dix années d'exil», 341—345.

⁸⁴ О р л о в Владимир Григорьевич, граф (1743—1831) — директор Академии наук, брат екатерининского временщика. Праздник, данный Орловым в честь г-жи де Сталь, она описывает в «Dix années d'exil», 328—330.

⁸⁵ С. Г л и н к а, Записки о 1812 годе, СПб. 1836, 34—36.

⁸⁶ «Воспоминания А. П. Бутенева». — «Русский Архив», 1883, кн. I, 11.

⁸⁷ В а с и л ь е в Владимир Федорович, граф (1782—1839), родной племянник министра финансов гр. Алексея Ивановича Васильева (ум. 1807), унаследовавший после смерти дяди его графский титул, был с 1811 г. петербургским полицмейстером, впоследствии тульским губернатором.

Публикуемое письмо к нему г-жи де Сталь хранится в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. Ленина, Москва.

⁸⁸ Н. К. Ш и л ь д е р, Император Александр I, СПб. 1905, III, 505.

⁸⁹ Е. К о в а л е в с к и й, Граф Блудов и его время, СПб. 1866, 84.

⁹⁰ «Из воспоминаний гр. А. Д. Блудовой. Швеция с 1812 по 1815 год». — «Русский Архив», 1879, III, 480—483.

⁹¹ Письма г-жи де Сталь к кн. Е. И. Кутузовой были дважды полностью напечатаны — в «Русской Старине», 1872, май, 698—705, и в приложении к «Dix années d'exil», 408—414. Из 6 подлинных писем 4 хранятся в Институте литературы Академии наук СССР, Ленинград (см. опись их ниже, в Приложениях).

⁹² Архив гр. С. С. Уварова. — Исторический музей, Москва.

⁹³ [L e n o r m a n t], op. cit., 234—235.

⁹⁴ «Русский Архив», 1871, 2104.

⁹⁵ Архив гр. С. С. Уварова. — Исторический музей, Москва.

⁹⁶ «Воспоминания А. П. Бутенева». — «Русский Архив», 1883, кн. I, 38—43. А. П. Бутенев сделал впоследствии большую дипломатическую карьеру (в 1830—1842 гг. посол в Константинополе, с 1843 г. — в Риме, после войны 1854—1856 гг. опять в Константинополе). Ламартин в своих «Impressions de voyage en Orient» так характеризует А. П. Бутенева: «обаятельная и высоко нравственная личность, философ и государственный человек».

⁹⁷ «Из воспоминаний Э. И. Арндта о 1812 годе». — «Русский Архив», 1871, I, 0104. См. также: Emile N a u m a n t, La culture française en Russie. 1700—1900, P., 1913, 571.

⁹⁸ Письмо г-жи де Сталь к П. П. Свинину хранится в Институте литературы Академии наук СССР, Ленинград.

⁹⁹ Письмо г-жи де Сталь к Д. П. Татищеву впервые напечатано было в «Архиве князя Воронцова», XXIX, 437, и вторично в «Dix années d'exil», Приложения, 415, 416.

¹⁰⁰ Н. К. Ш и л ь д е р, Император Александр I и г-жа де Сталь. — «Вестник Европы», 1896, кн. 12, 578. Здесь опубликованы, в русских переводах, тексты в о с ь м и писем г-жи де Сталь к Александру I и п я т и его ответных писем. По копиям, предоставленным Шильдером, все эти письма были опубликованы и по-французски: «Revue de Paris», 1897, 1 janvier. В настоящей работе тексты приводятся в переводе Шильдера, и с п р а в л е н н о м на основании подлинных документов, хранящихся в Архиве внешней политики (см. опись их ниже, в Приложениях).

¹⁰¹ S t a ë l d e, Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française, P., 1818, III, 51—53.

¹⁰² С. В — ш т е й н, op. cit. — «Вестник Европы», 1900, кн. 10, 462.

¹⁰³ S t a ë l d e, Considérations, III, 31.

¹⁰⁴ Е. В. Т а р л е, Наполеон, М., 1936, 475.

¹⁰⁵ Н. К. Ш и л ь д е р, Александр I, III, 230—232.

¹⁰⁶ Печатается в переводе с подлинника, хранящегося в Публичной библиотеке, Ленинград.

¹⁰⁷ Печатается в переводе с подлинника, хранящегося в Литературном музее, Москва.

¹⁰⁸ «Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Lettres écrites de Pétersbourg et de Moscou. 1813—1819», Moscou, 1882—1883, 573.

¹⁰⁹ Письмо Бетмана к Александру I от 1 июня 1815 г.—Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 3976, 1815. Приложенное к нему письмо г-жи де Сталь полностью опубликовано не было, небольшая выдержка из него (по-французски) приведена в примечаниях к ст. Н. К. Шильдера, Александр I и г-жа де Сталь.—«Вестник Европы», 1896, кн. 12, 579.

¹¹⁰ Н. К. Шильдер, *op. cit.*, кн. 12, 579—582.

¹¹¹ Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 11.118-а, 1815, Expéd., лл. 5—6 об. Письмо это и Шильдером и в «Revue de Paris» напечатано с неверной датой 13 августа 1815 г.—следует 9/21 августа. При публикации упущено было из виду, что письма Александра I датированы старым стилем, и, исправив произвольно дату, хотели избежать недоразумения, что ответ был послан раньше получения письма.

¹¹² В «Revue de Paris» напечатано с неверной датой 9 сентября.

¹¹³ Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. №№ 11.117-а и 11.118-а.

¹¹⁴ O u v a g o f f, L'empereur Alexandre et Buonaparte. St.-Pétersbourg. De l'Imprimerie de Pluchart, 1814, I, 33—35, 36—37.

¹¹⁵ Письмо Жозефа де Местра к Уварову.—«Литературное Наследство», М., 1937, т. 29—30, 699.

¹¹⁶ Архив гр. С. С. Уварова.—Исторический музей, Москва.

¹¹⁷ Н. К. Шильдер, *op. cit.*—«Вестник Европы», 1896, кн. 12, 585—586.

¹¹⁸ I b i d., 586—587.

¹¹⁹ I b i d., 587—588.

¹²⁰ I b i d., 589—590. В «Revue de Paris» письмо напечатано с неверной датой 8 июля.

¹²¹ Имеющаяся в подлинном письме приписка: «C'est par Mr Pozzo di Borgo que passe cette lettre», отсутствует в публикациях и Шильдера и «Revue de Paris».

¹²² Н. К. Шильдер, *op. cit.*, 590—593.

¹²³ Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 11.296, 1817, Récep., лл. 18—19.

¹²⁴ Н. К. Шильдер, *op. cit.*, 593.

¹²⁵ Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 11.122. Письмо было опубликовано Шильдером в отрывке (см. прим. 100-е); полностью печатается в п е р в ы е.

¹²⁶ S t a ë l de, Considérations, III, 380—381.

¹²⁷ «Архив бр. Тургеневых», II, под ред. Е. И. Тарасова, СПб. 1913, 150; III, под ред. Н. И. Кульмана, П., 1921, 172, 202.

¹²⁸ К. В. Пигарев, Что перевел Тютчев.—Сборник «Звенья», М., 1934, III—IV, 258.

¹²⁹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, СПб. 1878, I, 57. Гл. VI. О жизни и сочинениях В. А. Озерова.

¹³⁰ «Архив бр. Тургеневых», II, 245—249, 308, 312—313, 450.

¹³¹ Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 11.298, лл. 114—129 об.—Там же, М. И. Д., Канц. № 9077, сохранилось письмо Поццо ди Борго к Каподистрии от 8/20 мая 1818 г.—сопроводительное к экземпляру только-что вышедшей книги г-жи де Сталь «Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française», которую сын г-жи де Сталь, Огюст, посылал Александру I при письме. Письмо Огюста Сталя не сохранилось.

¹³² П. Н. Свистунов, Отповедь.—«Русский Архив», 1871, I, 336.

¹³³ П. А. Вяземский, Биографическом похвальном слове Г-же Сталь-Гольштейн.—«Сын Отечества», 1822, ч. 79, № 29, 121—122.

¹³⁴ «Остафьевский Архив», СПб. 1909, II, 217.

¹³⁵ Ср. с текстом Пушкина стр. 352—353 «Dix années d'exil». Об отношениях Пушкина к г-же де Сталь см. В. Р ж и г а, Пушкин и мемуары М-me de Staël.—«ИОРЯС Академии наук», 1914, кн. XIX, вып. 2.

¹³⁶ А. М[уханов], Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями.—«Сын Отечества», 1825, ч. 101, № 10, 152—155. «О г-же Сталь и г-не М—ве».—«Московский Телеграф», 1825, № 12. Кроме статьи Пушкина, см.: 1) «Мысли лорда Байрона о г-же Сталь и Вальтер Скотте».—«Московский Телеграф», 1827, № 1; 2) «Разговор Наполеона с сыном г-жи Сталь».—Там же, 1830, № 11; 3) «Вечер у г-жи Сталь или парижские собрания 1789—1790 гг. Соч. Бульи».—Там же, 1834, № 3.

¹³⁷ «Сборник П. И. Щукина», X, М., 1902, 418—419.

¹³⁸ П. А. Вяземский, *op. cit.*—«Сын Отечества», 1822, № 29, 121.

¹³⁹ I b i d., 119.

¹⁴⁰ «Остафьевский Архив», II, СПб. 1899, 253.

¹⁴¹ I b i d., 461—462; см. также С. Н. Д у р ы л и н, П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique».—«Литературное Наследство», М., 1937, т. 31—32, стр. 95—99.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОГРАФЫ Г-ЖИ ДЕ СТАЛЬ В СОБРАНИЯХ СССР

Знаком «*» отмечены документы, впервые публикуемые в настоящем издании. Письма под №№ 10, 16—19, 23—29 нашей описи не включены в публикацию, так как они не касаются русских отношений г-жи де Сталь.

А. ПИСЬМА, ЗАПИСКИ

1. Александру I—Лондон, 25 апреля 1814 г.
Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 3802, 1814, № 24 Réser., лл. 28—29. Опубликовано в русском переводе: Н. Шильдер, Александр I и г-жа де Сталь.—«Вестник Европы», 1896, декабрь; в подлиннике: «La Revue de Paris», 1897, 1 janvier, как и нижеуказанные под №№ 2—8. См. также выше, стр. 287—288.
2. Е му же—Коппе, 8 июня 1815 г.
Там же, М. И. Д., Канц. № 11.117-а, Réser. 1815, лл. 2—3 об. См. выше, стр. 292—294.
3. Е му же—Коппе, 9 августа 1815 г.
Там же, лл. 4—5. См. также выше, стр. 294.
4. Е му же—Лозанна, 19 сентября 1815 г.
Там же, лл. 7—8 об. См. выше, стр. 295—296.
5. Е му же—Флоренция, 26 февраля 1816 г.
Там же, М. И. Д., Канц. № 3824, 1816, Réser. et Expréd., лл. 2—3. См. выше, 299—300.
6. Е му же—Флоренция, 2 июня 1816 г.
Там же, лл. 4—6 об. См. выше, 300—302.
7. Е му же—Париж, 3 ноября 1816 г.
Там же, лл. 7—10. См. выше, стр. 302.
8. Е му же—Париж, 14 декабря 1816 г.
Там же, лл. 11—14 об. См. выше, стр. 302—303.
- 9.* Бетману (Bethmann) Симону-Морицу—[Коппе] 22 мая [1815 г.]
Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 3976, 1815. Листы не нумерованы. См. выше, стр. 291—292.
10. [Бонштеттену (Bonstetten) Шарлю-Виктору]—[Женева, 1806 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Собрание П. К. Сухтелена.
- 11.* Васильеву В. Ф., графу—[Петербург, август 1812 г.]
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собрания Театрального музея им. Бахрушина. См. выше, стр. 278.
12. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской Е. И., княгине—[Петербург, август 1812 г.]
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив Кутузовых-Смоленских. Опубликовано: «Русская Старина», 1872, V, май, и Staël de, Dix années d'exil. Edition nouvelle par Paul Gautier, P., 1904, как и нижеуказанные под №№ 13—15.
13. Ей же—Стокгольм, 28 сентября [?] [1812 г.]
Там же. См. выше, стр. 279.
14. Ей же—Стокгольм, 5 декабря [1812 г.]
Там же. См. выше, стр. 279—280.
15. Ей же—Стокгольм, 20 мая 1813 г.
Там же. См. выше, стр. 280—281.
16. Дю Бюку (Du Bus)—Коппе, 28 мая [1799—1800 г.]
Исторический музей, Москва. Собр. Г. В. Орлова, 16/5.
17. Е му же—26 прериала [1799—1800 г.]
Там же, 16/3.
18. Е му же—Коппе, 4 мессидора [1799—1800 г.]
Там же, 16/6.
19. Е му же—24 мессидора [1799—1800 г.]
Там же, 16/4.
- 20.* Крюденер Юлии, баронессе—Женева, 1 февраля [1803 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Фонд Крюденер. См. выше, статью «Юлия Крюденер и французские писатели», стр. 112.
- 21.* Ей же—Коппе, 14 октября [1807 г.]
Там же. См. вышеуказанную статью, стр. 120.

- 22.* Ей же—[Коппе], 5 февраля [1809 г.]
Там же. См. вышеуказанную статью, стр. 121—122.
23. Моро де Сен-Мери (Moreau de St.-Méry)—Милан [7 июня 1805 г.]
Институт истории Академии наук СССР, Ленинград. Фонд бывш. Института книги, документа и письма.
24. [Неизвестному]—Дрезден, понедельник [1808 г.]
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. „Альбом Элима Мещерского“, л. 387.
25. [Неизвестному князю]—[Петербург, 1812 г.]
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Собр. Норова.
26. [Неизвестному]—б. д.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. „Альбом А. Е. Шиповой“.
27. [Неизвестному]—13-го вечером б. д.
Публичная библиотека, Ленинград, КП 10/39.
28. [Неизвестному поэту]—б. д.
Публичная библиотека, Ленинград. Собр. Вакселя, № 39.
29. Ривьера (Riviera)—Пиза, 17 февраля 1816 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собр. кн. Меншикова, 397/10.
- 30.* Ростопчину Ф. В., графу—[Париж, зима 1814—1815 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Общ. собр. автогр. См. выше, стр. 290.
- 31.* Свиньину П. П.—2 января 1814 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Карт. Гоголь—Вейдемейер. См. выше, стр. 286.
- 32.* Сухтелену П. К., генералу—[1812 г.]
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собр. Новиковой, № 118. См. выше, стр. 274, № 3.
- 33—37.* Ему же—[1812 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Собр. П. К. Сухтелена. См. выше, стр. 274—275.
- 38—40.* Сухтелену П. П., сыну—[Петербург, 1812 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Собр. П. К. Сухтелена. См. выше, стр. 272—274.
- 41.* Сухтелен М-ле—[Петербург, 1812 г.]
Публичная библиотека, Ленинград. Собр. П. К. Сухтелена. См. выше, стр. 274.
- 42—58.* Уварову С. С.—[Вена, начало 1808 г.]
Исторический музей, Москва. Собр. гр. Уварова, № 41/233, ф. 48. См. выше, стр. 252—257.
- 59.* Ему же—[Вена, начало 1808 г.]
Исторический музей, Москва. Собр. Г. В. Орлова, 16/1. См. выше, стр. 253, № 2.
- 60.* Ему же—Стокгольм, 2 мая [1813 г.]
Исторический музей, Москва. Собр. гр. Уварова, № 41/233, ф. 48. См. выше, стр. 283—284.
- 61.* Ему же—Коппе, 10 сентября 1815 г.
Там же. См. выше, стр. 298—299.
- 62.* [Шиллеру (Schiller) Фридриху]—[Веймар, 1804 г.]
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив К. Р., фонд 137, № 127. Воспроизведение см. выше, стр. 223.

Б. НЕРАЗЫСКАННЫЕ АВТОГРАФЫ

63. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской Е. И. княгине—Стокгольм, 15 февраля [1813 г.]
Опубликовано: „Русская Старина“, 1872, V, и у St a ë l de, Dix années d'exil. Edit. nouvelle par Paul Gautier. См. также выше, стр. 280.
64. Ей же—Стокгольм, 3 мая 1813 г.
Опубликовано там же. См. также выше, стр. 280.
- 65—66. Дю Бюку.
В собрании Г. В. Орлова, Исторический музей, Москва, 16/2, значилось 6 писем г-жи де Сталь к Дю Бюку (1799—1800), налицо лишь 4 (№№ 16—19 описи).
67. Неизвестному—1816 г.
Значилось в описи „Альбома Каролины Собанской“, Всеукраинский исторический музей, Киев.
68. Неизвестному—1816 г.
Значилось там же.
69. Гатищеву Д. П.—[Лондон], 15 марта 1814 г.
Опубликовано: „Архив кн. Воронцова“, кн. XXIX, М., 1883, 437—438, и у St a ë l de, op. cit. См. также выше, стр. 286—287.

В. ПИСЬМА К Г-ЖЕ ДЕ СТАЛЬ

1. Александра I—Гейдельберг, 13/25 июня 1815 г.—отпуск письма. Архив внешней политики, Москва, М. И. Д., Канц. № 11.118-а, 1815, Exréd., лл. 2—2 об. Опубликовано в русском переводе: Н. Шильдер, Александр I и г-жа де Сталь.—«Вестник Европы», 1896, декабрь; в подлиннике: „La Revue de Paris“, 1897, 1 janvier, как и нижеуказанные под №№ 2—5. См. также выше, стр. 294.
2. Е го же—Париж, 9/21 августа 1815 г.—отпуск с собственноручными исправлениями и вставками Александра. Там же, лл. 3—4. См. выше, стр. 294—295.
3. Е го же—Париж, 14/26 сентября 1815 г.—отпуск с собственноручной пометой Александра: «Approuvé» («Одобрено»). Там же, лл. 6—7. См. выше, стр. 296.
4. Е го же—Петербург, 4 апреля 1816 г.—отпуск с собственноручными поправками и вставками Александра. Там же, лл. 8—9. См. выше, стр. 300.
5. Е го же—Петербург, 24 февраля 1817 г.—отпуск с собственноручной пометой Александра: «Быть по сему». Там же. М. И. Д., Канц. № 11.122, 1817, Réser. et Exréd., лл. 2—3. См. выше, стр. 304—305.
6. Виланда (Wieland) Христофа-Мартина—20 декабря [1803 г.] Исторический музей, Москва. Собр. Г. В. Орлова, 18/96.
7. Л и н и я (Ligne) Шарля, князя де—Вена, октябрь 1812 г. Литературный музей, Москва. Собр. М. П. Алексеева, 3107—8.